

СЛАВЯНСКОЕ

ISSN 0132-1366

№2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2013
СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Задорожник Э.Г.* (Москва). Государство и церковь: феномен паломничества в Словакии (к 25-летию «демонстрации со свечами») 3
- Шабалина Е.В.* (Екатеринбург). Культурные коннотации численного *девять* в русской языковой традиции (на польском фоне) 20

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Липтева Л.П.* (Москва). Адольф Патера (1836–1912). К вопросу о русско-чешских научных связях. К столетию со дня смерти чешского ученого 26

К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

- Кашианова О.С.* (Москва). К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) 37
- Соколовская О.В.* (Москва). Последняя встреча 49
- Чеобану А.-Б.* (Яссы). Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II 61
- Аксенова Е.П.* (Москва). Антоний Васильевич Флоровский о Романовых 69

СООБЩЕНИЯ

- Шидловский С.О.* (Полоцк). Из проектов И.С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской империи 78
- Шайдуров В.Н.* (Санкт-Петербург). К вопросу о формировании польской общины в Западной Сибири: вторая половина XIX – начало XX века 86
- Ганин А.В.* (Москва). Генштабисты украинских армий 1917–1920 годов в Советской России и СССР после Гражданской войны (1920–1945 годы) 93
- Коровицина Н.В.* (Москва). Некоторые аспекты социологических исследований в современной Польше 105

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Косик В.И.</i> М. Смольянинова. Васил Друмев (Митрополит Климент)	112
<i>Косик В.И.</i> Последние болгарски владци в Македония	114
<i>Савчук В.С.</i> Л.П. Лаптева. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в.	116

ЮБИЛЕИ

<i>Иванов Вяч.Вс.</i> К портретам юбиляра: Татьяна Михайловна Николаева	123
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2013
© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2013

© 2013 г. Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ: ФЕНОМЕН ПАЛОМНИЧЕСТВА
В СЛОВАКИИ(к 25-летию «демонстрации со свечами»)¹

Статья посвящена значимым для истории словацкого оппозиционного движения феноменам – паломничеству и «демонстрации со свечами» 25 марта 1988 г. На основе архивных документов прослеживаются процессы политизации словацких католиков под влиянием «тайной» церкви. Анализируется соотношение двух различных форм проявления ненасильственного сопротивления («неполитической политики») – Хартии 77 и протестных настроений в рамках католической церкви.

The article is dedicated to the phenomena meaningful for the Slovak oppositional movement, namely pilgrimage and the «Candle Demonstration» of March 25, 1988. Archival materials are used to demonstrate the process of politicisation among the Slovak Catholics under the influence of the «cryptal» church. The author analyses the correlation of the two different forms of non-violent resistance (the so called «apolitical politics») – Charter 77 and protest moods within the Catholic Church.

Ключевые слова: Словакия, протестные настроения, паломничество, «тайная» церковь, «режим нормализации», Объединение католического духовенства Пацем ин Террис (ОКД ПиТ), ненасильственное сопротивление, «неполитическая политика».

25 марта 1988 г. в Братиславе на площади имени П.О. Гвездослава, названной в честь словацкого поэта и мыслителя (1849–1921), состоялась «демонстрация со свечами» («мирное шествие со свечами»), получившая широкий резонанс во всем мире. Две тысячи горожан и жителей Словакии собрались на самой площади, еще 12 тыс. – на прилегающих к ней улицах. Свечи горели в течение получаса, пелись религиозные гимны – как это не раз происходило в ходе паломничеств. Демонстрация была разогнана с применением водометов, а 141 ее участник подвергся аресту.

Есть основания считать событие 25 марта 1988 г. кульминацией противостояния церкви и государства в Словакии на протяжении всей ее послевоенной истории и особенно после краха «социализма с человеческим лицом». Горящие свечи осветили темные глубины пропасти в отношениях между верующими и «режимом нормализации». «Демонстрация со свечами» выявила значимость трех процессов, которые определили нарастание силы оппозиционных движений и одновременно мощи массовых протестных настроений – в ретроспективе именно с нее начинается отсчет краха этого режима в Словакии. Во-первых, ее можно трактовать как своеобразное паломничество, в котором приняли участие

Задорожнюк Элла Григорьевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ОИФН РАН «Нации и государства в мировой истории».

не только католики, но также лютеране, представители других церквей и даже атеисты. Во-вторых, демонстрация фактически выявила пункты противостояния патронировавшегося государством Объединения католического духовенства Пацем ин Террис² (ОКД ПиТ) и «тайной» церкви. В-третьих, многие прихожане католической церкви после ее разгона политизировались и вошли в более тесный союз с другими оппозиционными течениями, представляемыми, в первую очередь, движением «зеленых» и творческой интеллигенцией. Как отмечают исследователи, «в ходе пения религиозных гимнов в едином порыве объединились не только католики, но также представители экологических движений и художественных кругов – и с этого момента их взаимопонимание и взаимодействие постоянно усиливались» [1. С. 79]. В конечном счете политизация католицизма (и других религиозных течений) оказала влияние на формирование в Словакии протоструктур гражданских инициатив, движения Общественность против насилия и партий, определяющих политический ландшафт и современной Словакии.

Предыстория «демонстрации со свечами», равно как история и логика становления религиозного фактора³ протестного движения в Словакии как ключевого, и является предметом данной статьи. Акцент в ней ставится на феноменологическом описании паломничеств и «демонстрации со свечами», которая трактуется как одна из специфических и в чем-то кульминационных его форм. Противостояние лояльного «режиму нормализации» ОКД ПиТ и «тайной» церкви уже были изложены в работах автора, равно как и – фрагментарно – консолидация названных выше направлений оппозиционного движения [2].

Известный словацкий политический деятель Я. Чарногурский, прямой или косвенный участник большинства из рассматриваемых в статье событий, отмечал, что предыстория демонстрации 25 марта 1988 г. носит едва ли не приключенческий характер. Еще в середине февраля 1988 г. он получил из Швейцарии от известного чехословацкого хоккеиста, а на тот момент исполнительного вице-директора Всемирного конгресса словаков (Канада) эмигранта М. Штястного, спрятанный в плитке шоколада листок, который обнаружился совершенно случайно. В нем говорилось, что словаки за рубежом готовят на 25 марта 1988 г. демонстрации перед зданиями чехословацких посольств в различных городах мира в поддержку религиозной и гражданской свобод; он просил, чтобы их поддержали словаки и в самой Словакии. Чарногурский и его сторонники решили поддержать данную инициативу, заручившись поддержкой «тайной» церкви [3. С. 614]. Тем более, что в тот момент ее активисты в Словакии пребывали в приподнятом настроении: петицию моравских католиков против преследования верующих, содержавшую 31 пункт, к началу 1988 г. подписали более 500 тыс. чехословацких католиков, в том числе около 300 тыс. – в Словакии [4]. Основные требования петиции: отделение церкви от государства; прекращение государственного вмешательства в церковные дела и др. [5. Krab. С. 99. L. 158].

Вторым импульсом явилась попытка проведения публичной демонстрации в Праге 10 декабря 1987 г. в День прав человека, организатором которой являлась Хартия 77 [3. С. 614–615]. Людей собралось немного, поэтому эта демонстрация не считалась Хартией 77 успешной, но «тайная» церковь в Словакии оценивала достаточно высоко сам факт ее проведения.

О намерении провести демонстрацию активисты «тайной» церкви в Словакии узнали 10 марта, когда один из них – Ф. Миклошко, в соответствии с действовавшим законодательством о праве граждан на собрания, направил в окружной на-

² Pacem in Terris (лат.) – Мир на Земле.

³ По данным переписи населения, в Словакии в 2011 г. 62 % населения причисляли себя к римско-католической церкви (в 2001 г. – 68,9 %, в 1991 г. – 69,4 %).

циональный комитет г. Братиславы письмо с информацией о ней⁴ [6]. Свои планы организаторы сообщили редакциям радиостанций «Ватикан» (10 марта 1988 г.) и «Голос Америки» (13 марта 1988 г.).

14 марта секретарь Национального комитета Братиславы (НКБ) по делам церкви ознакомил значительную часть братиславских священников с планировавшейся демонстрацией и одновременно призвал их выразить свое негативное к ней отношение. Некоторые священники от этой акции «подполья» дистанцировались, однако и призывы чиновников приложить усилия для «правдивого» информирования верующих в костелах, проигнорировали [6].

Нешуточную тревогу вызвала ее подготовка у партийных органов. 15 марта информация о «демонстрации со свечами» явилась предметом обсуждения заседания президиума ЦК Коммунистической партии Словакии (ЦК КПС), анализировавшего внутривластическую ситуацию в словацкой части социалистической федерации. Министр внутренних дел сообщил о планировавшейся на 25 марта «людьми с Запада» акции, которая была названа «политической». Президиум ЦК КПС предложил три варианта решения: один из них, названный «крайним», не исключал применение силы [6]. Словацкое коммунистическое руководство призывало секретарей по церковным делам при краевых и районных национальных комитетах (так называемые церковные секретари) превентивно оказать влияние на римско-католическое духовенство с тем, «чтобы оно от указанной акции отмежевалось, оказав тем самым соответствующее влияние на верующих». Городским церковным секретарям надлежало «обеспечить в ряде костелов в Братиславе в период с 23 марта организацию богослужений, на которых духовенству следовало призвать верующих не принимать участия в демонстрации и добиться, чтобы официальная церковь дистанцировалась от протестной акции, организованной мирянами. Официальной церкви было рекомендовано использовать при этом следующие аргументы: акция может привести к дестабилизации отношений между государством и Ватиканом и оказать негативное влияние на наметившуюся в последнее время перспективу достижения соглашения между ними» [6].

Принятые «режимом нормализации» в Словакии предупредительные меры, включая давление на католическое духовенство, не заставили себя долго ждать. В канун «демонстрации со свечами» ряд священников из ОКД ПиТ выступили в СМИ с выражением негативного к ней отношения [3. С. 616; 5. Krab. С. 67. L. 127–128; 6]. Другая часть духовенства, поддерживавшая ОКД ПиТ, вела себя индифферентно, не допуская лишь пропаганды готовившейся акции в костелах. Между тем примерно за день до демонстрации на дверях некоторых костелов в Братиславе появились листовки, информировавшие прихожан о ее проведении.

Судя по архивным документам, власти, действительно, основательно готовились к демонстрации. Так, по указанию ЦК КПС была создана комиссия, которая разработала соответствующие контрмеры. Секретариат правительства Словацкой социалистической республики (ССР) по делам церкви при Министерстве культуры Словакии дал гарантию, что представители римско-католической и греко-католической церквей от этого мероприятия дистанцируются. Заявление Корпуса ординариев Словакии публиковалось в прессе, в том числе в церковной [5. Krab. С. 67. L. 127].

Государственные надзорные органы настаивали на проведении накануне и в день «демонстрации со свечами» «отвлекающих» богослужений, предпринимались и другие, более приземленные, превентивные меры по ее пресечению. Так,

⁴ Еще в начале февраля 1988 г. чехословацкой разведке, которая вела мониторинг эмигрантских организаций, удалось зарегистрировать сообщение о планах проведения демонстрации, когда М. Штясны передавал радиосообщение о готовившихся митингах протеста в столичных городах ряда западных государств [6].

не допускалось использование автобусов для массовой перевозки желающих в Братиславу и т.п. [5. Krab. С. 67. L. 128].

Демонстрация все же состоялась. Документы внешне бесстрастными словами передают атмосферу шока и одновременно иллюзорного самоуспокоения властей от демонстрации «25.3.1988 г., около 17.00, – говорилось в одном из них, – начали собираться верующие перед небольшим костелом на площади Гвездослава. В 18.00 собравшиеся перед национальным театром около 600 человек зажгли свечи. Одновременно стали петь государственный гимн, а потом и другие, национальные, песни. Представитель Национального фронта ССР и сотрудники органов безопасности призвали собравшихся разойтись, разъясняли, что речь идет о неразрешенном мероприятии. После того, как толпа этот призыв проигнорировала, сотрудники органов милиции предприняли попытки разогнать толпу, сначала с помощью легковых автомобилей милиции, а потом при помощи поливальной машины. Собравшиеся переместились к фонтану перед Словацким национальным театром. В 18.35 были использованы водометы. Примерно в 18.45 площадь очистили [...] Официальные представители церкви и духовенство осуждают это демонстративное собрание и характеризуют его как мероприятие с четко выраженной антиобщественной политической направленностью. Меры чех[ословацких] государственных органов и органов безопасности квалифицируются как адекватные целям и намерениям организаторов данной акции» [5. Krab. С. 67. L. 128].

Документ зафиксировал и то, что можно назвать посттравматическим синдромом от демонстрации. В нем, в частности, утверждалось: во-первых, многие священнослужители, а также представители государственных органов получали анонимные письма с угрозами, связывая их с непризнанием демонстрации; во-вторых, «наблюдались попытки использовать заявления официальных представителей церкви о поддержке требований нелегальных церковных структур [...] В этой связи Секретариат правительства ССР по делам церкви принял конкретные меры относительно угрозы использования публичных церковных собраний в рамках Марианского года» [5. Krab. С. 67. L. 129]. Придавая новое качество демонстрации как политизированному выступлению верующих, документ все же допускал, что не все они, а тем более не все священники, однозначно ее одобряют.

По-иному трактовали демонстрацию активисты и приверженцы «тайной» церкви. Чарногурский вспоминал: «Большое количество людей, их преданность делу и мужество по отношению к действиям полиции – все это свидетельствовало, что наступает заключительная фаза борьбы с коммунизмом» [7. С. 374]. Согласно мемуарному свидетельству Ф. Миклошко, события 25 марта носили спонтанный характер, но с учетом того, что уже с января 1988 г. требования религиозных свобод в Чехословакии стали звучать все чаще и громче, их можно считать и запланированными. Действительно, проходившая в 1987 г. – начале 1988 г. в Чехословакии самая крупная подписная акция за религиозные свободы требовала логического продолжения. Оно и проявилось уже в виде «демонстрации со свечами» в поддержку религиозных свобод, которые являются основополагающими для прав человека в целом. Этих свобод неявно требовали в ходе паломничеств, которые проходили еще в дофевральской Словакии и в рамках которых мистическое озарение заканчивалось акциями гражданского неповиновения, в чем-то подтверждая универсальное положение французского католического мыслителя Шарля Пегги (1873–1914): «Все начинается с мистики, а заканчивается политикой».

Созданная в Словакии в 1974 г. духовно-религиозная община «Фатима» [8. S. 12–16] как структура «тайной» церкви, а также ранее призывавший к неучастию в политике тайно рукоположенный в епископский сан Я.Х. Корец, как и его более радикальные соратники В. Юкл, С. Крчмери и Р. Фибы, подчеркивали преемственность противостояния государства и католической церкви в Словакии

(подробнее см. [9]). «Я, – вспоминал Ф. Миклошко, – вижу нечто мистическое в нашей истории. В [19]47-м в апреле повесили Тисо, а в мае должно было быть паломничество, молодежное паломничество из Братиславы в Марианку. И студенты решили, что они пойдут пешком с крестом такой величины, как у Христа. И эти люди шли с крестом через всю Братиславу, и когда они возвращались, Братислава была на ногах, и люди были в каком-то экстазе, подходили к этому кресту, целовали его. И “Католическая газета” написала: “Словакия воскликнула: крест, который грядет, принимаю!” Очень интересно, ведь тогда еще шла большая политическая борьба, люди еще верили, что парламент, правительство как-нибудь разберутся [...] Это было своеобразное мистическое озарение, а ровно спустя сорок лет пришло другое мистическое озарение, эта демонстрация со свечами. Удивительно, что полицейские били демонстрантов, поливали их из водяных пушек и так далее, а эти люди, которых швыряли на землю, тут же вставали и зажигали свечку, и полчаса эта свечка горела. Каждый, кто там был, вспоминал это как трансцендентальный опыт. Люди молились, пели, их оттесняли, они возвращались и кричали: “Еще пять минут! Еще четыре минуты!”, хотели продержаться еще немного» [10].

В другом мемуарном свидетельстве словацкого диссидента М. Кусы отмечается, что «демонстрация со свечами» выявила важный момент взаимопонимания между такими оппозиционными «режиму нормализации» структурами, как Хартия 77 и «тайная» церковь. Я. Паточка называл Хартию «новой духовной ориентацией», но она не столько обращала внимание на протестный потенциал верующих, сколько ставила акцент на довольно абстрактных религиозных свободах, поэтому она и не стала столь популярной в Словакии, как в Чехии. Как небезосновательно считает Кусы, Хартия 77 в этом плане не предлагала словацким верующим ничего кардинально нового по сравнению с тем, что уже дала «тайная» церковь с ее многолетним опытом. «Она [“тайная” церковь], – утверждает Кусы, – не шла на конфронтацию с режимом, избирала скорее деятельность при помощи “мирного прогресса в рамках закона”. Она отказывалась брать на себя роль гражданско-политического диссидентства и хотела репрезентовать лишь позицию верующих» [11. S. 284].

Оказалось, что все было не так просто – и данная церковь, постепенно аккумулируя энергию протеста в ходе паломничеств, благословила и поддержала ее выражение в форме «демонстрации со свечами». С этого момента Хартия 77 признала мощный потенциал «неполитического» движения словацких католиков в их противостоянии «режиму нормализации», по-новому оценив и феномен паломничества. Новые оценки демонстрации получила в документе Хартии под названием «Брутальное вмешательство против собравшихся верующих в Братиславе» [12. S. 990–991]. Словацкие католики не испытывали тогда потребности перейти на более высокий уровень борьбы за гражданские и политические права в целом, репрезентовавшиеся Хартией. «Представители “тайной” церкви (епископ Корец и его ассистент Ф. Миклошко) мне тогда сказали: наши верующие не давали нам мандат на переход на этот гражданско-политический уровень!» [11. S. 285], – писал М. Кусы. Фактически же на этот уровень они перешли, по-своему продемонстрировав мощь ненасильственного сопротивления, своего рода «неполитической политики» в Словакии.

Надо сказать, что контакты словацких религиозных активистов со «светскими» диссидентами намечались еще с начала 1970-х годов. Интересно свидетельство Ф. Миклошко о встречах с известным словацким философом М. Шимечкой и будущими хартистами. «Одного из чешских диссидентов, – вспоминал он, – эш-тебаки (т.е. сотрудники органов госбезопасности. – Э.З.) задержали в Братиславе и, отправляя его назад, предупредили: “Хотите в Чехии подрывать республику – пожалуйста. Но здесь вам это не удастся”» [10]. Диссидентов в это время в

Словакии были считанные единицы, причем они находились под более жестким, чем в Чехии, контролем [2]. Диссиденты же религиозные – если таковыми можно назвать приверженцев «тайной» церкви – подобного одиночества не ощущали, их судьбами интересовалась церковь и в Словакии, и за рубежом, а в ходе паломничеств они были окружены верующими.

Зарубежные радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» при участии священника-сезезианца А. Глинки, эмигрировавшего из Чехословакии еще в 1951 г., а также глава Словацкой католической миссии в Вене священник С.К. Чик придали событиям 25 марта общеевропейское звучание, трактуя их как противостояние «режиму нормализации». Уже вечером 25 марта из передач радиостанции «Голос Америки» Словакия узнала о происходивших на площади Гвездослава событиях, хотя готовившиеся за рубежом перед зданиями посольств ЧССР в ряде стран демонстрации не состоялись.

Примечательно, что еще за два дня до начала демонстрации австрийское радио, предваряя события, оценило планировавшуюся акцию как самую масштабную конфронтацию между государственными органами и частью населения со времен Пражской весны. Это дало повод партийному руководству и в дальнейшем неоднократно возвращаться к анализу прошедших 25 марта событий, выяснять их причины и принимать меры по предотвращению их в будущем.

Они явились предметом пристального рассмотрения партийных форумов, в частности, пленума ЦК КПС 14 апреля 1988 г., в работе которого приняли участие прибывшие из Праги генеральный секретарь ЦК КПЧ М. Якеш и секретарь ЦК КПЧ К. Гофман. Избранный на пленуме первый секретарь ЦК КПС И. Янак, сменивший Й. Ленарта, возглавлявшего партию с 1970 г., представил доклад о работе словацких коммунистов, в том числе и в сфере церковной политики. Причины эскалации напряженности в словацкой части федерации он объяснял вмешательством «реакционных сил, которые в 1988 г. интенсифицировали попытки, направленные на дестабилизацию политической обстановки в Словакии». Они «усиливают идейно-диверсионное и психологическое давление на наших граждан, действуют по заранее продуманным планам и используют реакционные эмигрантские организации, каким является Всемирный конгресс словаков». Вся акция, по его словам, была организована из-за рубежа при посредничестве радиостанций «Голос Америки», «Свободная Европа», австрийского радио и телевидения.

Не вызывало сомнений у докладчика и то, что «давление со стороны зарубежных идейно-диверсионных центров будет увеличиваться», поэтому будет возрастать и значение идеологической и массово-политической деятельности партии в процессе перестройки [13. Zápis zo zasadania Ustredného Výboru Komunistickej strany Slovenska dňa 14. apríla 1988. Krab. Č. 1953. L. 19–20]. Раздававшиеся в адрес «тайной» церкви обвинения в связях с «людовской», «националистической» и «клерофашистской» эмиграцией превращались на заключительной стадии «режима нормализации» уже в ритуально-нормативные, но то были «дежурные» обвинения – верующие, в первую очередь, сами вступили в борьбу за свои права.

В дискуссии на пленуме выступил министр культуры Словакии М. Валек, в ведении которого, собственно, и находился курировавший церковную деятельность Секретариат правительства ССР по делам церкви. Он указал на возросшую активность «так называемой тайной церкви, которая вылилась недавно в организацию демонстрации под предлогом назначения епископов на вакантные места в Чехословакии». «Надо сказать, – отметил он, – что организаторы этой акции известны. Их имена были опубликованы, вы их видите в газетах. Зарубежный организатор – Всемирный конгресс словаков – это та инстанция, которую ни вам, ни всему обществу представлять не надо. Однако нужно отметить, что вся эта акция, и не только она одна, но все происходящие в церковной сфере движения точно вписываются в продуманный идейно-диверсионный план в отношении

Чехословакии. Его составители добиваются эскалации напряженности, пытаются доказать, что в Чехословакии не соблюдаются Хельсинкские соглашения и под предлогом несоблюдения прав граждан, в том числе и прав религиозных, провоцируют беспорядки». Министр – и это был, пожалуй, единственный на пленуме объективный и здравый подход к поискам причин роста недовольства в словацком обществе – задал вполне обоснованный вопрос: «Не виноваты ли мы сами, не дали мы какого-нибудь повода для проведения у нас демонстраций за соблюдение прав верующих?». «Должен сказать, – продолжал он, – что нам следует подходить критически к оценке своей работы [...] сегодня мы делаем ненужные ошибки. Из них надо делать соответствующие выводы и не допускать их в дальнейшем». В то же время министр четко выделил тенденцию, которую выявила «демонстрация со свечами»: «постепенный переход от религиозных к общим политическим требованиям. Сначала это были требования назначений на вакантные епископские престолы, но затем стали раздаваться и призывы борьбы за всеобщие права человека, социальные гарантии и так далее» [13. Zápis zo zasadania Ústredného Výboru Komunistickej strany Slovenska dňa 14. apríla 1988. Krab. Č. 1953. L. 29]. Не менее примечательным можно назвать и его следующий, во многом прогностический, вывод: «Хотелось бы сказать, что, судя по всему, этой демонстрацией ничего не закончится. Наступает время традиционных и крупных паломничеств. Становится более-менее ясно, что появятся попытки злоупотреблений паломничествами. Мы провели беседы с некоторыми епископами, ординариями и потребовали от них создать все условия для такого достойного проведения паломничеств, чтобы в их ходе не пришлось вообще прибегать к административным мерам; но при этом церковь должна взять на себя ответственность и следить, чтобы паломничества не выходили за религиозные рамки, чтобы костелы не стали местом проведения антисоциалистических политических митингов».

Вместе с тем министр выступил против «компромиссов в вопросах взаимоотношений церкви и религии и их решения по западным рецептам». «Хотел бы подчеркнуть, – заявил он, – что мы можем подвергнуть критическому пересмотру практические аспекты церковной политики, можем сделать более гибкой эту политику, можем проявить благородство там, где мы были чересчур жесткими, но в целом же, безусловно, никто не собирается торговать правилами и принципами. Мы не воюем против церкви, не воюем против верующих, мы ведем борьбу против тех, кто намерен использовать религию в враждебных политических целях. В заключение хотел бы обратить внимание на следующий момент: мы вступаем в период когда античехословацкая кампания достигнет кульминации, скорее всего, в августе с[его] г[ода]. Нужно постоянно проводить беседы, главным образом, с молодыми коммунистами для которых словацкое государство (имеется в виду период 1939–1944 гг. – Э.З.) – это всего лишь страница из учебника истории и которые не пережили 1968 год и его атмосферу; надо разъяснять эти исторические факты с современных позиций, словом, нужно готовится к тому, к чему коммунисты должны быть готовы всегда – к политической борьбе» [13. Zápis zo zasadania Ústredného Výboru Komunistickej strany Slovenska dňa 14. apríla 1988. Krab. Č. 1953. L. 31].

О том, что эта борьба была постоянной и целенаправленной, свидетельствует «узкая» предыстория демонстрации, начавшаяся с поддержания инициативы Штястного «тайной» церковью. Но у нее была и более «широкая» предыстория, коренившаяся в не прекращавшихся ни при каких обстоятельствах паломничествах к святым местам в Словакии.

«Демонстрация со свечами» высветила роль паломничеств в формировании массовых настроений словаков по отношению к «режиму нормализации» до и после 25 марта 1988 г.; паломничества, часто направляемые активистами «тайной» церкви, представляли как разновидность «неполитической политики». О том, что

в религиозной жизни Словакии особую роль играли паломничества, в предельно широких границах которых формировалось протестное движение и его структуры, свидетельствовал Черногурский. Он, в частности, отмечал, что «сопротивление в Чехии было урбанистически-либерально-посткоммунистическим, а в Словакии, главным образом, христианским, составной частью которого являлось паломничество» [14]. С учетом данного и ряда других свидетельств есть основания трактовать и «демонстрацию со свечами» как специфическую форму паломничества на которое собрались, как упоминалось выше, верующие, представляющие разные социальные группы, в том числе и атеистов. Такое единение фиксировалось пристальными наблюдателями и в ходе паломничеств второй половины 1980-х годов. После 25 марта оно предстало в «явном» виде для всех.

Почему именно паломничество послужило почвой для формирования зачаточных форм ненасильственного сопротивления и питательной средой для создания в послевзгустовский период оппозиционных протоструктур в Словакии?

Традиционно первым местом паломничества считается Иерусалим и святые места в Израиле, в дальнейшем – Рим (с IV в.), а также южные территории стран европейского Средиземноморья. С XIII–XIV вв. местами интенсивного паломничества стали славянские земли, в первую очередь польские и словацкие [15]. Ничто не смогло сдержать паломничества туда и во второй половине XX в., несмотря на то, что представители правящих коммунистических режимов постоянно напоминали об их несовместимости с идеями коммунизма. Представители церкви, лояльные к государству, утверждали, что излишнее паломничество для веры вредно, и пытались их регламентировать. Паломничество в годы «режима нормализации» скорее регулировалось, чем запрещалось – и следы протестных движений в них отыскать нелегко.

ОКД ПиТ и «тайная» церковь стремились дать ему идеологическое оформление по своим образцам. Паломники в своей массе не отвергали ни тех, ни других: ОКД ПиТ все же выступала как миротворческая организация, реализующая завет энциклики Павла VI под тем же названием – и вряд ли большинство ее приверженцев считали себя всего лишь агентами нормализационного режима в рядах церкви. Тем более, что ОКД ПиТ не столь мощно укоренилась в Словакии, поскольку здесь церковь сама по себе выступала как миротворческая сила. То же можно сказать и о степени влияния «тайной» церкви на массовое паломничество, хотя в целом ее приверженцы пользовались большим моральным авторитетом, чем ОКД ПиТ. С учетом того, что Святой престол демонстрировал негативное отношение к лояльному правящему режиму объединению (см. [16]).

В целом паломничество выступило как своеобразная школа массового движения на началах самоорганизации и взаимопонимания. Можно даже утверждать, что «нежная» революция в Словакии потому и приняла предельно ненасильственные формы, что ее граждане прошли школу данного взаимопонимания. «В ходе паломничества, – отмечал Черногурский, – у его участников созревает сознание сопричастности и национального единения без всяких ограничений. Хотя они полностью заполняют костелы и теснятся возле них, их единение является, если использовать выражение Татарки, – духовным. Им, действительно, не нужно использовать экспрессивный язык политических собраний, они и так знают, о чем идет речь и что происходит. Достаточно вспомнить аплодисменты при упоминании имен папы, кардинала Томашека, епископа Кореца» [7. S. 59]. На паломничестве в Левочке можно было увидеть паломников из Австрии, Венгрии и Польши, но и словацкие группы совершали паломничество в Ченстохов (до введения в Польше военного положения).

Следует подчеркнуть, что паломничество по своей сути является полифункциональным феноменом с кумулятивным эффектом воздействия на религиозную

жизнь. Часто как паломничество трактуются и крестовые походы; если говорить о его экономической функции, можно отметить создание на местах паломничества рынков, прокладывание торговых путей и т.п. С точки зрения культуры оно способствовало взаимопроникновению цивилизационных начал и установлению оптимальных средств общения. Во второй половине XX в. одна из его функций – аккумуляция политической энергии, которая в наибольшей степени проявилась именно в Словакии. Хотя до середины 1950-х годов паломничество, особенно молодежное, внушало властям подозрения, они все же не пресекались ими, а использовались как доказательство наличия в государстве религиозных свобод. Новую силу паломничество приобрело в постсталинскую эпоху и особенно к середине 1960-х годов и в последующий период, демонстрируя – по убеждениям государственных и партийных деятелей Чехословакии – лояльность верующим уже «режиму нормализации». Но именно в ходе массового паломничества оказалось, что иллюзия относительно того, что между «режимом нормализации» и церковью отношения могут быть «нормальными», стала подвергаться сомнению в 1970-е годы, а к середине 1980-х годов развеялась окончательно.

Во второй половине 1980-х годов совершались многотысячные паломничества к святым местам⁵: в марте 1986 г. в Шаштине (около 50 тыс. верующих), в июле в Левоче (около 250 тыс.) и Габолтове (около 100 тыс.). В ответ на провозглашение папой Иоанном Павлом II Марианского года (7 июня 1987 г. – 15 августа 1988 г.) государственные органы безуспешно стремились ограничить паломническую активность церкви в Словакии и не допустить ее политизации. Завершило Марианский год в Словакии шествие верующих 13–14 августа 1988 г. в Нитре.

Паломничество во все годы нормализации являлось единственным массовым собранием с элементами, не вписывавшимися в ритуалы правящего режима, которое государство не могло запретить. Сами паломники организовывали шествия в соответствии со своими религиозными представлениями, но не отвергали и неверующих их участников. Постепенно «тайная» церковь стала сознавать, что паломничество является той платформой, где ее приверженцы могут встречаться открыто, поскольку из-за большого числа паломников государство не может применить силу, да и должно было хотя бы внешне продемонстрировать религиозную свободу, которая декларировалась в конституции ЧССР. Этим обуславливается и активное участие ОКД ПиТ в паломничестве, хотя функций надзора организация не выполняла. Не могли обеспечить эту функцию и несколько десятков сотрудников органов госбезопасности.

«Тайная» церковь не считалась некой сектой и выступала как часть единой католической церкви, поэтому при малейшей возможности участвовала в обычных религиозных мероприятиях, в первую очередь в паломничестве. И здесь тайное становилось явным. Черногурский отмечал: «В ходе паломничества “тайная” церковь [...] перед аппаратами и видеокамерами тайной полиции обращается к тысячам и десяткам тысяч паломников. Эта способность католической церкви выдержать давление режима, приспособить свои формы к меняющимся общественным условиям и укреплять свое влияние в обществе, отличает ее от светских

⁵ Расположенные в Левоче святые места были включены в 2005 г. в список марианских мест в Европе. Ранее в 1984 г. папа Иоанн Павел II присвоил храму на Марианской горе (известному с 1330 г., когда здесь исцелился слепой; на соответствующем месте в 1930 г. был возведен комплекс храмов) статус «малой базилики», а в 1995 г. посетил его в ходе второго визита в Словакию, собрав 650 тыс. паломников. Характерно, что особенно мощным было паломничество 1947 г. с молитвами Богу за прекращение Второй мировой войны. Паломники шли из Венгрии и Польши в праздник девы Марии 8 сентября. С 1858 г. действует молельня и для православных. В целом в Словакии из 1267 католических храмов 219 посвящены Божьей Матери Скорбящей как покровительнице Словакии, вследствие чего с 1927 г. празднование ее дня 15 сентября считается и одним из государственных праздников. Главным при этом является храм в Шаштине, куда паломничество осуществляются с 1250 г.

организаций, которые не выдерживали прессинга, прекращали свою деятельность или же подчинялись режиму» [7. S. 59].

Святые места стали территорией неформальных духовных встреч и защиты ценностей солидарности, безопасности и свободы. Первое открытое выступление в Словакии, по свидетельству Миклошко, произошло «в 1983 году, когда арестовали монахов-францисканцев – активистов “тайной” церкви [...] Это была первая подписная акция в Словакии после 1968 года, и это был большой успех, потому что там каждый указал свое полное имя и адрес, и это были провинциалы орденов и другие заметные люди» [10]. Протест с религиозной подоплекой вызывал подозрение у представителей «режима нормализации», которое примерно с этого времени уже не исчезало и перерастало в настороженность к участникам паломничества.

Политическая конфронтация в ходе паломничества наблюдалась в Велеграде (Моравия) в июле 1985 г. в 1100 годовщину со дня кончины св. Мефодия. 250 тыс. паломников (одна треть которых прибыла из Словакии) освистали тогда федерального министра культуры М. Клусака, попытавшегося обвинить участников религиозного шествия в участии в политическом мероприятии. Впервые огромная толпа людей, соединявшая чешских и словацких католиков, открыто выразила государственному деятелю «режима нормализации» свою позицию. Отрицая политическую интерпретацию шествия, верующие высказывали требования религиозной свободы [17. S. 128] и тем самым прорвали табу молчания. Как отмечали словацкие исследователи, это паломничество «явилось первым после 1949 г. открытым массовым протестом против церковной политики государства» [18]. В этот же день и в Левоче собрались 150 тыс. паломников. Молодое поколение училось преодолеть то, что было свойственно их родителям – страх, утверждали паломники.

Следует подчеркнуть, что паломничество, действительно, в общем и целом носило религиозный характер. Однако в его рамках верующие не могли игнорировать политических контекстов общества, в котором они жили. К концу 1980-х годов с их стороны стали появляться требования освобождения религиозных и даже политических заключенных; поддержка визита в Словакию папы; выражалась и потребность в информации об арестованных в 1950-е годы епископах. Все это укрепляло христианскую солидарность и способствовало сдвигу от настоятельности решения сугубо религиозных задач к критике существовавших в государстве порядков [19].

Правящий режим незадолго до «демонстрации со свечами» обеспокоился возможностью объединения разнородных потоков антинормализационного движения и в информации федерального чехословацкого МВД для президиума ЦК Компартии Словакии от 1 марта 1988 г. обозначил новые его тенденции. «В деятельности внутреннего противника, – указывалось в документе, – подчеркивается стремление к объединению и согласованию действий с антисоциалистическими элементами в ССР, в первую очередь с “хартией”, и о формировании единой платформы, на которой в ССР могли бы объединиться антисоциалистически ориентированные бывшие члены КПС, представители венгерского национализма и реакционного крыла римско-католической церкви. Цель – формирование более широкой и дееспособной базы для фактической деятельности оппозиции» [4. S. 213].

Нужно сказать, что партийный аппарат и репрессивные органы достаточно здраво оценивали эту ситуацию и в дальнейшем. В чем-то выражая удовлетворение, что словаки не в такой мере привлекают внимание «режима нормализации», они тем не менее достаточно трезво оценивали реальный масштаб религиозного движения. Действительно, ситуация не могла не разрешиться «демонстрацией со свечами», которую можно трактовать как предельно политизированное паломни-

чество, приуроченное к Вербному воскресению – празднику, указывающему на муки Христовы и последующее воскресение. В силу этого тенденция к неуклонной политизации разнородных движений в рамках католической церкви, включая активизацию структур «тайной» церкви в паломничестве, после мартовских событий 1988 г. в Братиславе, стала явной и мощной. В ответ государство попыталось мобилизовать потенциал ОКД ПиТ, но и здесь, как оказалось, выявились свои трудности.

Встревоженный мартовской «демонстрацией со свечами» и опасаясь ее рецидивов, «режим нормализации» принял превентивные меры даже в отношении официальных церковных мероприятий, не имевших политической подоплеки. В информации от 9 июня 1988 г. федерального руководителя Секретариата правительства по делам церкви речь шла о необходимости принятия мер в связи с подготовкой к запланированному на 11 июня рукоположению в сан новых епископов римско-католической церкви в ЧССР «с целью обеспечения порядка во время проведения данного мероприятия». Информация носила явно успокоительный характер. В ней утверждалось, что на церковно-политическую обстановку в ЧССР оказали заметное влияние встречи заместителя председателя правительства ЧССР с деятелями римско-католической церкви и руководством ОКД ПиТ, а также принятые по ее итогам меры. Позиция правительства ЧССР, переданная федеральным вице-премьером в Словакию, говорилось далее в документе, «была принята и оценена представителями римско-католической церкви позитивно, и можно предполагать, что она имеет поддержку большинства духовенства и верующих римско-католической церкви в ЧССР».

Вместе с тем власти обращали внимание на то, что «на встречах духовенства римско-католической церкви с председателями районных национальных комитетов звучали *отдельные голоса* (курсив мой. – Э.З.), поддерживавшие кардинала Томашека» [5. Krah. С. 7. L. 18]. Тем самым федеральные власти хотели сказать, что Ф. Томашек, как лицо олицетворявшее протестные настроения в церкви, поддерживали единицы, и «тайная» церковь с ним не соприкасалась. Но реальность была в это время иной, а события в Словакии выглядели трудно совместимыми с позицией федерального чиновника, призванного представлять в соответствующие инстанции национальных республик объективную информацию.

Нотки тревоги в документе все же можно заметить, поскольку на проходивших на местах встречах «часть духовенства Р[имско] К[атолической] Ц[еркви] подчеркивала, что меры правительству ЧССР следовало принимать заблаговременно, поскольку в настоящий момент они могут восприниматься как результат кампаний, оказывающих давление на органы власти». Поэтому столь пристальное внимание отводилось представителями высших органов власти проведению разъяснительной работы на местах не только в ходе предстоявшего 11 июня торжественного рукоположения в сан новых епископов, но, как можно предполагать, и необходимости обеспечения порядка во время проведения летнего и осеннего паломничества. Тем более, что в документе прямо говорится об имевших место негативных тенденциях: «Имеются сигналы, что нелегальные структуры хотят использовать массовые собрания верующих после проведения рукоположения для публичного предъявления своих требований». Большую тревогу вызывал рост активности мирян, которые намеревались, в частности, «организовать на 11–12 июня *незапланированное паломничество* (курсив мой. – Э.З.) молодежи к Святым Горам в районе Банской Быстрицы» [5. Krah. С. 7. L. 19]. Госконтроль разрешал проведение только предварительно оговоренного с властями паломничества. В целом в 1988 г. около 700 тыс. чел. участвовали в паломничестве в Словакии, хотя как раз в это время в коммунистической печати появились первые против них выпады, главным образом против скандирования паломниками лозунгов, прославлявших папу, и в поддержку религиозных свобод [7. S. 75]. Но сдерживать их у «режима

нормализации», энергия которого направлялась в основном на поиски внешнего врага и активизацию партийно-пропагандистской деятельности среди различных слоев населения словацкого общества, уже не было практически никакой возможности.

Параллельно с торжественным рукоположением в епископский сан в ряде регионов Словакии 17–18 июня 1988 г. прошли аналогичные обряды относительно простых священников. Эти мероприятия, по информации местных органов власти, «прошли без политических инвектив и нападков на государство». В качестве исключения в документе приводилась проповедь священника (район Свидник), который «призывал верующих активнее участвовать в паломничестве, а также обрушился на социалистический общественный строй, напомнив об огромных страданиях, которые выпали на долю священников в 1950-е годы». Он восхвалял кардинала Томашека и заявил в проповеди, что «на сегодняшний день существуют только две группы священнослужителей – герои и трусы» [5. Krab. Ā. 67. L. 172, 177].

Между тем власти добивались, чтобы религиозное паломничество не выходило за рамки удовлетворения потребностей верующих, а церковь взяла на себя ответственность за его прохождение. Но эта линия оказалась тупиковой, поскольку к концу 1980-х годов политизация паломничества становилась необратимой, а со временем таких сигналов становилось все больше. Не помогали и адресованные духовенству католической церкви предостережения, чтобы «ни они, ни верующие не позволяли втянуть себя в поддержку антиобщественных акций» [5. Krab. Ā. 7. L. 19].

21–23 июня 1988 г. в Благотворительном обществе в Дольном Смоковце состоялся семинар, которому предшествовало заседание президиума ОКД ПиТ [5. Krab. Ā. 55. L. 12]. В ходе их работы прозвучали критические нотки в адрес контролировавших деятельность церкви государственных органов, что можно считать свидетельством начинавшейся дифференциации и в рамках данной лояльной «режиму нормализации» структуры. Его участниками, в частности, подчеркивалось, что «государственному управлению не хватает широты взгляда, его представителям свойственно несоблюдение договоренностей, оно запаздывает». Именно поэтому, по словам выступавших на семинаре, в сфере государственно-церковных отношений ничего не изменилось, «несмотря на неоднократно повторявшиеся слова о гласности. Выступавшими приводились конкретные примеры отказа чиновников предоставить верующим автобусы для поездок на церковные торжества и совершения паломничества, перечислялись факты, когда местные государственные органы по делам церкви вмешивались в духовную деятельность священников [5. Krab. Ā. 55. L. 13]. По логике ряда выступавших, в силу этого ОКД ПиТ не смогла занять должного места в организации паломничества – на фоне того, что находившаяся под подозрением государства «тайная» церковь активнее участвовала в их проведении без какой-либо поддержки.

В итоге ход дискуссии вышел из-под контроля председателя ОКД ПиТ и вылился в «субъективизм личных выступлений присутствовавших без какого-либо стремления решить проблемы, которые сопровождают деятельность объединения», – зафиксировал в заключении документ. Президиум подтвердил, что «внутри ОКД ПиТ раздаются противоречивые суждения относительно содержания и форм его деятельности, а некоторые священнослужители используют объединение для реализации неприемлемых в отношении государственных органов требований» [5. Krab. Ā. 55. L. 13–14]. «Совершенно четко, – читаем в постановлении президиума, – проявилось растущее стремление внести в объединение раскол, отвлечь внимание духовенства от решения проблем в объединении собственными силами. Данная “эрозия изнутри”, как можно с большой долей уверенности утверждать,

организована с целью ухудшить и без того серьезное положение в объединении и дискредитировать его в глазах священнослужителей Р[имско] К[атолической] Ц[еркви]» [5. Krab. Ā. 55. L. 15]. Как видим, бациллы свободомыслия, свойственные ранее «тайной» церкви, стали стремительно проникать и в «бастион» «режима нормализации» на религиозном поле – Объединение католического духовенств Пацем ин Террис.

Итоговый взгляд на ситуацию просматривается в документе от 21 июля 1988 г., содержащем информацию о выполнении главных задач плана Секретариата правительства по делам церкви (сфера деятельности католической церкви) за первое полугодие 1988 г. [5. Krab. Ā. 1. L. 152]. Реализация плана, как отмечалось в документе, за отчетный период обуславливалась «общей общественно-политической атмосферой, которая весьма болезненно отражается в церковно-политической сфере. С одной стороны, проявлялось стремление государственных органов достаточно трезво оценивать и реализовывать обоснованные и завышенные претензии церкви и верующих с целью привлечь их на сторону политики нашего общества и включения в процесс перестройки, с другой – наряду с реальными требованиями церкви и верующих обнаружились тенденции злоупотребления церковью процессом демократизации для завоевания как можно более широкого пространства для оказания влияния на сознание верующих [...] Значительно усилились попытки нелегальных церковных структур и клерикально ориентированных центров злоупотреблять этим естественным процессом в целях реализации клерикально-политических целей в отношении чех[ословацкого] государства» [5. Krab. Ā. 1. L. 152].

В целом документ не носил самоуспокоительный характер. Правда, в нем подчеркивалось, что указанным структурам все же не удалось в полном объеме реализовать цели по дестабилизации отношений между государством и церковью. Именно поэтому намеченные Секретариатом перспективные задачи можно выполнять «без особых угроз для церковно-политических целей чех[ословацкого] государства и КПЧ». Вместе с тем Секретариат не исключал, что в дальнейшем «их реализация будет требовать повышенного внимания всех церковно-политических работников в С[ловацкой] С[оциалистической] Р[еспублике] с учетом постоянно повышающейся активности, главным образом, рим[ско]-кат[олической] церкви, нелегальных церковных структур и активистов-мирян» [5. Krab. Ā. 1. L. 153].

В одном из рабочих материалов для ЦК КПС в связи с подготовкой городской идеологической конференции КПС в Братиславе от 9 августа 1988 г. о «тайной» церкви в Словакии говорилось следующее: «В нелегальных религиозных структурах находятся те, кто, вероятно, позволил втянуть себя в эту деятельность то ли из недостатка знаний, то ли по причине отсутствия информации, но они убеждены, что их деятельность нацелена на благо церкви. Однако большинство в этих структурах составляют злостные враги нашего строя, часто получающие платежи из-за рубежа, которые хотят манипулировать верой человека, поскольку верующие составляют *массовую базу для формирования потенциальной политической оппозиции* (курсив мой. – Э.З.» [5. Krab. Ā. 98. L. 128]. Но и высшие партийные органы, пытаясь держать под контролем стремительно развивавшийся ход событий, продолжали действовать по устоявшимся в годы нормализации идеологическим шаблонам. Стенограмма пленума ЦК КПС 17–18 октября 1988 г. (под грифом секретно) показывает, что находившаяся у власти партийная элита так и не сумела найти конструктивные рецепты решения усложнявшейся ситуации. Присутствовавший на пленуме секретарь ЦК КПЧ Я. Фойтик обратил внимание на активизацию различных структур оппозиции, с которыми «связаны нелегальные структуры римско-католической церкви. Я сказал – нелегальные. Однако в последнее время сам пражский епископ Франтишек Томашек полностью поддерживает и

оказывает помощь, конечно, получая при этом инструктаж и поддержку Ватикана, в их легализации» [13. Zázpis zo zasadanie Ústredného Výboru Komunistickej strany Slovenska v dňoch 17.–18. októbra 1988. Krab. Č. 1954. L. 63].

Словацкие государственные органы, со своей стороны, не упускали возможности поддержать партийный курс на поиски внешнего врага. Анализ архивных документов даже с грифом «только для членов правительства» не позволяет сделать заключение о каких-либо содержащихся в них конструктивных решениях. Так, 21 октября 1988 г. во вступительной речи на заседании президиума словацкого кабинета министров его председатель призвал уделять «исключительное внимание центростремительным силам, которые формируются в различных группах и стремятся под прикрытием перестройки внедриться в общественную жизнь [...] В этой связи необходимо уделять повышенное внимание проблеме нелегальных структур церкви» [5. Krab. Č. 7. L. 13–14].

В этом же ключе, судя по архивным документам, действовал правящий режим и в последующий период, не поднимаясь до уровня принятия конструктивных решений. На очередном пленуме ЦК КПС 11 апреля 1989 г. звучали все те же банально-ужасные слова о «политическом клерикализме», которые в принципе уже ничего не решали: «Мы не можем игнорировать то обстоятельство, что активизирующиеся и меняющие тактику различные оппозиционные группы и нелегальные церковные структуры, которые хотят паразитировать на наших недостатках и поживиться за их счет, используя процесс перестройки и демократизации для дестабилизации нашего общества». И далее: «Необходимо наступательно, находчиво и квалифицированно противостоять им политическими средствами. Особое внимание в Словакии следует уделять деятельности нелегальных церковных структур и их намерениям активизировать политический клерикализм» [13. Zázpis zo zasadania Ústredného Výboru Komunistickej strany Slovenska dňa 11 apríla 1989. Krab. Č. 1957. L. 35–36].

Власти по-прежнему не отказывались от убеждения, что религиозные торжества и паломничество в Словакии не должны иметь политического подтекста, а их цель – удержание моральных норм христианства в как можно более широких слоях населения – совпадает, например, с целями ОВД ПиТ. Однако голоса ведущих идеологов «тайной» церкви о том, что паломничество все сильнее приобретает хотя бы косвенное политическое звучание в той мере, в какой христианские нравственные нормы вступают в противоречие с «режимом нормализации», что религиозные торжества способствуют духовной гомогенности словаков, что наблюдается рост национального самосознания словацкого общества – звучали гораздо убедительнее. Поэтому и осеннее паломничество 1988 г., а также весеннее и летнее 1989 г. ожидалось не только как предчувствие и предзнаменование, но уже даже и как сигнал к наступлению тревожных для «режима нормализации» времен.

«И в этом, – утверждал Миклошко, – была специфика Словакии. Я думаю, что если взять всю историю Церкви в Словакии, это один из самых героических ее периодов» [10].

Характерна информация от 9 октября 1989 г., адресованная Секретариатом правительства ССР по делам церкви в отдел пропаганды и агитации ЦК КПС о проводившейся властями работе по подготовке предстоявшего весеннего (1990 г.) паломничества в Шастине. Одним из этапов такой подготовки в документе названо рабочее совещание, состоявшееся 24 августа 1989 г., когда до «нежной» революции оставалось всего около трех месяцев. Оно демонстрирует не только порядок взаимодействия государственных органов и церкви по организации паломничества, но и то повышенное внимание со стороны госструктур, которое этой подготовке уделялось с учетом роста в стране в целом протестных настроений. Одно лишь перечисление участников совещания, проходившего в районном на-

циональном комитете (РНК) в Сенице может сказать о многом⁶. На совещании обобщались полученные ранее сведения о паломничествах и опыт их проведения [5. Krab. Č. 67. L. 273–274].

В августе-сентябре 1989 г. на западе Словакии совершались паломничества (Топольчанки, Нитра-Кальвария, Марианка в Левоче, Бач, Шастин-Страже) и церковное торжество местного значения в Скалке над Вагом. Эти сведения содержатся в «Отчете о церковно-политической ситуации в Западнорловацком крае в III квартале 1989 г.», в котором представлен анализ положения в церквях и религиозных обществах в западной части Словакии. «Можно сказать, – отмечалось в отчете, – что последовательной реализацией задач, вытекающих из политико-организационного обеспечения мы добились того, что религиозное паломничество не вышло за рамки удовлетворения потребностей верующих» [5. Správa o cirkevno-politickej situácii v Západoslovenskom kraji za III. štvrt'rok 1989. Situácia v cirkvách a náboženských spoločnostiach. Krab. Č. 145. L. 1–5]. Далее в документе констатировалось, что число паломников в 1989 г. в Западной Словакии оставалось примерно на уровне 1988 г. При этом их количество в Нитре было в несколько раз ниже (около 11000 чел.); в Шастине преобладающее их большинство составляла молодежь, которая принимала участие в программе преимущественно в вечерние и ночные часы с субботы на воскресенье [5. Správa o cirkevno-politickej situácii v Západoslovenskom kraji za III. štvrt'rok 1989. Situácia v cirkvách a náboženských spoločnostiach. Krab. Č. 145. L. 5].

В третьем квартале 1989 г. произошло знаменательное событие в словацком оппозиционном движении – его интеграция на уровне самых видных представителей. Внутренние подвижки в среде верующих католиков внешне не были особенно заметными, тем более, что «тайная» церковь продолжала повторять: она не стремится объединить активность в политической сфере со своей собственной, чтобы не ставить себя под угрозу. Казалось бы, она как раз избегала того, что ей вменял «режим нормализации» – политизации. Однако в том, что «тайная» церковь по сути вплотную занялась тем, что именовалось «неполитической политикой», и шла в этом плане на союз с другими оппозиционными движениями, сомнений не было. Едва заметные ростки такого союза проросли исподволь, в течение длительной истории паломничеств, но достаточно четко проявились 25 марта, а после этой даты он постоянно укреплялся.

Государственная власть в конце 1980-х годов не оказывала такого жесткого давления на «тайную» церковь, как в 1970-е годы, применяя самые разнообразные методы и средства, чтобы не допустить вмешательство церкви в политическую сферу. Но оно тем не менее имело место, и «тайная» церковь оказалась не одинокой в качестве оппозиционной силы. «Режим нормализации» опасался объединения гражданской и религиозной активности, но сам, того не желая, способствовал ему по принципу «самоосуществляющегося пророчества». В августе 1989 г. – особо чувствительном месяце для всех чехов и словаков – была арестована братиславская пятерка, в которой А. Селецкий и Я. Чарногурский представляли католических активистов, писатель Г. Поницка – верующих евангелистов, экс-марксист, исключенный из КПС диссидент М. Кусы – Хартию 77, публицист В. Маняк – другие слои словацкой оппозиции (подробнее см. [20]).

Арест хартиста М. Кусы показал, что Хартия 77 тем самым переставала восприниматься и властями, и оппозиционерами как исключительно пражское дело, что

⁶ В его работе участвовали: председатель РНК, секретарь по идеологическим вопросам районного комитета Компартии Словакии, сотрудник отдела Министерства внутренних дел ССР, сотрудники: Секретариата правительства ССР по делам церкви, отдела по делам церкви Западнорловацкого Краевого национального комитета и отдела по делам церкви районного национального комитета [5. Krab. Č. 67. L. 273].

еще имело место в ходе неудачного сбора в Словакии подписей за освобождение В. Гавела из тюрьмы весной 1989 г. Незначительное число словаков, подписавших Хартию 77, создавало впечатление, что словаки ее не приняли. Это впечатление неверное, даже с учетом того, что их протестный потенциал в значительной степени был нивелирован принятием Закона о федерации в 1968 г. Однако во-первых, протестной структуры будущих национально ориентированных словацких политических партий в ряде моментов занимали более радикальные по сравнению с хартистами позиции. Во-вторых, ряд деятелей оппозиционного движения в Словакии как бы прятались за ширмы коммунистической идеологии, считая, что в один прекрасный день провозглашенные на словах национальные права словаков будут осуществлены на деле. В-третьих, хартисты и приверженцы «тайной» церкви шли рука об руку, защищая религиозные свободы.

В этот же период стали все более громко заявлять о себе словацкие «зеленые», предпринявшие акцию «Братислава во весь голос», которая пыталась привлечь внимание государства к критическому состоянию окружающей среды в столице. Ее организатор Я. Будай, как и представители «тайной» церкви, утверждал, что не стремится вмешиваться в политику. «Разумеется, – указывает встречавшийся с ним М. Кусы, – это было абсолютное непонимание сути дела, наивное представление, что им удастся удержаться на неполитическом уровне. Режим же воспринимал их экологическую активность совершенно четко и однозначно как политическую, поскольку его представители утверждали: у нас нет никаких проблем с жизненной средой, это проблема Запада, это не наше дело, у нас с этим все в порядке [...] Так что это был яркий пример деятельности гражданской инициативы, которая инициативой гражданской быть не хотела» [11. S. 286]. Кроме этого экологи провели несколько акций, важных и для верующих католиков, например, призвали защитить памятники известного исторического кладбища в Мартине и др.

Все указанные силы сцеплялись в некое трудно идентифицируемое, но тем не менее угрожавшее «режиму нормализации» целое. Так, петицию за освобождение братиславской пятерки подписали представители самых разных слоев словацкого общества: от католического епископа до марксиста, от рабочего до писателя. Тем самым объединение гражданской оппозиции, интеллектуальных кругов с «тайной» церковью, несмотря на все усилия режима, произошло естественным путем (см. [21]). Братиславская интеллигенция не только подписывала петицию: в ходе судебного процесса над хартистом Кусы и католиком Черногурским впервые перед Дворцом юстиции в Братиславе прошли и протестные митинги. До падения коммунистического режима в Чехословакии уже было рукой подать.

В целом к концу 1980-х годов в Словакии располагали массовой базой, в первую очередь, католическая оппозиция и экологическое движение; меньшим влиянием пользовались хартисты и экс-коммунисты. Следует заметить, что партийный аппарат и репрессивные органы достаточно здраво оценивали эту ситуацию в чем-то выражая удовлетворение, что словаки не в такой мере собственно диссиденты, как чехи. Но это еще одна из иллюзий «режима нормализации»: в его крах словаки внесли не меньший вклад.

Наконец, наступил ноябрь 1989 года – время «бархатной» революции в Чехословакии. От свечей на братиславской площади Гвездослава разгорелось пламя «нежной» революции в Словакии, кардинально ее преобразившее. Пламя яркое, но не обжигающее; оно во многом характеризует «нежную» революцию в Словакии как «нежную», поскольку она базировалась на присущих малым структурам «тайной» церкви и массовым настроениям католиков-паломников ценностях христианского гуманизма и ненасильственного сопротивления как своего рода «неполитической политики».

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Kenney P.* *Carnival of Revolution – Central Europe* 1989. Princeton, 2002.
2. *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 гг.). М., 2008; *Задорожнюк Э.Г.* Словацкие католики и чехословацкое государство в послеавгустовское двадцатилетие. 1969–1989 гг. // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. Запоріжжя, 2013. Вип. 32; *Задорожнюк Э.Г.* Специфика протестных настроений в Словакии в послеавгустовское десятилетие (1969–1979 гг.) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М., 2013.
3. *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века.* СПб., 2013. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов.
4. 1989 November a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990). Bratislava, 1999.
5. Slovenský Národný Archív. Fond Ministerstvo kultury Slovenské Socialistické Republiky. Odbor pre veci cirkevné.
6. <http://www.svedectvo.sk/kapitola.htm>
7. *Čarnogurský J.* Videné od Dunaja. Výber z prejavov, článkov a rozhovorov. Bratislava, 1997.
8. *Šimulčík J.* Zápas o nádej. Z kroniky tájných kňazov. 1969–1989. Prešov, 2000.
9. *Čarnogurský J.* Vážnili ich za vieru. Bratislava, 1990; *Balik S., Hanuš J.* Katolícka cirkev v Československu 1945–1989. Brno, 2007.
10. *Миклошко Ф.* Это чудо, что мы еще живы. Интервью Е.В. Глушко 6 августа 2010 г. // <http://sibcatholic.ru/2010/08/06/frantisek-mikloshko-eto-chudo-hto-my-eshhe-zhivy/>
11. *Prečan V.* Charta 77 na Slovensku aneb Slovensko a Charta 77 // Česko-slovenská historická ročenka. 2007. Brno: Bratislava, 2007.
12. Charta 77: Dokumenty 1977–1989. Praha, 2007. Sv. 2. 1984–1989.
13. Slovenský Národný Archív. Fond Ústredný Vybor Komunistickej strany Slovenska (далее F. ÚV KSS). Zasadnutia plén. R. 1988, R. 1989.
14. <http://www/urokistorii.ru/2786>
15. *Добицаи-Рождественская О.А.* Западные паломничества в средние века. Пг., 1924.
16. *Šimulčík J.* Zápas o svedomie. Hladovka študentov bohosloveckej fakulty v roku 1980. Prešov, 2001.
17. *Mikloško F.* Nebudete ich môcť rozvrátiť. Z osudov katolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1943–89. Bratislava, 1991.
18. *Barnovský M., Pešek J.* V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004. S. 146; *Kmet' N.* Slovenská opozícia za normalizácie // Česká a slovenská spoločnosť v období normalizácie. Slovenská a česká spoločnosť v čase normalizácie: Liberecký seminár. Bratislava, 2001; *Kmet' N.* Opozícia a hnutie odporu na Slovensku 1968–1989 // Opozice a odpor proti komunistickému režimu v Československu 1968–1989. Praha, 2005; *Глушко Е.В.* Словацкая катакомбная католическая церковь (1969–1989) и Россия // Россия и современный мир. 2011. № 2.
19. *Šimulčík J.* Katolícka cirkev a nežná revolúcia 1989. Bratislava, 1999.
20. *Marušiak J.* Slovenská spoločnosť za normalizácie // Česká a slovenská spoločnosť v období normalizácie. Slovenská a česká spoločnosť v čase normalizácie. Bratislava, 2003; *Cuhra J.* Nezávislé aktivity v Československu a Charta 77 – meze protnutí // Charta 77. Od obhajoby ľudských práv k demokratickej revolúcii. 1977–1989. Praha, 2007.
21. *Šimulčík J.* Svetlo z podzemia. Z kroniky katolíckeho samizdatu. 1968–1989. Prešov, 1997.

© 2013 г. Е. В. ШАБАЛИНА

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО *ДЕВЯТЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПОЛЬСКОМ ФОНЕ)

В статье рассматриваются культурные коннотации числительного *девять*, выступающего как основа для семантико-словообразовательной деривации или в качестве компонента устойчивых сочетаний. Основное внимание сосредоточено на диалектной лексике и фразеологии, относящейся к сфере верований и ритуалов. Для подтверждения и расширения коннотаций *девяти*, выявленных в русском диалектном материале, привлекаются также инославянские (чаще всего польские) лексические параллели.

The article views cultural connotations of the Russian numeral *девять* being presented as the base for semantic and formative derivation or as a component of idiomatic expressions. Main attention is concentrated on dialect lexica and phraseology referred to the area of beliefs and rituals. In order to confirm and widen the connotations of *девять* revealed in Russian dialect data other Slavic (mainly Polish) materials are also studied.

Ключевые слова: лексикология, фразеология, семантика, коннотация, числительные.

За числительным *девять* в русских говорах закрепляется широкий спектр коннотативных сем, которые находят объяснение в контексте традиционной культуры. В настоящей статье мы хотели бы остановиться на коннотациях «девятки», связанных со сферой верований и ритуалов. Подобные смыслы отличаются амбивалентностью и не вполне ясной этимологией, требующей особых комментариев.

Большинство исследователей отмечают, что символика *девяти* восходит к «интенсивному» (утроенному) числу 3 [1; 2. Т. 2. С. 631; 3. С. 523; 4; 5]. В христианской традиции «тройка» связывается прежде всего с представлением о божественном триединстве Отца, Сына и Святого Духа, откуда берет начало культурная значимость троичности и ее функционирование в различных религиозных и бытовых практиках. Однако наши разыскания в области коннотативных смыслов числового компонента *девять* в русских диалектах показывают, что «девятка» не только поддерживает связь с троичностью и продолжает заданный ею коннотативный ряд, но и выступает как самостоятельный культурный знак. В ряде случаев в статье для подтверждения и расширения коннотаций *девяти*, выявленных в русском диалектном материале, нами привлекаются инославянские (чаще всего польские) лексические параллели.

Шабалина Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, научный сотрудник Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

У лексических единиц, обозначающих бытовые ситуации (в частности мытье в бане), за счет связи с «девяткой» могут актуализироваться и интенсифицироваться коннотативные смыслы: рус. перм. *в девятой бане гореть* ‘находиться в сильном жару, в тяжелой болезни’: «Всем уж я лечилась, да лучше-то всё равно нету; тело в девятой бане горит, всю меня как огнём опалило» [6. С. 88]. Представления о мытье в бане и болезни связываются посредством признаков жара и физических реакций на него. Кроме того, данное выражение, очевидно, содержит аллюзию к мотиву кругов ада. Связь с этим библейским образом можно предполагать и для арх. *девятя путей* ‘о долгой дороге, нелегком пути’ [7. Т. 10. С. 403].

Числительное *девятя* в сочетании с лексемами, транслирующими идею стихийной силы, наделяется коннотациями опасности и фатальности: литер. *девятый вал*, примор., арх. *девятя* ‘наиболее бурное, сильное проявление чего-либо грозного; наивысший подъем, взлет чего-либо (от названия наиболее сильной и опасной волны во время бури)’ [8. Т. 7. С. 322], б. м. *девятый вал* ‘по поверью, наибольший, роковой’ [9. Т. 1. С. 425]. Возможен перенос образа природной стихии в моральную и экзистенциальную сферы, ср., например, арх., твер. *живёт, нажмёт – девята нагонит* ‘дурные поступки рано или поздно будут наказаны’ [8. Т. 7. С. 322]. Однако «фаталистический» оттенок семантики может сниматься через перенос данной идеи в сферу быта и физиологических характеристик человека: перм. *девятым валом вынесло (вынесет)* ‘неожиданно обнаружилась пропавшая вещь’ [6. С. 70], псков. *девятый вал по брюху пойдёт* (шутл.) ‘о сильном чувстве голода’ [9. Т. 3. С. 19].

Любопытна также связь *девятого вала* с *девятым месяцем*, ср. контекст в словаре Даля: «Девятый месяц на свет нарождает девятый вал роковой» [10. Т. 1. С. 425]. Возможно, в данном случае дается простое указание на хронологическую «привязку» морской бури. Однако через простую хронологическую отнесенность возможен также выход на фаталистическое осмысление девятого месяца года, ср.: «Девятый месяц хоть кого на чистую воду выведет» [10. Т. 1. С. 425]. Помимо культурной нагруженности числительного, такая маркированность девятого месяца может быть обусловлена эмпирическим опытом носителя языка и связываться, например, с девятимесячным сроком беременности.

Связь «девятки» с похоронным обрядом проявляется прежде всего в традиции поминовения умерших на девятый день после смерти: новг., перм., урал. *девятини* ‘девятый день после смерти’, костр., урал. ‘поминки в девятый день после смерти’ [8. Т. 7. С. 324–325]. Менее ясной представляется мотивация рус. б. м. *девятисмерть* ‘птица Pica graesa’ [10. Т. 1. С. 425], в которой также проявляются мортальные коннотации «девятки». Скорее всего, речь идет о сороке (лат. *pica*). По традиционным славянским представлениям, сорока принадлежит к числу «нечистых» птиц и мыслится как воплощение демонических персонажей (черта, ведьмы, домового и др.) [11. С. 556–557]. Наряду с такими птицами, как ворона и дятел, сорока может выступать предвестником смерти (в русской, польской, украинской, полесской традициях) [11. С. 561]. Орнитоним *девятисмерть* отмечен и в украинском языке, где он обозначает серого сорокопута¹. Согласно украинскому поверью, птица девятисмерть убивает восемь насекомых, а съедает лишь свою де-

¹ Слово *сорокопѣт* (укр. *сорокопуд*) вызывает ассоциации с числительным *сорок*. Однако инославянские соответствия этой лексемы указывают на связь со словом *сорока*, ср. чеш. *strakopud*, словц. *strakopud*, буквально «преследующий сороку» [12. Т. 3. С. 723–724]. В русских говорах глагол *пудить* также встречается в следующих значениях: вят., псков., смол. ‘пугать’; вят., смолен. ‘гнать, выгонять откуда-л.’: «Соскочил это с полатей-ту, да как его пудил из избы-ту»; белг., курск. ‘идти быстро массой, потоком’: «Куда это народ пудит»; воронеж. ‘бить, хлестать’: «Складает кнут вдвое – и ну по кафтану пудить кнутом»; пенз., ряз., сарат., урал. ‘ругать, поносить’: «Долго он пудил своего противника», «Ты ее [жену] за что пудил, за что лаял?», «Нахалы бессовестные! Уж я их пудила, пудила» [8. Т. 33. С. 108].

вятую жертву [13]. Числовой компонент *девять* встречается также в словаре Даля в словосочетании *девятисловная синица*: «Лучшая певчая синица девятисловная, поет на девять ладов» [10. Т. 4. С. 159]. Судя по контексту, *девять* в составе этой номинации не несет негативно окрашенных коннотаций, однако возникает вопрос об истоках связи народных представлений о птицах с числом 9.

Неслучайность числового компонента *девять* в названиях вредоносных (по представлению носителей диалектов) животных подтверждается костромской лексемой *девятерик* ‘шершень’, ‘трутень’: «Не ходи туда, там девятерики. Он девять раз ужалит – и умрёшь. Это осы, только большие. У них гнёзда такие под птичником», «Двятерик девять раз жалит. И умереть от каждого укуса можно», «Говорят, девять раз ужалит – всё, смерть любому животному или человеку», «Двятерик – он девять раз жалит, потому и двятерик», «По-научному шершень, а у нас двятерик. Что ли в девять раз сильнее жалится и в девять раз других больше», «Двятерик девять раз ужалит – умрёшь. Бог двятериков не любит – пользы от их нет» [14]. Ср. также польск. *dziewiątka* («девятка») ‘ядовитый червь, после укуса которого человек умирает в течение 9 дней’ [15. Т. 2. S. 436]. Однако для «девятки» в данном случае возможно также слияние коннотаций пользы и вреда: «У двятерика жало достанешь – от девяти болезней» [14].

Особая «смертоносная» отмеченность «девятки» обнаруживается в арх. *девятая смерть дожидает* ‘о чьей-либо необычной живучести’ [7. Т. 10. С. 402], арх. *девятый хлеб доедать* ‘быть очень старым, близким к смерти’ [14]². В приведенных фразеологизмах, помимо контекстуальной и семантической связи лексем *смерть* и *девять*, проявляется также свойственная «девятке» коннотация аномального количества и распространенный в народной культуре мотив превышения «отмеренного» времени жизни. Этот мотив нередко проявляет себя в русском языке через номинации с числовым компонентом, ср. *двуужильный* ‘крепкий, сильный, выносливый’ [17. Т. 3. С. 605], б. м. *двуужильная лошадь* ‘по народному поверью, служащая на домового и потому негодная в работу’ («Дознавшись, что лошадь двуужильная, хозяин сбывает её нипочём; если же она падёт во дворе, то все лошади передохнут и нельзя более держать лошадей; примета её: переход от шеи к холке, в мышках, раздваивается») [10. Т. 1. С. 420], костр. *двоезуб* ‘о человеке, у которого один ряд зубов находит на другой’ («Двоезубы люди тяжёлые, урочливые»; «Двоезубые есь. Один тут был. Дак свиноматка рождается, дак он не пойдёт, а то она всех поросят съест») [14] и т.п.³

«Вредоносные» коннотации *девятки* проявляются и в названиях болезней: вологод. *девятиха* ‘нарыв’: «Девятиху посадил; на одном нарыве – девять дыр» [22]. Возможно, в данном случае *девять* выступает лишь как показатель неопределенного множества, однако в контексте приведенных выше номинаций с компонентом *девять* можно также предполагать неслучайность выбора именно этого числа. Ср. также польск. диал. *dziewięciórny* (девятеричный) ‘определение ряда болезней’: «Kołtun jest “dziewięciórny”, co znaczy, że ma jakby 9 chorób do siebie. A inne choroby są “dziewięciórne”, ale nie wszystkie» (Бывает колтун «девятеричный», это значит, что он якобы имеет своей причиной 9 болезней. Некоторые болезни «девятеричные», но не все) [15. Т. 2. S. 437].

² Интересно, что контекстуальное партнерство слов *девять* и *жизнь*, в отличие от слов *девять* и *смерть*, выходит далеко за пределы русских говоров и русского языка вообще. Ср., например, выражение *у кошки девять жизней*, известное во многих европейских языках: итал. *Il gatto ha nove vite*, исп. *El gato tiene nueve vidas*, фр. *le chat a neuf vies*, англ. *cats have nine lives* и т.д. Числительное девять в приведенных выражениях может замещаться числительным *семь*, что свидетельствует о конкуренции этих числовых показателей в выражении магических смыслов (подробнее об этом см. [16]).

³ Подробно об идее компенсаторности см. [18; 19]. О номинациях с числовым компонентом, транслирующим идею превышения жизненной нормы, см. [20; 21; 16].

До сих пор обсуждались негативно окрашенные, смертельные коннотации *девяти*. Однако числовой компонент *девять* встречается и в названиях обрядовых предметов / действий, направленных на привлечение удачи и благоприятных событий: арх., вологод. *брать воду с девяти кругов* 'набирать лечебную (заговоренную) воду, совершая три или девять круговых движений по поверхности воды': «Брали из болота воду с девяти кругов, окружают ее по солнышку три раза, приговаривая: «Не первой, не другой, не третьей»», «За лечебной водой ходили, дак брали водичку с девяти кругов: девять раз надо кружечкой по водичке обвести» [23. Т. 3. С. 95], костр. *девятерик* 'стручок гороха, содержащий девять горошин, который считается счастливым и используется в свадебном обряде' [14], арх. *девятая веха* 'веточка, отломанная от «девятого» дерева (от дома), которую кладут под подушку, чтобы приснился суженый': «Девята веха, покажи жениха, не жениха – так семью, а не семью – дак деревню, а не деревню – дак волос» (т.е. волость. – *Прим. ред.*) [7. Т. 10. С. 401]. Матримониальные коннотации «девятки» проявляются и в костр. *через девятую жердь перескочить* 'выйти замуж раньше старшей сестры' [14]. Возможна генетическая связь данного выражения с гаданием по «девятой вехе», хотя информанты чаще связывают его с ситуацией перепрыгивания через высокий забор из девяти жердей: «Больше девяти жердей в огороде не бывает, дак если младшая сестра через старшую замуж пошла, то она через девятую жердь перескочила, говорили, то есть будто высоко прыгнула, через самый высокий огород» [14].

В гадательных практиках окр. Люблина в Польше число 9 связывается с молитвами, которые нужно произнести, чтобы узнать имя будущего мужа: «W andrzejki panny wróżyły odmawiając dziewięć pacierzy stojąc, dziewięć klęcząc, dziewięć siedząc, w celu poznania swoich przyszłych mężów» («В Андрееву ночь девушки гадали, читая 9 молитв стоя, 9 на коленях и 9 сидя, чтобы узнать имена своих будущих мужей») [24].

Позитивные коннотации «девятки» поддерживаются также народными номинациями лекарственных растений. Числовой компонент *девять* в составе фитонимов передает или усиливает идею лечебного свойства: б. м. *девять братьев* 'растение полевой молочай, *Hieratium pratense*' [10. Т. 1. С. 425], вологод. *девятибратная* 'растение *Tanacetum vulgare* L., сем. сложноцветных; пижма обыкновенная, дикая рябинка': «Стебель с листьями или одни семена этого растения парят и дают принимать внутрь от глистов; просушенное и измолотое в порошок, растение кладут в нюхательный табак» [8. Т. 7. С. 323], перм. *девятибрат* 'растение *Tanacetum vulgare* L., сем. сложноцветных; пижма обыкновенная, дикая рябинка' [8. Т. 7. С. 323], арх. *девятибра*, *девятибратник*, *девятибратка*, *девятибратница*, *девятибренник* 'растение пижма' [22]⁴, арх., твер., том., кемер., тобол., курган., тюмен., енис., перм. *девятильник* 'растение пижма': «Девятильник, он от девяти болезней помогает. Сам высокий, а у его цвет, как пуговки. Девятильником лечут от желтуницы»; «Пьют от геморроя, порошком засыпают порезы; пьют от грыжи, от родимой, от желтухи»; «Навар или настойка на воде с частью осинового коры употребляется от лихорадки и как болеутоляющее»; «Девятильник от девяти скорбей, столь высока травка, по горсти маковиц в одном листе»; «Глаза болят – клади в чугуна девятильник да посиди над паром» [8. Т. 7. С. 324; 22]; арх. *белый девятильник*, *жёлтый девятильник* 'лекарственная трава (какая)': «Белый девятильник, жёлтый девятильник, нарвала целый сноп, дак мать говорит, от всех болезней» [22].

К той же группе номинаций можно отнести польск. литер. *dziwięciornik* («девятерик») 'растение *spina alba*' [15. Т. 2. S. 437], хотя о наличии у растения лечебных свойств источник ничего не сообщает.

⁴ В приведенных номинациях отражен образ девяти братьев, встречающийся не только в русских, но и в финно-угорских, а также в балтийских фольклорных текстах. Об истоках этого мотива и его славянских параллелях см. [25; 26].

Однако и в сфере народной фитонимии возможна связь «девятки» с вредоносной силой: вологод. *девятіха* ‘растение пижма’: «Как девятиха в сено попадѣт, так и скот захворает» [22].

Далее, говоря о названиях лекарственных растений, следует упомянуть рус. лексему *девясил* ‘род многолетних трав (иногда кустарников) сем. сложноцветных’ [27. С. 366]⁵, которая, вследствие своей общенародности, является доминантой для ряда диалектных фитонимов с компонентом *-сил* (ср. диал. названия того же растения: петерб. *двусил* [8. Т. 7. С. 308], арх. *сорокосил* [22], урал. *стосил* [26. С. 139]). Приведенный ряд лексем служит подтверждением версии об образовании слова *девясил* путем сложения консонантной основы числительного **devet-* или (до *-t-* расширения) **deve* (**deven*) и основы имени **sila* [28. Т. 4. С. 221]. В пользу такой этимологии говорит также твер. *девясіла* ‘верзила’ [8. Т. 7. С. 322], образованное по схожей модели. Буквальное значение лексемы, обозначающей растение, – ‘дающий девять сил’. Лексема *сила* изначально (вне соединения с числом) обладает семантикой интенсивности. Количественное увеличение силы делает ее качественно иной (лечебной). В книге В. Б. Колосовой приводится ряд фактов, указывающих на мотивированность слова *девясил* представлением об универсальных лечебных свойствах этого растения: на Дону девясил считался растением от любых болезней; согласно украинскому поверью, девясил, освященный на девяти заутренях, помогал от любой болезни; в белорусской народной медицине это растение применяется «ад усіх хвароб», особенно при болях в животе, заболеваниях сердца, простудных, женских болезнях, воспалениях кожи, от глистов, опухолей [29. С. 132–133].

Народные представления о растении как носителе лечебной силы, которая накапливается в течение времени, заданного символически отмеченным числом, проявляется и в польск. *dziewięciojesiennik* («девятиосенник») ‘лекарственное растение от чумы’: «Roślina tak zwana dla tego, że korzeń jej musi przez 9 jesieni krzewić się w ziemi, ażeby nabrał siły skutecznej» («Растение называется так потому, что его корень должен в течение 9 осенних сезонов разрастаться в земле, чтоб набрать лечебную силу») [15. Т. 2. S. 437]. В народной культуре Любельщины «девятка» выступает в ряде лечебных обрядов: «Na puchlinę należy ugotować 9 czubów z choinki, 9 gałązek wiśni, 9 gałęzi gruszek, 9 jabłoni, trzy kamienie rozpalić, wlać na nie wywar i tym się napażyc» («При водянке следует приготовить (отвар из) 9 веток ели, 9 веток вишни, 9 веток груши, 9 веток яблони, раскалить 3 камня, вылить на них отвар и подышать этим [паром]»); «Na zapalenie płuc trzeba zmówić 9 razy po 9 zdrowasiek i 9 razy po 9 potrzeb pierś kwiatem dziurawca» («При воспалении легких читать 9 раз по 9 «Богородицу» и 9 раз по 9 потереть грудь цветком зверобоя»), «Na suchoty radzono trzykrotną kąpiel i picie święconej wody z 9 kościołów z przymieszką śmieci zebranych z progów tych kościołów» («При чахотке советуют трехкратное купание и питье воды из 9 костелов с добавлением мусора с порогов этих костелов») [24].

Итак, рассмотренная зона коннотативного спектра числительного *девять* вмещает в себя смыслы, связанные с представлениями о роковых событиях, болезни, смерти, и в то же время ассоциируется с идеей благоденствия и процветания. Думается, что негативные коннотации *девяти* в большей степени отображают уникальность этого числового компонента как знака народной культуры, в то время как позитивные смыслы в большей степени обнаруживают генетическую связь *девяти* и *трех*, о которой упоминалось выше⁶.

⁵ Ср. также польск. диал. *dziewięćsił* [15. Т. 2. S. 437].

⁶ Подробно о коннотациях числового компонента *три* см. [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С.М. Семантизация числа в языке народной культуры // Количественность и градуальность в естественном языке [Die Welt der Slaven. Сборники. Sammelbände. Band 11]. Herausgegeben von A. Kiklevič. München, 2001. S. 37–46.
2. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991–1992. Т. 1, 2.
3. Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем // Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 381–604.
4. Айрапетян В. Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски. М., 2001.
5. Хонти Л. Заметки по этимологии русского числительного *девьясто* // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 159–164.
6. Прокошьева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
7. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Т. 1–.
8. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Т. 1–.
9. Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Т. 1–.
10. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994.
11. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
13. <http://about-kirov.ru/>: История, легенды, предания. Электронный ресурс.
14. Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
15. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
16. Шабалина Е.В. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект. Дисс. ... канд. филол. наук. Уральский гос. университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2011.
17. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
18. Журавлев А.Ф. Рус. *двуужильный* // Этимология. 1985. М., 1988. С. 78–81.
19. Журавлев А.Ф. О реконструкциях древнеславянского мировоззрения (о категориях доли и меры и их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания. М., 1998. С. 83–86.
20. Шабалина Е.В. Двуужильный // Русская речь. 2009. № 6. С. 106–109.
21. Шабалина Е.В. Двоезубые, двоеглазые, двуужильные... // Живая старина. 2010. № 3. С. 46–48.
22. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
23. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
24. <http://teatrn.pl/>: Культурное сообщество Любелящины. Электронный ресурс.
25. Жолобов О.Ф. Об одном балто-славянском архаизме ‘3×9’ // Studia mythologica slavica. 2004. № 7. С. 155–170
26. Жолобов О.Ф. Числительные // Историческая грамматика древнерусского языка. М., 2006. Т. IV.
27. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1991.
28. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Т. 1–.
29. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М., 2009.

АДОЛЬФ ПАТЕРА (1836–1912). К ВОПРОСУ О РУССКО-ЧЕШСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЯХ. К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЧЕШСКОГО УЧЕНОГО

В статье освещаются научные связи чешского ученого А. Патера с русскими славистами во второй половине XIX в. Главным источником для освещения этих связей является переписка А. Патера с русскими славистами, хранящаяся в Архиве А. Патера в Праге и нескольких российских архивах.

The article describes scholarly contacts of the Czech scholar Adolf Patera with Russian Slavists in the second half of the nineteenth century. The main source for this research is his correspondence preserved in Patera's Archive in Prague and some archives in the Russian Federation.

Ключевые слова: А. Патера, русские слависты, научные связи XIX в.

Во второй половине XIX в. в России произошли значительные изменения в развитии славяноведения по сравнению с предшествующим периодом. Реформы во многих сферах жизни российского общества, в частности в области высшего образования, способствовали развитию гуманитарных наук, в том числе и славяноведения. Новое поколение русских славистов получило возможность расширить научные контакты с границей, что являлось необходимым условием для дальнейшего развития этой дисциплины в России. Практически каждый молодой специалист, заинтересовавшийся прошлым или современным состоянием зарубежного славянства, имел возможность обогатить знания о славянах личным с ними знакомством в командировках с научной целью, в путешествиях, во время исполнения служебных обязанностей и т.п. Лицам, которые посвящали себя подготовке к профессорской деятельности, предоставлялись государственные стипендии и другие виды помощи и поощрений. Центром славянских изучений и во второй половине XIX в. был город Прага в Чехии с ее Национальным музеем, богатейшей библиотекой славянской литературы, большим числом специалистов в разных дисциплинах и традициями межславянских связей. Никто из русских славистов, познакомившись с состоянием науки по своей специальности в Германии, Франции, Италии, в культурных центрах Австрии, не мог миновать центра славянских исследований в Центральной Европе – Праги, если ставил своей задачей серьезное совершенствование знаний в избранной области. Именно этот центр объединял и связывал чешские, русские и другие славянские ученые круги. Кроме того в Праге, в Национальном музее, работал библиотекарем Адольф Па-

Лаптева Людмила Павловна – д-р ист. наук, профессор МГУ.

тера, который в течение полувека оказывал содействие нескольким поколениям русских славистов в разыскании источников и литературы, снабжал книгами, общал о новинках научной продукции, знакомил с историческими и культурными памятниками Праги и Чехии, давал рекомендации к чешским и другим славянским ученым. А. Патера оказывал научные и другие услуги не только русским ученым, обращавшимся в музей, но и литераторам, музыкантам, композиторам, художникам и вообще всем, приезжавшим знакомиться с Прагой и Чехией. И редко кто из русских, посещавших Прагу в последние четыре десятилетия XIX в., не пользовался помощью и советами А. Патеры. Среди русских посетителей Праги его имя было очень популярным. Эта известность в значительной мере определялась его должностью в Национальном музее, но и личное качество А. Патеры – его необыкновенное радушие, обязательность, приветливость, готовность оказать помощь и услугу, притягивали к нему людей. Занимая скромную должность библиотекаря Национального музея, хранителя рукописей, книг и других духовных богатств чехов и вообще европейской культуры и особенно славянской, Адольф Патера был в то же время ученым – филологом-славистом. Своими разысканиями древних чешских памятников письменности, их изучением и публикацией А. Патера воскресил ту сторону духовной культуры, которая была забыта после потери Чехией политической и культурной независимости в начале XVII в. и стала источниковой базой для развития науки в новое время. При этом чехи, по их собственному признанию, ценили его меньше, чем он того заслуживал [1]. Современники вообще редко оценивают труд людей скромных, непубличных, не заявляющих о себе в печати или шумной рекламой. И лишь потомки, не связанные житейскими узами с тем или иным деятелем прошлого, более объективно признают их вклад в науку, культуру и т.д.

О жизни и деятельности А. Патеры в чешской литературе мало сведений. Они ограничиваются несколькими словарными статьями [2. С. 366–367] и некрологами, опубликованными в специальных журналах за 1912 г. Правда, русские современники чешского ученого сумели оценить заслуги А. Патеры в деле развития русско-чешских научных и культурных связей еще при его жизни. В 1903 г., когда отмечалось 50-летие ученой деятельности А. Патеры, русские слависты нескольких поколений выразили ему свою признательность «за дружеское содействие и просвещенную помощь в занятиях в Музее и других чешских ученых хранилищах», поднесением изысканного фотоальбома, в котором можно прочесть имена почти всех живших тогда русских славистов (всего 57 подписей) [3. С. 51–52]. Ученые заслуги А. Патеры получили в России большое признание. Киевский университет св. Владимира избрал его почетным доктором по славянской филологии [4], а Академия наук в Петербурге – членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности [5]. Он являлся членом Императорского московского археологического общества [6. С. 265–266] и других российских ученых обществ. Русские слависты также неоднократно писали рецензии на труды Патеры [7. С. 43–44] и библиографию, некоторые статьи чешского ученого были опубликованы в России.

Важнейшим свидетельством неопенимой роли А. Патеры в чешско-русских научных связях второй половины XIX в. является его корреспонденция с русскими учеными, хранящаяся в Литературном архиве Памятника национальной письменности в Праге (LAPNP). По не совсем точным сведениям, в этом хранилище находится около двух тысяч писем русских корреспондентов. Они принадлежат приблизительно 270 адресатам и охватывают хронологически период 1860–1912 гг.¹

¹ Подсчеты приблизительны. У автора этих строк, много лет работавшего с корреспонденцией А. Патеры в Праге и в архивах России, имеется несколько сот писем русских ученых к нему в виде фото- и ксерокопий. Ответные письма чешского ученого русским славистам хранятся в архивах России и имеются у автора в рукописных копиях.

Адольф Патера (русские именовали его Адольфом Осиповичем!) родился в 1836 г. в селе Гудлицы Бероунского округа в семье зажиточного крестьянина. Между прочим, усадьба, где родился и прожил детские годы ученый, существует и в настоящее время, и населяющие ее потомки родственников А. Патеры чтут своего «великого» предка и также радушно как их далекий сородич принимают русских. Гудлицы превратились в уютный чистый городок, привлекающий сюда интересующихся чешской культурой, в первую очередь домом-музеем Й. Юнгмана, где родился знаменитый деятель чешского культурного возрождения первой половины XIX в. Адольф Патера окончил философский факультет Пражского университета по отделению филологии и стал заниматься славистикой. В научном словаре Ф.Л. Ригера он помещал статьи по русской литературе, по литературе луижских сербов и других славянских народов. В 60-х годах XIX в. он стал библиотекарем Чешского национального музея. Патера вступил в эту должность вскоре после смерти В. Ганки, но не был его единственным преемником. Разросшаяся к 60-м годам XIX в. библиотека Национального музея имела вместо одной должности, которую занимал Ганка, уже несколько штатных сотрудников, и Патера был одним из них, пройдя все стадии от низшей до хранителя рукописей и книг – кустоса. Благодаря роду службы, он прочел богатую музейную коллекцию чешских и латинских рукописей. 5 февраля 1877 г. он писал И.И. Срезневскому: «Я изучил все доступные мне памятники [...] начал описывать рукописи библиотек пражских, и надеюсь, что скоро могу издать описание рукописей крупнейшей пражской библиотеки, т.е. университетской [...] У меня также подготовлен материал для сборника древнечешских памятников» [8]. А. Патера обследовал все библиотеки Чехии, Моравии, Силезии, Австрии, Саксонии, Венгрии и Пруссии, отыскивая в них «богемику». Он обнаружил множество неизвестных чешских рукописей – целые книги, фрагменты их, а также чешские приписки в иноязычных произведениях. В октябре 1877 г. Патера извещал И.И. Срезневского: «В этом году целое лето во второй половине дня я хожу на Градчаны, где работаю в архиве капитульной библиотеки [...] нашел там много до сих пор неизвестных фрагментов древнечешской литературы» [9. С. 97–112].

А. Патера опубликовал за свою жизнь множество недоступных исследователям рукописей, ранее неизвестных или забытых. За последнюю треть XIX в. редкий номер журнала «*Časopis Muzea Českého*» выходил в свет без работ А. Патеры. Русский ученый-славист, профессор Киевского университета Т.Д. Флоринский, информируя о находках и исследованиях А. Патеры писал: «По справедливости его (Патеру. – Л.Л.) следует признать одним из лучших знатоков старой чешской письменности [...] Он обладает огромными сведениями по части древних памятников, хранящихся в [...] общественных и многих частных книгохранилищах и архивах Чехии и Моравии. Обширная начитанность в рукописях, глубокое понимание родного языка и литературы в древнейшую пору их развития, превосходное знание средневековой палеографии, соединяющееся у него с замечательной любовью к чешской старине, с необычайным прилежанием и тщательностью в работе и с удивительным чутьем к разысканию драгоценных чешских памятников в самых сокровенных, мало кому доступных тайниках. Заслуги А. Патеры в деле критического издания и объяснения многих важнейших произведений древней чешской литературы, а равно отыскание доселе неизвестных остатков чешской рукописной старины давно известны и оценены в науке славянской филологии» [10. С. 86]. Правда, чешские специалисты отмечали недостатки изданий рукописей А. Патерой. «Транскрипция его к текстам была ошибочной и языковые примечания часто неправильны, но публикации его точны и он сохранил много памятников языка, издав их, а ранее недоступные сделал доступными. Для истории литературы важны его введения, где дается история рукописей, их происхождение и описание», – писал чешский филолог Ф. Травничек [1].

Кроме публикации многочисленных рукописей А. Патера издал также письма Б. Бальбина [11. 1888. С. 143–226; 1887. С. 72–117], письма Й. Добровского (в двух томах) [12], подготовил и опубликовал письма Яна Амоса Коменского [13]. Но в последние годы жизни Патера полностью утратил зрение и многие свои работы не закончил. Он скончался 10 декабря 1912 г.

Контакты А. Патеры с русскими учеными выражались в нескольких формах. Прежде всего это была помощь чешского специалиста в виде консультаций относительно литературы, архивных источников, рукописей и других памятников письменной культуры русским славистам, приезжавшим в Прагу для научных исследований. Как хранитель библиотеки он предоставлял в распоряжение будущего ученого необходимые материалы, оказывал палеографическую помощь, информировал о наличии и характере источников и литературы в других архивных хранилищах и библиотеках. Установившиеся контакты обычно продолжались десятилетиями, часто до конца жизни авторов и выражались в активной корреспонденции, по которой можно проследить процесс славистических исследований в России и подготовки кадров русских славистов во второй половине XIX в. Здесь уместно отметить одну важную деталь. Между первыми русскими славистами – В.И. Григоровичем, О.М. Бодянским, И.И. Срезневским, П.И. Прейсом, с одной стороны, и вторым-третьим поколением русских славистов, с другой, была существенная разница в отношении к зарубежным авторитетам. Первые слависты были учениками Шафарика, Ганки и др., и хотя проявляли определенную самостоятельность, но все же авторитет наставников был для них чаще всего непрекращаем. Последующие же поколения уже успели получить серьезную подготовку до выезда за границу, освободились от романтических иллюзий во взгляде на славян и приобрели достаточно широкий кругозор, чтобы ставить под сомнение построения зарубежных ученых. Поэтому между русскими славистами второго и третьего поколений, с одной стороны, и их зарубежными коллегами – с другой, установились отношения равноправия. Русские слависты не редко вставляли свое собственное веское слово в суждения европейской славистики.

Одним из примеров сотрудничества А. Патеры с русскими учеными является пребывание в Праге Ю.С. Анненкова (1849–1885). Этот ученик В.И. Ламанского, проходя магистратуру по славянской филологии в начале 1870-х годов, усердно изучал в Праге чешские и латинские рукописи XV–XVI вв., намереваясь написать большое исследование о Петре Хельчицком. В ходе занятий Ю.С. Анненков сделал ряд открытий, сообщения о которых публиковал в журнале «*Časopis Muzea Českého*». Патера указал Анненкову на наличие рукописей Хельчицкого в Оломоуце, и Анненков проследовал туда для их изучения. В сентябре 1875 г. он писал Патере: «В Оломоуце я успел сделать все, что хотел: удостоверился в точности пражского списка, сделал небольшой снимок и собрал подробности, касающиеся описания рукописи. Постараюсь как можно скорее отпечатать несколько экземпляров этого снимка и послать Вам вместе с описанием для пополнения музейного списка» [14]. В 1882 г. А. Патера и Ю.С. Анненков совместно опубликовали в «*Časopis*» статью о вновь найденной рукописи Хельчицкого. Рукопись обнаружена А. Патерой, но исследование ее и определение значения рукописи для изучения литературной деятельности чешского средневекового мыслителя полностью осуществлено русским славистом, что подтверждается письмом Анненкова Патере от 1 октября 1881 г. [14], в котором подробно излагаются выводы исследования. Это один из примеров равноправного сотрудничества.

О характере связей Патеры с русскими учеными говорит и корреспонденция И.С. Пальмова. Будучи магистрантом Петербургской духовной академии, он в 1882 г. многие месяцы провел в библиотеке Чешского национального музея за рукописями и книгами. И впоследствии, когда И.С. Пальмов готовил докторскую диссертацию «о чешских братьях», он неизменно пользовался помощью

А. Патеры и других чешских ученых. В письме от 26 июля / 8 августа 1902 г. Пальмов замечает: «Живу за границей среди славян более двух месяцев и жажду видеть не столько Прагу, сколько Ваш и отчасти мой незабвенный музей, где я вместе с Вами проводил столько приятных дней и даже месяцев. У меня есть намерение провести в Праге или ее окрестностях оставшуюся часть своих летних каникул с целью восполнить в музее свои научно-литературные занятия по истории чешских братьев. Итак, я нуждаюсь в некоторых рукописях Музея (Братского архива), Земского архива и пр., равно как и в некоторых печатных изданиях, которых нет у меня под рукой в России. Кроме того мне нужна одна рукопись Будишинской городской библиотеки (Мартина Лупача). Может быть, окажется возможным в Праге познакомиться с этой весьма интересной для меня рукописью. Но без Вашей помощи я не надеюсь достигнуть желаемого. А Ваше содействие уже столько раз открывало для меня двери, даже крепко закрытые» [15].

В свою очередь русские слависты внимательно следили за творчеством А. Патеры. Так, профессор Варшавского университета В.В. Макушев постоянно общался о трудах А. Патеры в «Русском филологическом вестнике», издававшемся в Варшаве. Его рецензии содержали много информации не только о работах А. Патеры, но и в целом о чешской древней литературе, которой были посвящены исследования чешского ученого. Кроме интересных дополнений В.В. Макушев высказывал собственные суждения по вопросам датировки рукописей, особенностей языка и т.д. Так, большой интерес представляет его статья о работе А. Патеры «Чешские глоссы в “Mater Verborum”» [16. С. 143–144], вышедшая в 1877 г., где русский рецензент решительным образом высказался в пользу мнения о позднейшей подделке большей части глосс в «Mater Verborum» и своими аргументами поддержал точку зрения чешского ученого о том, что большая часть чешских глосс в этом древнем латинском памятнике сфабрикована в новое время. В.В. Макушев был одним из немногих русских ученых, разделявших мнение о подложности других чешских «древних памятников», о которых в Чехии шла бурная полемика [16. № 1. С. 143–146; № 3. С. 134–139; № 3. Т. 2. С. 121–129].

Киевский славист, проф. Т.Д. Флоринский постоянно извещал общественность о сочинениях А. Патеры в «Заметках о новых трудах по славянской филологии и истории», которые регулярно публиковал в «Университетских известиях» Киевского университета [3. С. 85–108]. В «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП) разбор издания А. Патерой остатков рифмованных старочешских Александрид представил Ю.С. Анненков [17. С. 379–394]. О великолепно издании памятника чешского языка XIV в. – рукописи «Подебрадской псалтыри», писал Г.А. Ильинский в известиях ОРЯС [18. С. 1059–1060], на выход в свет корреспонденции Яна Амоса Коменского откликнулся К.Я. Грот [19. С. 205–210]. Постоянное внимание уделял работам А. Патеры И.И. Срезневский.

Последний принял особое участие в разборе трудов А. Патеры. Для истории русского славяноведения важен вопрос о том, как относились русские ученые к актуальным проблемам европейской славистики. Одним из таких вопросов второй половины XIX в. была проблема подложности некоторых чешских памятников письменности. В спорах о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописи (РКЗ) чешские ученые разделились на два лагеря. Среди сторонников подлинности были Ф. Палацкий и Й. Шафарик, а также почти весь остальной корпус чешских ученых – филологов и историков. Критиками подлинности знаменитых рукописей были молодые ученые, объединившиеся вокруг журнала «Ateneum», издававшегося проф. Т.Г. Масариком [20. С. 11–242]. А. Патера долго верил в подлинность Краледворской рукописи, но в 1877 г. опубликовал свое доказательство подделки чешских глосс в «Mater Verborum», чем дал оружие в руки противников подделки

РКЗ и встал на их сторону. Большинство русских славистов были сторонниками подлинности рукописей и лишь единицы из них приняли сторону критиков. И.И. Срезневский приветствовал труд А. Патеры и предложил напечатать его в «Записках Академии наук» на русском языке. Чешский ученый согласился, и в 1878 г. его труд вышел в издании Российской академии наук [19]. К исследованию А. Патеры Срезневский прибавил свои примечания. Признав некоторые аргументы чешского ученого убедительными, русский академик со многим не согласился. И.И. Срезневский прежде всего считал, что глоссы не могли быть подделаны в XIX в., так как в то время не существовало человека, который имел бы достаточно знаний древнего чешского языка и его правописания, и, следовательно, глоссы могли быть приписаны только в древности. Особенно сомнительным казался Срезневскому мнение А. Патеры о том, что поддельщиком мог быть В. Ганка. «Кто был поддельщик, – пишет И.И. Срезневский А. Патере в 1878 г. – я этого не касаюсь. Это и не так любопытно, да и при том ответа никакого не могу дать. За положительным отсутствием данных легче бы всего, казалось бы, отнести это на счет Ганки, но едва ли он владел таким знанием, какое нужно было для того, чтобы сочинить такие глоссы, хотя и всех ранее, кроме Добровского, сделал очерки особенностей древнего чешского языка. Что он не владел в желаемой для этого степени чешским древним языком, это видно из его промахов в изданиях памятников и переписки с Добровским. Как Вы об этом думаете?» [5. 24. 02. 1878]. А. Патера думал иначе и сообщил свои весьма убедительные доказательства [8]. Но аргументация чешского ученого не удовлетворила И.И. Срезневского, и он написал А. Патере дополнительные рассуждения, на которые чешский ученый не ответил. Для него вопрос о подделке глосс и фальсификаторе был ясен. Зато В.В. Макушев признал аргументы А. Патеры доказательными во всех отношениях и высказал ряд критических замечаний по поводу позиции И.И. Срезневского [21. С. 73 и др.], который не только отвергал мысль о фальсификации глосс в «Mater Verborum» в XIX в., но и защищал без всяких научных оснований подлинность Зеленогорской рукописи.

Особенно яркое отражение нашел вопрос о подлинности РКЗ в письмах В.И. Ламанского [22. С. 45–73]. В 1879–1880 гг. этот русский славист выступил в ЖМНП с серией статей «Новейшие памятники чешского языка» [23]. Уже само это название говорило о намерении автора опровергнуть тезис о древности РКЗ. Серия статей не была окончена, но и то, что опубликовано, составляет по объему целую книгу. Весь материал для этой работы В.И. Ламанский получил от А. Патеры. 14 ноября 1878 г. русский ученый писал чешскому: «Дорогой мой Адольф Осипович! [...] Вот уже несколько месяцев я весь ушел в чешскую словесность. Только о ней и думаю, только ею и занят, и часто занят в сутки по 12–14 часов. Я буду писать после “Матер верборум” и о “Суде” Либуши, и о Краледворской рукописи и нуждаюсь в Вашей помощи. Здесь многого у меня нет под рукой. Так, мне нужно бы иметь статьи “Тагесботе” о Ганке, брошюру о процессе Ганки; не имею статей Светозора и Брандля. Нельзя ли, наконец, снять фотографию с глосс Св. Иоанна?» [24]. Далее Ламанский спрашивал Патеру о том, в каких памятниках впервые встречается то или иное выражение, просил поискать у пражских антикваров литературу, которая могла бы помочь освещению ряда вопросов. Одним словом, письмо свидетельствует, что Ламанский готовился к выступлению против подлинности РКЗ глубоко и основательно и стал на позицию критики в результате научного убеждения. Из писем видно, что для русского ученого важно было в данном случае установить научную истину. Он писал Патере: «Будьте уверены и не бойтесь за меня, что я иду заодно с немцами или австрийцами в вопросе о подлинности Ваших памятников. Я становлюсь совершенно на иную точку зрения, пишу как славянин, как писал бы чех, властенец, убедившийся в неподлинности этих драгоценностей. Я понимаю, отчего больно должно было

быть таким старикам, как Палацкий, Шафарик, Челаковский, Юнгманн². И в других письмах Ламанский высказывал аналогичные суждения, просил уточнить разные сведения, прислать копии статей и некоторых памятников, библиографические данные и т.п., обсуждал разные мнения и выходящую в свет литературу по интересующему его вопросу, высказывал те или иные предположения. В. Ганку Ламанский безоговорочно признавал фальсификатором многих рукописей, но находил объяснение его поступкам и в целом довольно точно определил его место в чешском национальном возрождении. «Ганка, – писал он, – своими подделками займет низкое место в науке, но в истории культуры он будет стоять высоко. В нем живо, целю выразался [...] потомок гуситов, решившийся всеми возможными средствами наверстать утраченное и похищенное в торжество иезуитов и немцев. Он не был высокого развития, просвещенный человек науки. Но он был палеограф и археолог-самоучка, как бывают самоучки-математики. Он был народен и чех с головы до пяток, едва ли не более всех других своих современников – ученых и писателей (за исключением разве Челаковского). Он подделывал не с корыстными целями» [24]. Если под понятием «с корыстными целями» не иметь в виду политические и национальные расчеты, то с мнением русского ученого в известной степени можно согласиться.

А. Патера удовлетворял просьбы Ламанского. Об оказанной помощи свидетельствуют ответные письма чешского ученого [25], в которых имеются не только разъяснения по тем или иным вопросам, но и целые списки высланной Ламанскому литературы. Можно с уверенностью сказать, что Ламанский эрудицией в проблеме рукописей, производящей и ныне сильное впечатление, во многом обязан А. Патере.

Если русские слависты, филологи и историки интересовались главным образом проблемами богемистики, что собственно и было сюжетом обсуждения этих вопросов и основой контактов между ними и Патерой, то профессор Московского университета Нил Александрович Попов (1833–1892) занимался австрийским славянством в целом, а не только Чехией [26]. При этом интерес Н.А. Попова касался Новой истории славянских народов и их современного состояния. В Прагу московский профессор прибыл в августе 1863 г. и пробыл там несколько месяцев. Главной задачей его командировки было, по его собственному выражению, приобрести «живое знание славянства». Попов в Праге интересовался в основном политическим положением чехов. Он посещал «Мещанскую Беседу» – политический клуб чешской буржуазии, вступал в контакты с политическими деятелями разных партий, редакторами газет, учеными и другими представителями чешского общества. В ноябре 1863 г. Попов переехал в Вену, где кипели политические страсти. На общевстрийский сейм сюда прибыли известные славянские деятели из всех частей монархии. В Вене постоянно жили видные ученые славянского происхождения, находились крупнейшие библиотеки. Здесь Н.А. Попов также познакомился со многими «другими чехами, словаками, сербами, хорватами, булгарами», «жупанами, адвокатами, депутатами и поэтами». Из Вены русский ученый выехал в конце января 1864 г. и посетил «Пешт, Нови Сад, Белград, Люблину, Загреб, Молдавию, Валахию, Булгарию и Босну». В Праге он подружился с Патерой и переписывался с ним с 1863 г. по 1878 г. Письма русского ученого хранятся в указанном выше фонде А. Патеры, ответные корреспонденции чешского слависта – в фонде Н.А. Попова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве [27]. В переписке имеются сведения самого различного характера – об отдельных фактах биографии Н.А. Попова, о комплектовании его

² По поводу сочувствия Ламанского «чешским старикам» русский славист явно увлекается. Ни Челаковскому, ни Юнгманну не могло быть «больно» за подозрение РКЗ, так как Юнгманн умер в 1847 г., а Челаковский в 1852, т.е. в те годы, когда РКЗ переживали триумф как великие памятники славянской древности. Их разоблачение в печати началось в конце 50-х годов XIX в.

знаменитой славянской библиотеки, о специфике его славистических интересов, преподавании славяноведения в Московском университете, исследованиях по истории славян, о политических событиях в Чехии, настроениях чешских политических деятелей, об их реакции на статьи в русской прессе, о подготовке Этнографической выставки и славянского съезда 1867 г. в России. В переписке содержатся свидетельства о подготовке главного труда Н.А. Попова «Россия и Сербия» и других его сочинений. Письма характеризуют атмосферу в Чехии в период обострения национальной борьбы перед установлением дуализма в Австрии, реакцию на политические события тех кругов русского общества, к которым принадлежал Н.А. Попов. Следует отметить, что он придерживался умеренных политических взглядов, защищая в своих трудах внешнюю политику России, самодержавие и православие [21. С. 290–298]. Переписка раскрывает характер чешско-русских связей в это время, а также общее направление славистических интересов Н.А. Попова как в области преподавания, так и в исследовательской работе. Для преподавания ему были необходимы пособия и литература. По возвращении в Москву Попов определил свои славистические интересы: хотел изучать «из древней истории славян только их право, из новой же – политическую и административную жизнь от Марии Терезии, а всего более – от Венского конгресса» [28]. «Помните, – писал он Патере, – что я не архивист, не филолог, не библиоман, но люблю только историю новую и древнее право» [28]. В Москве Н.А. Попов не обнаружил необходимых ему новейших и ряда старых изданий и стал приобретать литературу за границей. Он регулярно обращался к А. Патере как к главному консультанту и помощнику в разыскании, приобретении и пересылке необходимой литературы. Разумеется, менее квалифицированный корреспондент, чем библиотекарь Чешского музея, не мог оказать Попову столь существенной помощи. Так, русский ученый спрашивал о том, что вообще издано по некоторым вопросам. «Не оставляйте меня по части библиографии извещениями своими», – читаем в одном из первых писем Попова, после его возвращения в Москву [28]. Конечно, ученый сообщал и тематику интересовавшей его литературы. «Для меня всего интереснее было бы, – писал он, – иметь хорошую библиотеку славянских журналов и газет XIX в. по всем народностям» [28]. «Мои планы такие – сперва собрать лучшие газеты и журналы, когда-либо издававшиеся у славян». «Мне очень [...] нужно собрать важнейшие из газет на разных славянских языках за прежнее время, например, Штуровские новины, югославянские новины сорок восьмого года, словенские», – писал Н. Попов 4/16 мая 1865 г. А. Патера обычно выполнял запросы своего московского корреспондента, который щедро оплачивал услуги чешского коллеги. «Если книги и брошюры я буду скупать и впредь в такой же прогрессии, то, даст Бог, меня скоро посадят за долги в Яму», – писал он в 1863 г. Письма А. Патеры изобилуют длинными списками высылаемой литературы. Но кое-каких изданий не мог разыскать даже он: «Газет за 1848 г., которые Вы желали приобрести, никак не могу достать. Нужно подождать, может быть случайно найду. В Загребе я обратился к своему доброму другу Смичикласу, и он обещал мне, что как только представится случай, купит их для Вас» [27]. Не удалось приобрести и «Словенских Новин Штура», извещал А. Патера. Попов интересовался литературой славянских народов по многим проблемам, связанным со славянством. Его внимание привлекали чешские сочинения, многие словацкие издания, но преимущественно Н.А. Попова интересовала история Сербии, о чем свидетельствуют все 34 письма русского ученого чешскому коллеге. Значительное место в переписке занимают также вопросы о литературе по Галиции.

Литература, приобретенная Н.А. Поповым за границей, составила основу его знаменитой славянской библиотеки. Ученики профессора вспоминали, что именно благодаря его лекциям и «прекрасной библиотеке», в которой можно было

найти как старые издания, так и новинки славянской литературы, студенты общались к изучению славян и посвящали себя занятиям славяноведением [29]. Эта библиотека была укомплектована в значительной мере с помощью Патеры.

Следует заметить, что сам Патера получал от Попова несравненно меньше литературы. Будучи богемистом, он не мог рассчитывать в России на приобретение большого количества книг, а то, что было необходимо, получал через коллег-филологов.

В 1867 г. в Москве проходила Этнографическая выставка. Как один из организаторов ее Н.А. Попов обратился к Патере с просьбой [28] подобрать для экспозиции народные костюмы «или предметы обыденной домашней жизни» и привлечь для помощи в этом деле также других лиц. Патера ответил, что ни он, ни его знакомые не имеют средств для закупки костюмов, а он может прислать лишь изображения. На случай, если будет издаваться сборник этнографических статей, Патера обещал прислать свою статью [27]. Следует отметить, что политические взгляды обоих корреспондентов были весьма различны. Н.А. Попов, как известно, был славянофилом и монархистом, Патера же, будучи русофилом, ставил однако выше всего собственный народ. Критику порядков Австрийской империи он позволял себе только в рамках программы старочешской партии, во главе которой стояли Ф. Палацкий и Ф.Л. Ригер. И если Н.А. Попов, занимавшийся и публицистикой, публиковал материалы, которые вызывали подчас отрицательную реакцию выходивших в Чехии газет, то А. Патера сообщал Попову о политических событиях чаще всего в нейтральном тоне или широко известные из газет сведения. Но статья Н.А. Попова «Вопрос об общеславянской азбуке» [30. С. 5–9] вызвала не только всплеск негодования чешских патриотических газет, но была также раскритикована А. Патерой, который на этот раз дал волю своим патриотическим чувствам. «Удивлен Вашей статьей об общеславянской азбуке. Если бы под ней не было Вашего имени, никогда не поверил бы, что это написали Вы» [27]. Далее А. Патера перечислил моменты, с которыми не мог согласиться. Особенно обидели его слова Попова «о руководителях чешского народа», о которых русский историк высказался с некоторым пренебрежением. «Далее меня удивили Ваши слова «так называемые руководители чешского народа, так называемые властенцы и народодюбы!», – пишет А. Патера. «Видимо, Вы считаете, что истинным вождем чехов и патриотом являлся пан Езбера³, а не Палацкий, Ригер, Эрбен и т.д.?! Благодарствую Вам!». Возражал Патера и против других утверждений Попова. Так, он не считал правомерным тезис о том, что «чешские газеты нашего времени и чешские газеты 20–30-х гг. значительно разнятся между собой по языку». «В этом очень сомневаюсь», – заметил Патера. «И еще немало в Вашей статье такого, что меня удивило, ведь на каждой странице много ошибок и намеренных искажений истины», – писал он [27]. В этом письме чешский ученый выразил отношение большинства чешских национальных деятелей к тенденции русских славянофилов ввести кириллицу у всех славян. Но Попов такую тенденцию отрицал и полагал, что подобный взгляд мог возникнуть только «среди малого народа и небольшой литературы». «Почему мы должны говорить только о хороших явлениях в Вашей жизни?», – вопрошал он в письме к Патере, отвечая в нем и на другие упреки [28]. «Ваши же руководители, журналисты и вообще все славянские рододюбы постоянно сетуют и плачутся на несчастное положение», – писал он и отметил, что мысли, заключенные в статье, уже высказывались в славянской публицистике, «но вызывают брань, когда их повторяют русские», и подробно разъяснил, как, с его точки зрения, нужно понимать те или иные положения статьи. Следует заметить, что чешское образованное общество

³ Езбера (Иезбера) Федор Иванович (Jezbera František Jan. 1827–1901) – чех, сторонник сближения славян, в частности введения кириллицы в письменность всех славянских народов.

60-х годов XIX в. порой видело проявление русского «гегемонизма» и там, где его не было, принимало чисто теоретические рассуждения русских публицистов за стремление навязать свою волю. Здесь уместно вспомнить эпизод, когда чешский деятель национального возрождения Ян Эвангелиста Пуркине в начале 40-х годов XIX в. в статье «О литературном единстве между славянскими племенами» [31. С. 133–158] предложил всем славянам перейти на латинскую азбуку и правописание, русские критики отвергли идею как нецелесообразную, несоответствующую историческому культурному развитию тех славянских народов, которые получили свою письменность от Кирилла и Мефодия, но не обвиняли Я.Э. Пуркине в каком бы то ни было вмешательстве в русскую духовную жизнь.

После описанного столкновения между Поповым и Патерой их переписка утратила оттенок сердечности, стала официальной по тону, а затем постепенно вообще прекратилась.

Приведенными в настоящей статье примерами не исчерпывается материал о связях А. Патеры с русскими учеными и другими представителями культуры. Большую литературную и организаторскую помощь А. Патера оказывал русскому художественному критику В.В. Стасову [32. С. 347–354], композитору М.А. Балакиреву [33. С. 86–89] и многим, многим другим.

Неоценимую услугу оказал А. Патера в деле обогащения «материальной базы» русского славяноведения, под которой следует понимать литературное пополнение, информацию и обмен интеллектуальными достижениями.

Во второй половине XIX в., когда не существовало упорядоченного международного книгообмена, когда в России еще не вошло в практику регулярное сотрудничество между библиотеками, научными обществами, издательствами и т.д., а связи носили все еще спорадический и даже случайный характер, контакты между учеными были главным путем получения необходимой литературы. А. Патера посылал книги практически всем, кто об этом просил. Особенно же много сведений о пересылаемой литературе в переписке А. Патеры и М.Ф. Раевского – протоиерея, священника русской посольской церкви в Вене (1843–1884). Через него шла значительная часть всей литературы для русских славистов. Патера помогал русским ученым в приобретении книг непосредственно во время их пребывания в Праге, пересылал литературу с оказией, иногда и по почте. Переписка показывает, что услугами Патеры в области приобретения книг пользовались профессоры всех русских университетов, где преподавалось славяноведение, большинство научных обществ России, все славянские благотворительные общества, многие отдельные лица. Именно к Патере обращались обычно все, интересовавшиеся литературой о славянах. Можно без преувеличения сказать, что все слависты, находившиеся в контакте с Патерой, просили его о присылке чешских книг, газет, журналов, старых и новых изданий и т.д. Подавляющее большинство этих просьб Патера выполнял. Необходимо подчеркнуть, что обмен литературой был взаимным. В корреспонденции имеются и списки той литературы, которую русские ученые посылали Патере. Фактически Чешский музей через своего библиотекаря получал все русские издания славистического профиля. Библиотека русских книг в Чешском музее была одна из богатейших в Европе, что является в большой мере заслугой русских славистов и Патеры. В переписке русских ученых с Патерой содержится и обширная научная информация: о новых книгах и журналах, о заседаниях научных обществ и университетских актах, о диспутах и рефератах, о съездах, экспедициях и многих других мероприятиях, совокупность которых и создавала ту ученую атмосферу, в которой развивалось русское славяноведение.

Не последнюю роль в создании этой атмосферы во второй половине XIX в. играли русско-славянские научные связи, в которых чешскому ученому А. Патере принадлежит важнейшая роль и высокое почетное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Časopis pro moderní filologii a literatury*. Praha, 1913. Roč. III.
2. Československé práce o jazyce, dějinach a kultuře slovanských národů od roka 1760. Biograficko-bibliograficky slovník. 1972.
3. Известия СПб. Славянского Благотворительного Общества. 1903. № 5; 1877. № 7.
4. Киевский городской государственный архив. Ф. 16. Оп. 323. Д. 139. Л. 5.
5. Literární Archiv Památníku Národního Písemnictví. Pozůstalost A. Paterý. Письма И. Срезневского 5 XII. 1877; 24 02. 1878.
6. Императорское Московское Археологическое общество в первые 50 лет его существования. 1864–1914. М., 1915. Т. 2.
7. Известия СПб. Славянского Благотворительного Общества. 1886. № 1.
8. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 436. Письмо А. Патеры И.И. Срезневскому. Оп. 1. Д. 1506. 5. 2.1877; 27. 03. 1879.
9. *Lapťevová L.P.* Korespondence I.I. Srezněvského a A. Paterý // Československo-sovětské vztahy. XI. Praha, 1982.
10. *Флоринский Т.* Заметки о новых трудах по славянской филологии и истории // Университетские известия. Киев, 1887. № 7.
11. Dopisy Bohuslava Al. Balbina k opatu Teplskému Raimundu Wilfertovi I a knězi téhož kláštera Aloisovi Hackenschmidtovi, z l. 1664–1667 // Vestník Kral. Česhé Spol. Náuk, 1888; Dopisy Bohuslava Balbina ke Kristianu Weisovi z l. 1678–1688 // Vestník Kral. Česhé Spol. Náuk, 1887.
12. Korespondence J. Dobrovského. d. I. Vzájemne dopisy Joz. Dodrovského a Fortunata Duricha z let 1778–1800 (Sbirka pramenů). Praha, 1895.
13. Jana Amosa Komenského korespondence. Sebral a k tisku připravil A. Patera, v Praze // Rozpravy České Akademie Císaře Františka Josefa. 1892. Roč. I. Č. 2.
14. Literární Archiv Památníku Národního Písemnictví. Pozůstalost A. Paterý. Письма Ю.С. Анненкова А. Патере 16/26 сентября 1875 г.; 1 октября 1881 г.
15. Literární Archiv Památníku Národního Písemnictví. Pozůstalost A. Paterý. Korespondence. Письма А.С. Пальмова А. Патере 26 июля / 8 августа 1902 г.
16. [Макушев В.] České glossy v «Mater Verborum» Poduva Adolf Patera // Русский Филологический Вестник. Варшава, 1879. № 2; № 3. Т. 2.
17. [Анненков Ю.С.] Zbytky rymovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. V Praze // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1881. Ч. 214.
18. *Ильинский Г.А.* Zaltář Poděbradský podle rukopisu Draždanského. Vydal A. Patera. V Praze // Известия ОРЯС ИАИ. СПб., 1899. Т. V. Кн. 3.
19. [Грот К.] Jana Amosa Komenského korespondence. Sebral a k tisku připravil A. Patera. V Praze // Славянское обозрение. СПб., 1892. Май–июнь.
20. *Латтева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002.
21. *Латтева Л.П.* Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н.А. Попова с А. Патерой // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982.
22. *Латтева Л.П.* Переписка между русским славистом В.И. Ламанским и чешским ученым Адольфом Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX в. // Zborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Roč. XXXI. 1980. Historica. Bratislava, 1984.
23. *Ламанский В.И.* Новейшие памятники чешского языка // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1879. № 1–3; 6–7; 1880. № 6.
24. Literární Archiv Památníku Národního Písemnictví. Pozůstalost A. Paterý. Korespondence. Письма В.И. Ламанского 14 ноября 1878; 30 октября 1878 г.
25. Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1074. Письма Патеры В.И. Ламанскому.
26. *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.
27. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 239. Папка 15. Д. 41. Письма А. Патеры Н.А. Попову 1 ноября 1866 г.; 6 ноября 1865 г.
28. Literární Archiv Památníku Národního Písemnictví. Pozůstalost A. Paterý. Korespondence. Письма Н.А. Попова 25 февраля / 9 марта 1865; 22 декабря / 3 января 1865 г.; 4/16 мая 1865; 15/27 октября 1866; 11/23 декабря 1865 г.
29. *Кочубинский А.А.* Из моих воспоминаний. На память о Ниле Александровиче Попове (1863–1891) // Новороссийский телеграф. 1892. 4 января.
30. *Попов Н.* Вопрос об общеславянской азбуке // Современная летопись. 1865 г. № 39.
31. *Lapťevová L.P.* Jan Evangelista Purkyně a Rusko // Acta Universitatis Carolinae. T. XXVII. Praha, 1987. Fasc. 1.
32. *Латтева Л.П.* Письма В.В. Стасова чешскому ученому Ад. Патера // Советское искусствознание. М., 1980. Т. 2.
33. *Латтева Л.П.* Оперы Глинки на пражской сцене (по архивным материалам) // Советская музыка. 1986. № 8.

К ИСТОРИИ КОРОНАЦИИ НИКОЛАЯ I В ВАРШАВЕ (1829 год)

Статья посвящена коронации Николая I в качестве царя польского в Варшаве в мае 1829 г. Коронация Николая I не удовлетворила ни поляков, ни русских. Поляки обращали внимание на фальшивость данной церемонии, русские подданные императора считали сам факт коронации в Варшаве излишним и усматривали в нем уступку полякам и католическому духовенству.

The article describes the coronation of Nicolas I as the king of Poland in May 1829 in Warsaw. Polish observers were drawing attention to the falsity of this ceremony, while Russian subjects of the emperor considered the very fact of the coronation unnecessary and considered it as a concession to the Poles and Catholic clergy.

Ключевые слова: русско-польские отношения, коронация, Николай I.

После разделов Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией в конце XVIII в. название «Польша» исчезло с политической карты Европы. Надежды на возрождение своего государства в начале XIX в. поляки связывали с французским императором Наполеоном, подчинившим себе половину Европы и по-своему перекраивавшим европейские границы. Некоторые из них отдавали предпочтение российскому монарху Александру I, который еще до вступления на престол оказывал расположение полякам. Наполеону удалось опередить Александра: в 1807 г. после разгрома войск антифранцузской коалиции, в состав которой входила и Россия, он создал из отобранных Пруссией польских земель сателлитное государство – Великое Герцогство Варшавское, рассматривавшиеся им в качестве стратегического плацдарма. В 1809 г. к герцогству были присоединены также польские территории, принадлежавшие Австрии. Несмотря на частичное восстановление польского государства, в силу существующих международных договоров, слово «Польша» не фигурировало в его названии. Александр I хотел связать Наполеону руки и добивался заключения соглашения о том, что Франция не будет воскрешать Речь Посполитую, а название «Польша» навсегда исчезнет из сферы международной дипломатии. В 1809 г. соответствующая конвенция была подписана, но французский император отказался ее ратифицировать [1. Т. XIV. С. 430–433; 2. С. 17–28]. Войска Герцогства Варшавского участвовали в войне 1812 г. на стороне Наполеона. Цель войны поляки видели в полном возрождении своего государства путем возврата его бывших территорий – украинских и литовско-белорусских земель, вошедших в состав России. Эти надежды демагогически поддерживались Наполеоном.

Каштанова Ольга Сергеевна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

После изгнания французских войск из России территория Великого Герцогства Варшавского была занята русскими войсками, а смешанный русско-польский Временный верховный совет во главе с В.С. Ланским осуществлял местное управление. На открывшемся в 1814 г. Венском конгрессе центральным стал вопрос о судьбе Герцогства Варшавского. Во многом благодаря твердой позиции императора Александра, поддерживавшего тесные отношения с видным польским политическим деятелем – князем А.Е. Чарторыйским, удалось избежать прежнего раздела польских территорий. На основании русско-австрийского и русско-прусского договоров от 21 апреля (3 мая) 1815 г. большая часть бывшего Герцогства Варшавского в качестве Царства (Королевства) Польского была присоединена к России. Галиция вернулась к Австрии, а Пруссия получила земли Великопольши. По инициативе придерживавшегося в то время либеральных принципов Александра I Царство Польское наделялось конституцией. Соответствующие проекты разрабатывались по поручению императора еще накануне войны 1812 г. Прецедент существования автономной государственной единицы в составе Российской империи уже имелся: в 1809 г. царь утвердил конституцию Великого княжества Финляндского [1. Т. III. С. 317–353; 2. С. 35, 36, 77–97].

Положения русско-австрийского и русско-прусского соглашений были повторены в заключительном Генеральном акте Венского конгресса, подписанном 28 мая (9 июня) 1815 г. В ст. I данного документа говорилось: «Герцогство Варшавское, за исключением тех областей и округов, коим в нижеследующих статьях положено иное назначение, навсегда присоединяется к Российской империи. Оно в силу своей конституции будет в неразрывной с Россиею связи, и во владении его величества императора всероссийского, наследников его и преемников на вечные времена. Его императорское величество предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особенным управлением. Его величество, сообразно с существующими в рассуждении прочих его титулов обычаем и порядком, присовокупит к оным и титул Царя (Короля) Польского» [3. С. 172].

Таким образом, император Александр получил право расширения границ Царства Польского за счет земель, отошедших к России в результате разделов Речи Посполитой. К прежнему императорскому титулу прибавился и титул царя польского, что было законодательно оформлено указом Правительствующему Сенату от 6(18) июня 1815 г. «О форме титула его императорского величества». Отныне полный титул российского монарха звучал так: «Божиею поспешествующею милостью Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский [...] и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский [...]» [4. Собрание I. Т. XXXIII. № 25.875. С. 195].

20 июня (2 июля) 1815 г. в Варшаве было объявлено об образовании Царства Польского. На смену Временному верховному совету пришел Временный правительствующий совет, который должен был подготовить создание постоянного правительства и введение конституции. Хотя поляки были разочарованы тем, что не все земли бывшего Герцогства Варшавского вошли в состав Царства Польского, они приветствовали императора во время его приезда в польскую столицу в ноябре 1815 г. Александр I предстал перед публикой в мундире генерала польских войск с орденом Белого орла, он очаровал присутствующих, особенно дам, своими манерами и любезным обхождением. Невестка бывшего польского министра вероисповеданий и народного просвещения С.К. Потоцкого А. Потоцкая писала в мемуарах: «Его обворожительные манеры, мягкое и приветливое выражение лица произвели на всех неизгладимое впечатление, и, будем откровенны, легкость, с которой мы, поляки, поддались очарованию, довершила остальное» [5. С. 248].

В честь приезда императора в городе была устроена трехдневная иллюминация, проходили пышные балы и военные маневры.

15(27) ноября 1815 г. в Варшаве была провозглашена конституция Царства Польского, согласно которой оно соединялось с Россией посредством личной унии с императором и обладало значительной автономией. Государство управлялось собственным правительством во главе с наместником, имело представительный орган – сейм, собственную армию, чеканило свою монету – польский злотый, жителям были гарантированы гражданские свободы. Несмотря на то что эта хартия считалась одной из самых либеральных конституций того времени, по ряду пунктов она давала монарху возможность лавирования и удобной ему интерпретации закона. Конституция была октроированной, т.е. дарованной. В заключение ее говорилось: «Мы даровали и даруем [...] настоящую Конституционную Хартию, которую мы признаем за себя и за наших наследников» [6. С. 63]. Александр I оставлял за собой право ее аннулирования в случае, если бы поведение польских подданных не оправдало его ожиданий. Однако это осознавалось лишь небольшой частью польского общества [7. S. 26].

По мнению поляков, доказательством неполной искренности императора стали и назначения на высшие посты. Наместником Царства вместо ожидаемого многими А.Е. Чарторыйского был назначен старый и больной генерал Ю. Зайончек. Польскую армию возглавил брат царя – цесаревич и великий князь Константин Павлович. Цесаревич из-за своего высокого положения фактически стоял над законом и наместник очень прислушивался к его мнению. Стремление Константина привить российские порядки и палочную дисциплину в польской армии в первые годы существования Царства, организация им тайной полиции значительно осложняли развитие русско-польских отношений на начальном этапе. Также был учрежден неоговоренный в конституции пост императорского комиссара при правительстве Царства Польского, который занял сенатор Н.Н. Новосильцев.

В текст конституции были включены слова об обязательной коронации в дальнейшем наследников нынешнего польского царя. Ст. 45 главы I части III конституции гласила: «Все наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет нами установлен, и приносить следующую клятву: “Обещаюсь и клянусь пред Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью”» [6. С. 46]. Еще во время заседаний Венского конгресса император обращался к прусскому монарху Фридриху-Вильгельму III, желая вернуть королевские регалии, вывезенные прусскими чиновниками из Кракова накануне III раздела Речи Посполитой, однако к тому времени они уже были уничтожены. В 1809 г. по приказу прусского короля короны, скипетры, державы и мечи были разобраны и из них выломали драгоценные камни и жемчуг. Через два года оставшееся от них золото и серебро пустили на изготовление монет, а камни передали в Дирекцию морской торговли для сбыта. Фридрих-Вильгельм III заявил Александру I, что ничего не знает о судьбе исчезнувших регалий, и в 1824 г. царь пытался вторично добиться их передачи прусской стороной [8. S. 97–104]. Помимо отсутствия необходимых для коронации атрибутов, императора беспокоило недоброжелательное отношение к новообразованному Царству со стороны русского общества. Многие государственные, военные, политические деятели, ученые, литераторы считали его восстановление ошибкой, полагая, что нужно было либо вообще отказаться от приобретения данных территорий, либо присоединить их к России в качестве губерний [9]. Александр I не короновался в Варшаве, так как по условиям конституции этого не требовалось. Регламент проведения церемонии для его преемников не был составлен при жизни императора.

Поляки надеялись на будущее присоединение к Царству Польскому Западных губерний Российской империи. Эти надежды поддерживались туманными заявлениями императора Александра, звучавшими в основном в частных разговорах, но иногда и на официальных церемониях, например, в тронной речи по случаю открытия заседаний сейма в 1818 г. [7. S. 24–26; 10. С. 96–97]. В русском обществе отрицательно относились к подобным планам, считая украинские, белорусские и литовские территории неотъемлемой частью империи. Выход из положения Александр I видел во введении общеимперской конституции. По его указанию, в 1818–1820 гг. в канцелярии Новосильцева тайно велась работа по составлению «Государственной уставной грамоты Российской империи». Согласно этому проекту, империя делилась на наместничества, в которых действовали народные представительства. Отдельными наместничествами становились Царство Польское и Западные губернии [11]. Таким образом, Александр Павлович выполнял «обещание», данное полякам: распространить действие конституции и на бывшие «польские» земли. С другой стороны, царь удовлетворил бы желаниям своих русских подданных, поскольку Царство Польское потеряло бы особый статус и вошло бы в состав империи на общих основаниях. Александр I отказался от обнародования «Государственной уставной грамоты», возможно, из-за разочарования в конституционных идеях. Но не исключено также, что этот отказ был связан с решением династического вопроса.

Александр не имел законных детей мужского пола. Наследником императора был великий князь Константин Павлович, который в 1820 г. заключил мorganатический брак с польской графиней Иоанной Грудзиньской (получившей титул княгини Лович). Под давлением Александра он был вынужден отказаться от прав на российский престол в 1822 г. в пользу следующего брата – Николая. Однако взамен на свое отречение цесаревич хотел получить компенсацию в виде официальных полномочий по управлению Царством Польским и Западными губерниями. Но Александр I не соглашался, ограничиваясь полумерами.

По мере охлаждения императора к либеральным идеям менялось и его отношение к Царству Польскому. Еще в 1818 г., во время первого сейма, царь выражал недовольство в связи с выступлениями лидера Калишской оппозиции В. Немоёвского. В следующем году была введена цензура на периодическую и непериодическую печать. В 1820 г. вследствие критики деятельности правительства, прозвучавшей в речах представителей Калишской оппозиции на сейме, Александр I предоставил Константину Павловичу «carte blanche» по управлению Царством. В 1822 г., опасаясь новых оппозиционных проявлений, император не только отменил собрания сейма, но также под влиянием подъема национально-освободительного движения в Европе планировал временно приостановить конституцию и официально передать диктаторские полномочия великому князю Константину, однако из-за несогласия последнего отказался от данного проекта [12. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1908. Л. 78–102об.; 13]. В сентябре того же года Александр разрешил цесаревичу учредить собственную дипломатическую канцелярию, которая фактически стала польским внешнеполитическим ведомством [12. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9320. Л. 28–33; 14. Р. 56–67]. На основании указа от 29 июня (11 июля) 1822 г. великий князь был назначен главнокомандующим Литовским корпусом, расположенном в Западных губерниях и составленном из местных уроженцев, а также получил контроль над административным управлением Волынской, Подольской, Виленской, Минской, Гродненской губерний и Белостокской области [4. Собрание I. Т. XXXVIII. № 29.087, 29.088. С. 309]. После этого Константин стал рассматривать территории Царства Польского и Западных губерний как свое пожизненное владение [15. S. 176].

В начале 1820-х годов активизировалась деятельность императорского комиссара Н.Н. Новосильцева, который занял открыто враждебную позицию по

отношению к полякам, иницируя создание цензурных комитетов и консервативные реформы в сфере образования. В преддверии сейма 1825 г. была обнаружена дополнительная статья конституции, отменявшая публичность сеймовых заседаний.

Несмотря на недовольство в обществе нарушением конституции, известие о смерти российского императора 19 ноября 1825 г. поляки встретили с сожалением. В Варшаве в апреле 1826 г. прошла символическая траурная церемония, имитировавшая похороны Александра. Пустой гроб был выставлен в соборе св. Яна. В качестве погребальных регалий служили специально изготовленные для этого случая бронзовые, покрытые позолотой, корона, держава с разноцветными стеклами (вместо драгоценных камней) и простой скипетр [16].

В ходе следствия по делу декабристов обнаружили связи, существовавшие между членами Южного общества и польского Патриотического общества, которое имело целью объединение всех земель, входивших в состав Речи Посполитой до II раздела. Чтобы показать тщетность надежд на присоединение к Царству Западных губерний России Николай Павлович начал проводить кадровые перестановки в Литовском корпусе. Часть местных уроженцев была переведена в другие корпуса и заменена рекрутами из центральных областей империи, а административный аппарат Западных губерний пополнился русскими чиновниками.

Одновременно с этим в Варшаве проходил суд над членами Патриотического общества, судьями на процессе, согласно конституции, были сенаторы Царства Польского. В мае 1828 г. они вынесли оправдательный приговор, отвергнув обвинение в государственном преступлении и вменяя подсудимым в вину лишь то, что они, зная о планах членов Южного общества, не сообщили о них правительству. Император был крайне недоволен этим вердиктом и утвердил его в 1829 г., лишь после того как Административный совет Царства (польское правительство) высказал свое мнение о приговоре, приписав его не злой воле сенаторов, а несовершенству польского законодательства.

Согласие Николая I было получено также в связи с планируемой им коронацией в Варшаве. Возникал вопрос, почему император, который придерживался консервативных политических принципов и считал возникновение конституционного Царства ошибкой со стороны своего предшественника, все же решил короноваться. Возможно, он хотел заручиться поддержкой польских политических кругов, поскольку в ходе судебного процесса над членами Патриотического общества престиж императора заметно пошатнулся. Эту поддержку следовало получить и для дискредитации власти великого князя Константина Павловича. Коронация императора должна была показать, что надежды на присоединение Западных губерний к Царству Польскому, связываемые с личностью Константина, не оправдались [17. S. 279, 284, 285, 288, 289; 18. S. 17]. Не исключено, что она также имела целью усыпить бдительность поляков: под покровом внешнего соблюдения конституционных норм Николай I мог предпринять шаги по ликвидации автономии Царства [19. S. 157].

Вопрос о коронации в Варшаве обсуждался между Николаем I и великим князем Константином Павловичем еще летом 1826 г., когда должна была происходить коронация Николая в качестве российского императора в Москве. Вероятно, первоначально Николай хотел совместить обе коронации, однако позднее решил отдельно короноваться в Варшаве. 6 июня 1826 г. он обратился к цесаревичу, желая знать мнение его и императорского комиссара Н.Н. Новосильцева по этому поводу. Николай I стремился сократить всевозможные церемонии и особенно избежать религиозной, что было повторено им в письме Константину от 23 июня [20. С. 79, 82].

9(21) июля Новосильцев представил великому князю свои мысли относительно коронации. Он писал: «Коронация его величества в качестве царя польского в Москве быть может представляла бы, по моему мнению, предмет меньших неудобств, чем, если бы это делалось в Варшаве, особенно, если велеть изготовить польскую корону, благословить ее и отправить в Москву». Новосильцев также не исключал мысль о благословении этой короны польским духовенством Петербурга. В случае коронации в Варшаве, он предлагал провести ее на Вольском поле перед городом, где церемония могла бы сопровождаться всевозможной военной помпой. Откладывая коронацию как минимум на год, Новосильцев советовал совместить ее с празднованием годовщины создания Царства Польского и назначить на 20 июня [12. Ф. 333. Оп. 576. Д. 1722. Л. 42об.].

В тот же день, отправляя Николаю записку Новосильцева, Константин высказал и свои соображения по поводу предстоящей церемонии. Он обращал внимание на то, что конституция оставляла монарху полную свободу действий в отношении самого обряда [20. С. 87–88].

Николай I согласился с мнением цесаревича и, отвергнув предложение Новосильцева, 3 августа писал Константину: «Я уже ранее принес присягу, установленную законом; я дал ее по собственному побуждению и добровольно, как лучшее доказательство искренности моих намерений относительно польских подданных [...] Этим я считаю себя выполнившим по отношению к ним все то, что статья хартии вменяет мне в обязанность по части формы». Говоря о присяге, император имел в виду свой манифест о восшествии на престол от 12 декабря 1825 г., в котором выражались лишь самые общие «намерения» относительно будущего царствования – «жить единственно для любезного отечества, следовать примеру оплакиваемого нами государя; да будет царствование наше токмо продолжением царствования его, и да исполнится все, чего для блага России желал тот, коего священная память будет питать в нас и ревность и надежду стяжать благословение божие и любовь народов наших» [4. Собрание II. Т. I. № 1. С. 3].

«Что же касается обряда коронования, – продолжал далее Николай I, – то всякая церемония, какую я сочту за благо принять, получит силу закона; таким образом, если я созову чрезвычайный сейм, повторю уже принесенную мною народу присягу и затем прикажу отслужить благодарственное молебствие по римскому обряду под открытым небом, чтобы избежать богослужения в соборе и чтобы при молебствии могли присутствовать войска, я думаю, этого будет вполне достаточно; если мы добавим к этому торжественный выезд и обычные празднества в городе, то вот и довольно для зевак и чересчур довольно для меня, вашего бедного брата» [20. С. 89; 21. С. 214–215; 22. С. 411–412].

В течение почти трех лет, пока шел судебный процесс над членами Патриотического общества, тема коронации в переписке между братьями не поднималась. Возвращаясь к этому вопросу в письме от 18 марта 1829 г., император Николай Павлович решил, что он не должен повторно приносить присягу перед польскими подданными, поскольку такая клятва уже была произнесена им при вступлении на российский трон. «После того, как я уже включил формулу присяги в манифест о восшествии на престол, я считаю бесполезным и неподходящим повторять ее еще раз, тем более что молитва (при коронации. – *О.К.*) великолепна и представляет собой род клятвы, приносимой монархом Богу, а не людям», – писал Николай I [20. С. 326; 22. С. 413].

В том же письме от 18 марта Николай наметил план проведения коронации в варшавском Королевском замке, являвшимся царской резиденцией и местом заседаний сейма: «Я полагаю собрать весь государственный корпус в зале Сената; духовенство отправится туда из собора торжественной процессией; в зале будет

устроен алтарь. Когда все придут, мы явимся; я возложу на себя корону, после чего надену на мою жену цепь ордена Белого орла. Затем архиепископ при общем коленопреклонении прочтет молитву, полагающуюся у нас при коронации, с необходимыми изменениями. После я на коленях прочту то, что читается государем при этом случае. В заключение благодарственный молебен по обряду католической церкви» [20. С. 326; 22. С. 411].

Предложенный императором Николаем обряд коронации с собственноручным возложением на себя короны соответствовал применявшейся с 1742 г. российской церемонии венчания на царство [23. С. 55–56]. Однако он противоречил польской традиции, согласно которой государей короновал глава духовенства – примас. Кроме того, из-за разницы вероисповеданий, коронация, проводимая не в соборе, а в Королевском замке, лишалась сакраментального смысла.

Император планировал после коронации отслужить молебен не в соборе, а под открытым небом в присутствии войск, «чтобы не подать повода к мысли, что коронация была совершена в католической церкви» [20. С. 332; 22. С. 412–413]. Однако Константин убеждал его в необходимости проведения церемонии в католическом храме, чтобы подчеркнуть уважение к католической религии. 30 марта цесаревич писал: «Бог призвал Вас царствовать над народом иного исповедания, чем ваше, Вам надлежит покровительствовать этому исповеданию, уважать его и поддерживать, а не наносить ему удара [...], предоставьте людям свободу веры, от этого не уменьшится их верность и благодарность; тем более что присутствие при молебне не означает участия в таинстве [...]» [20. С. 329–330; 21. С. 215–216; 22. С. 412]. В подтверждение своего мнения (16 апреля) Константин Павлович ссылался на введенный Александром I порядок, согласно которому находившиеся в Царстве русские войска наряду с польскими присутствовали на торжествах, сопровождавшихся католическим богослужением [20. С. 333].

В письме от 19 апреля Николай I подвел итог своим размышлениям по поводу предстоящей коронации. Он окончательно отказался от мысли о новой присяге, считая, что она не может произноситься повторно ни самим монархом, ни его подданным. Император решил короноваться в Варшаве русской короной и использовать прочие российские регалии, внеся, однако, свойственную Царству символику. Он видел в этом знак вечного соединения Царства Польского с Российской империей. «Церемония, которая повторяется в Варшаве, не является священнодействием, но лишь повторением коронации для поляков. Все, что присуще только Царству, должно быть там представлено; таким образом, поскольку герб Царства такой же, как и герб империи, за исключением Белого орла вместо святого Георгия, везде будут гербы Царства – орел на скипетре и орлы на мантиях, знамени и мече. По правде говоря, это как крещение, навсегда соединяющее два государства. Если бы корона существовала, без сомнения, именно ею надлежало бы воспользоваться, но ее не существует и тот, кто мудро подумал обо всем, оставил этот вопрос как бы нарочно нерешенным, говоря: “в столице согласно обряду, который будет Нами установлен”», – писал Николай Павлович, цитируя статью 45-ю польской конституции [20. С. 336].

В соответствии с разработанным и опубликованным отдельным изданием церемониалом коронации, царские регалии из Москвы до границы Царства Польского под конвоем четырех кавалергардов вез российский обер-церемониймейстер граф С. Потоцкий. Там его встретил польский церемониймейстер Я. Жабоклицкий, который в сопровождении четырех конных егерей доставил их в польскую столицу [24. С. 6–7].

Вместо Большой императорской короны, используемой при коронации российских монархов со времени Екатерины II, в Варшаву была привезена корона Анны Иоанновны. С этих пор она получила название «польской» и вплоть до 1917 г. изображалась над гербом Царства Польского в государственном гербе Российской

империи. Скипетр и держава, сделанные по заказу императрицы Екатерины II, были те же, что и на коронации 1826 г. в Москве, они наследовались российскими государями начиная с Павла I [23. С. 59–62, 66]. На скипетре, украшенном огромным алмазом «Орлов», вместо двуглавого орла был установлен съемный польский орел. Из польских атрибутов был взят не являвшийся коронной регалией церемониальный меч короля Яна Собеского, присланный ему папой Иннокентием XI после разгрома турок под Веной в 1683 г. В костеле капуцинов на улице Медовой (выстроенном по случаю этой победы) хранилась урна с сердцем Яна Собеского. Николай Павлович по совершении коронации распорядился на собственные средства поставить для нее саркофаг. Малая императорская корона Александры Федоровны, сделанная в московской коронации 1826 г., не была привезена в Варшаву. Польский придворный ювелир П. Сенницкий изготовил для императрицы небольшую бриллиантовую корону. Вероятно, он также сделал золотые, усыпанные бриллиантами, цепи ордена Белого орла – большую для Николая Павловича и меньшую для Александры Федоровны [25. С. 233]. Царские мантии Николая I и императрицы Александры Федоровны были из красного бархата, подбитого горностаем, причем двуглавых орлов заменили польские одноглавые.

Указ Николая I от 5(17) апреля 1829 г. возвестил о намеченной на 12 (24) мая коронации в Варшаве. «Объявление о коронации лишило Варшаву того мрачного вида, какой она сохраняла с момента сеймового суда. Каждый радовался надежде дышать свободным воздухом, все мы приветствовали зарю лучшей доли», – вспоминала жена участника польского восстания генерала Л. Кицкого Н. Кицкая [19. С. 159–160]. Император вместе с членами своей семьи и свитой прибыл в Варшаву 5(17) мая 1829 г. Под звон колоколов и залпы орудий Николай Павлович с наследником великим князем Александром Николаевичем и младшим братом Михаилом Павловичем, одетые в польские генеральские мундиры, въехали в город через Пражские ворота, где их встретил цесаревич Константин Павлович. Императрица Александра Федоровна ехала отдельно в карете. Члены императорской фамилии в сопровождении церемониального кортежа направились по улице Закрочимской к костелу францисканцев. Там их ожидал вместе с представителями высшего духовенства польский примас архиепископ Я. Воронич, который подал императору, его супруге и сыну крест для целования. Затем по улице Медовой процессия двинулась к Королевскому замку, у которого ее приветствовали супруга цесаревича Константина княгиня Лович, вдова покойного наместника Царства Польского княгиня А. Зайончек и графиня З. Замойская, сестра А.Е. Чарторыйского и жена президента Сената ордината С. Замойского. Там же, в Королевском замке, император встретился с польскими сенаторами и министрами [9. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9350. Л. 2–Зоб.; 24. С. 3–5; 26. С. 263].

Дни перед коронацией были заняты приемами и балами. За несколько дней до нее герольды, одетые в стилизованные под средневековые одежды, в сопровождении придворных камергеров и государственных секретарей объезжали на лошадях площади и улицы города и возвещали о предстоящей церемонии. Накануне дня коронации от ворот Королевского замка до дверей собора св. Яна протянули помост, обитый красным сукном, а по обеим сторонам от него установили деревянные галереи, откуда зрители могли наблюдать торжественное шествие к костелу св. Яна. Утром 12(24) мая процессия двинулась к костелу, где примас должен был освятить подготовленные для церемонии царские регалии, печати, мантии, которые несли видные государственные сановники. Печать нес министр-государственный секретарь С. Грабовский, меч – военный министр М. Гауке, скипетр – А.Е. Чарторыйский, корону – президент Сената С. Замойский [27]. Обряд коронации совершился в Сенатском зале Королевского замка, там были поставлены троны для императора и императрицы и устроен алтарь, а освященные царские регалии помещены на особом столе. На церемонии присутствовало польское ду-

ховенство, министры и государственные чиновники, сенаторы, депутаты сейма [24. S. 7–10; 26. S. 263–265].

В соответствии с планом, во время коронации примас лишь подавал Николаю I царские мантию и корону, которые тот собственноручно возложил себе на плечи и голову. Императрица же, согласно церемониалу, облачилась в корону и мантию заблаговременно, еще до начала коронации. Николай Павлович надел цепь ордена Белого орла на шею супруги, после чего взял скипетр и державу. Затем царь преклонил колени и произнес молитву на французском языке, в которую включил слова: «да сподоблюсь царствовать для блага моих народов, [...] по учредительной грамоте, дарованной моим августейшим предшественником, и уже утвержденной мною присягой» [28. С. 428–429]. Примас трижды провозгласил «Да здравствует король!», что сопровождалось орудейными залпами и колокольным звоном. После этого все присутствующие встали на колени и примас произнес молитву в честь нового польского монарха. По совершении обряда коронации Николай I вместе с членами императорской фамилии и свитой направился по протянутому помосту в собор св. Яна, где состоялось католическое богослужение. События этого дня увенчал парадный обед в Королевском замке [9. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9350. Л. 4–10об.; 24. S. 11–14; 26. S. 265–266].

После коронации также следовали балы, приемы, награждения, которые чередовались с иллюминациями и фейерверками. 16(28) мая было устроено пиршество для народа. Перед Уяздовским дворцом установили ряды столов, а из специальных источников лилось пиво. На пиру присутствовало около 80 000 человек. Прибыл и сам государь со своей семьей. Спустя почти месяц, 13(25) июня, успев побывать в гостях у тестя – прусского короля Фридриха-Вильгельма III, Николай I покинул Варшаву [21. С. 224–234; 26. S. 267, 270].

В польском обществе по-разному оценивали факт коронации. Одни видели в ней событие, импонировавшее чувствам национального достоинства. Причем русская императорская корона в их сознании приобрела символ польской регалии. Дочь организатора польских легионов Я.Г. Домбровского Б. Маньковская вспоминала, что «гордый, могущественный царь, властелин половины Европы, склонил голову гордых Романовых, чтобы на нее в Варшаве возложили корону польских королей» [29. S. 31]. Ей вторил участник польского восстания 1830 г. А. Млоцкий, который писал: «Православный царь, самодержец Московии смирился перед примасом Королевства Польского почтенным Вороничем, давал присягу соблюдать конституцию, слушал его проповедь, прежде чем возложил на свою голову польскую корону» [30. S. 251].

Другие современники обращали внимание на искусственность и фальшивость данной церемонии, на то, что Николай Павлович короновался русской императорской короной, забывая при этом, что регалии польских королей были уничтожены. «Сам обряд коронации произвел странное впечатление [...] Казалось, что ее никто не принимает за правду, за святой, почитаемый, национальный обряд, но скорее за пародию коронации. Польский король короновался в Варшаве [...] императорской короной», – писал бывший член польского Патриотического общества генерал И. Прондзиньский [31. S. 181]. Фальшивость обряда мемуарист также усматривал в недостаточном, по его мнению, «украшении» трона и участии в церемонии российских генералов. Сильно испортили впечатление и милости, раздаваемые по случаю коронации, которые пали на лиц, проявлявших излишнюю лояльность – генералов М. Гауке и В. Красиньского [31. S. 181–182].

Друг Прондзиньского и кузен княгини Лович генерал К. Колачковский делился своими впечатлениями о коронации: «Каждый знал наперед, что этот акт, так почитаемый прежде в свободном народе, будет для поработленного только неискренним исполнением притворной комедии». По мнению Колачковского, «публика, ожидавшая увидеть польскую корону на голове российского монарха», узнав о

том, что он будет короноваться российской короной, «начала роптать», и именно этому недовольству мемуарист приписывал возникновение среди польской молодежи замыслов цареубийства [7. S. 120–121].

Действительно накануне коронации в среде польских студентов возник план убийства императора Николая I, которое должно было послужить сигналом к общему восстанию. Этот план не был осуществлен из-за несогласия с ним сеймовых политиков. На следствии участник заговора В. Смагловский оправдывал свое намерение тем, что планируемая коронация не соответствовала польским историческим традициям [32. S. 285; 33. S. 126].

В доказательство непопулярности коронации многие мемуаристы отмечали гробовое молчание, следовавшее после трехкратного возгласа примаса «Да здравствует король!». В действительности молчание присутствовавших объяснялось тем, что церемониал коронации не предусматривал индивидуальных проявлений бурного ликования и не оставлял никаких инструкций на этот счет [19. S. 170; 26. S. 265–266; 34. S. 100].

Находившиеся в Варшаве на коронации в составе императорской свиты представители русского общества также были недовольны некоторыми деталями церемонии, а именно вынужденными «уступками» католическому духовенству. Так, недовольство вызывали благословение царской короны со стороны католического архиепископа и проведение католической службы по случаю коронации в варшавском кафедральном соборе [7. S. 123; 33. С. 121–122].

Несмотря на попытки сближения Николая I с польским обществом – церемонию коронации и созыв после долгого перерыва сейма в июне 1830 г. – в русско-польских отношениях нарастало напряжение. Поляки были недовольны нарушением конституции, к тому же не могли свыкнуться с мыслью, что территория Царства не будет увеличена.

Через полгода, 17(29) ноября 1830 г., под влиянием европейских революций вспыхнуло восстание и в Варшаве. Великий князь Константин был вынужден покинуть город и вместе с русским гвардейским отрядом отступил к границам Царства. 13(25) января 1831 г. польский сейм принял решение о детронизации Николая I и лишении династии Романовых прав на польский престол. Правомерность данного акта, разумеется, не признал сам император. Акт о детронизации послужил непосредственным предлогом к открытию военных действий. Русско-польская война закончилась поражением повстанцев и капитуляцией Варшавы в августе 1831 г. 14(26) февраля 1832 г. императором был принят так называемый Органический статут, который вводился взамен конституции и регулировал новое положение вещей в Царстве Польском [4. Собрание II. Т. VII. № 5165. С. 83–90]. В нем, в частности, говорилось о том, что отныне коронации русских императоров – польских царей будут происходить только в Москве. Статья 3 Общих положений статута гласила: «Коронование императоров всероссийских, царей польских, заключается в одном и том же священном обряде, который будет совершаем в Москве, в присутствии депутатов Царства Польского, призываемых к участию в сем торжестве вместе с депутатами прочих частей империи» [4. Собрание II. Т. VII. № 5165. С. 84].

Органический статут подвел итог конституционного эксперимента. При Николае I и его преемниках происходила последовательная унификация управления Царством Польским, благодаря чему оно лишилось остатков своей автономии. После подавления восстания 1863 г. название «Царство Польское» стало постепенно вытесняться из официальной терминологии. Польские земли все чаще называли «губерниями Царства Польского», а затем «губерниями Привислинского края». Титул «царь польский» оставался в длинном списке императорских титулов вплоть до 1917 г., однако теперь наряду с прочими он означал лишь принадлежность данных территорий Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. III. СПб., 1905. Т. XIV.
2. *Макарова Г. В.* Россия и создание конституционного Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
3. Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне 1822 г., изданные Министерством иностранных дел. СПб., 1823. Ч. 1. Т. 1.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXXIII, XXXVIII; Собрание II. СПб., 1830. Т. I; СПб., 1833. Т. VII.
5. [*Потоцкая А.*] Мемуары графини Потоцкой, 1794–1820 / Пер. с фр. А. Н. Кудрявцевой. М., 2005.
6. Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб., 1907.
7. [*Kołaczkowski K.*] Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Kraków, 1900. Ks. III.
8. *Rożek M.* Polskie koronacje i korony. Kraków, 1987.
9. *Nesselrode Ch. R.* Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Extraits de ses archives. Publiés et annotés avec une introduction... par le comte A. de Nesselrode. Paris, 1904. Т. 4 (1812). P. 313–320; Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1972. Т. 8 (Серия 1). С. 118; *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Т. 1. С. 7–8.
10. Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве. Б. м. и б. г.
11. *Вернадский Г. В.* Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 года: историко-юридический очерк. Прага, 1925; *Парусов А. И.* Государственная уставная грамота 1820 года // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1; *Миرونенко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 147–206; *Чернов К. С.* Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007; *Доннерт Э.* Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // Славянские народы: Общность истории и культуры. М., 2000. С. 186–214; *Le Donne J.* Regionalism and Constitutional Reform, 1819–1826 // *Cahiers du monde russe.* 2003. Vol. 43. No 4. P. 7–14; *Филатова Н. М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. С. 488–490.
12. Архив внешней политики Российской империи.
13. *Писаревский Г. Г.* Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск, 1926.
14. *Thackeray F. W.* Varieties of Diplomacy: Polish Foreign policy during the Congress Kingdom // Imperial power and development: papers on pre-revolutionary Russian history. Selected Papers of Third World Congress for Soviet and East European Studies. Columbus (Ohio), 1990.
15. *Koźmian K.* Pamiętniki. Wrocław, 1972. Т. 3.
16. *Коварская С. Я.* Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX века // Верховная власть, элита и общество России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная конференция 24–26 июня 2009 года. Тезисы докладов. – www.kreml.ru.
17. [*Zamoyski W.*] Generał Zamoyski 1803–1868. Poznań, 1910. Т. 1.
18. *Askenazy Sz.* Bracia // Teki historyczne. Londyn, 1960–1961. Т. XII.
19. *Kicka N.* Pamiętniki. Warszawa, 1972.
20. Переписка императора Николая I с великим князем Константином Павловичем // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 131.
21. *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2.
22. *Кизеветтер А. А.* Николай I как конституционный монарх // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912.
23. *Зимин И. В.* Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь российского императорского двора. М.; СПб., 2011.
24. Obrzęd koronacji Najjaśniejszego Mikołaja I, Cesarza Wszzech Rosji, Króla Polskiego w stolicy Królestwa w Warszawie. Warszawa, 1829.
25. *Lileyko H.* Siennicki Paweł // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 1996. Т. XXXVII/2.
26. *Skarbek F.* Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej // *Skarbek F.* Dzieje Polski. Poznań, 1877. Т. 2.
27. *Zajewski W.* Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim // Przegląd Humanistyczny. 1971. № 5. S. 19–20; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie //

- Kronika zamkowa. 1987. № 6 (14). S. 5; *Getka-Kenig M.* Ostatnia «polska» koronacja // *Mówią wieki.* 2009. № 10. S. 23.
28. О коронации Его Императорского Величества // *Отечественные записки.* 1829. Ч. 38. № 110.
29. [*Mańkowska B.*] Pamiętniki Bogusławy z Dąbrowskich Mańkowskiej. Poznań, 1880. T. 1. Cz. 1.
30. [*Młocki A.*] Pamiętnik Alfreda Młockiego // *Zbiór pamiętników do historii powstania polskiego z roku 1830–1831.* Lwów, 1882.
31. [*Prączyński I.*] Pamiętniki generała Prączyńskiego. Kraków, b. r. (1908). T. 1.
32. *Bizan M., Hertz P.* Głosy do «Kordiana» // *Słowacki J.* *Kordian.* Warszawa, 1972.
33. *Филатова Н.М.* Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел // *Концепт вещи в славянских культурах.* М., 2012.
34. *Sapieha L.* *Wspomnienia (z lat od 1803 do 1863 r.).* Kraków; Warszawa, 1912.

© 2013 г. О. В. СОКОЛОВСКАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Статья посвящена последней встрече греческой королевы Ольги с российским императором Александром III накануне его смерти в Крыму в октябре 1894 г. Прощаясь навсегда с кузеном, Ольга вспоминала различные радостные и грустные моменты в жизни двух царственных домов. Статья основана на неизвестных письмах греческой королевы к отцу, великому князю Константину Николаевичу, и брату, великому князю Константину Константиновичу.

The article deals with the last meeting of Greek Queen Olga with Russian Emperor Alexander III in Crimea, in October 1894, on the eve of his death. The study is based on earlier unknown letters of the Greek queen to her father Grand Duke Konstantin Nikolaevich and brother, Grand Duke Konstantin Konstantinovich.

Ключевые слова: смерть Александра III, дружба греческой королевы с императорской семьей, различные события в жизни царственных родственников.

В 1894 г. греческая королева Ольга¹ как никогда рано начала собираться в Россию. Причин было довольно много: слабое здоровье матери великой княгини Александры Иосифовны², недавно тяжело пережившей смерть любимого мужа, бракосочетание дочери императора России Александра III великой княжны Ксении³ с великим князем Александром Михайловичем (Сандро)⁴, которого Ольга очень любила. Была и практическая причина: необходимость вовремя отправить обратно из Севастополя греческую королевскую яхту «Сфактерия», как просил греческий король Георг I⁵, но было и еще что-то неуловимое. В письме из Греции к брату, великому князю Константину Константиновичу⁶, от 12 (24) июня 1894 г. Ольга сообщала с некоторым недоумением, что «Вили (так звали короля в семье. – О.С.) только что опять говорил мне, что он на моем месте поехал бы, не откладывая». Ольге очень хотелось взять с собой Ники (греческого принца Нико-

Соколовская Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Королева греческая Ольга – урожденная великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), внучка императора Николая I (1796–1855), старшая дочь великого князя Константина Николаевича, (1827–1892), генерал-адмирала русского флота, жена греческого короля Георга I (1845–1913).

² Александра Иосифовна (1830–1911) – великая княжна, супруга великого князя Константина Николаевича.

³ Ксения Александровна (1875–1960) – великая княжна, старшая дочь императора Александра III.

⁴ Александр Михайлович, Сандро (1866–1933) – великий князь, внук Николая I, генерал-адъютант, адмирал.

⁵ Георг I (Вили) (1845–1913) – греческий король (1863–1913), урожденный принц датский Вильгельм, брат императрицы России Марии Федоровны.

⁶ Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, родной брат греческой королевы Ольги. Морской офицер, генерал от инфантерии, президент Академии наук (с 1899 г.), поэт-романтик, писавший под псевдонимом К.Р.

ляя)⁷, чтобы он «в Красном⁸ мог видеть артиллерийские учения, а потом большие маневры под Смоленском», она переживала, что это так трудно сделать в столь короткий срок. Но оказалось, что Вили уже обо всем договорился со своей родной сестрой, российской императрицей Марией Федоровной (Дагмар)⁹. Ольга мечтала послать Ники в Россию в военное училище, но отец-король для его учебы выбрал свою родину – Данию, и с этим Ольге пришлось смириться. «Однако факт, что он (Ники. – *О.С.*) сперва¹⁰ будет в России», как писала Ольга брату, «утешает меня при мысли, что он попадет потом на ненавистный мне Запад» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 33].

Греческий король, по всей видимости, владел гораздо большей информацией о делах в российском императорском доме, чем королева Ольга, русская великая княжна. Знал он и о переживаниях Дагмар по поводу ухудшения здоровья императора Александра III. Конечно, ничего особенно серьезного пока не наблюдалось: лишь очень сильное переутомление, из-за которого часто бывала слабость, шла кровь из носа и т.п. Поездки, доклады министров, военные смотры – это было каждодневной нормой для Александра III, но он изводил себя еще и ночной работой в кабинете. Единственно, что могли сделать его близкие – это быть постоянно рядом с ним. По воспоминаниям хорошо знавшего императора Александра III генерала от инфантерии Николая Алексеевича Епанчина, в последний год жизни характер императора сильно изменился. Как писал Н.А. Епанчин, «осенью государь любил проводить некоторое время в Дании, в кругу семьи императрицы Марии Федоровны. Ему нравилась простая, скромная жизнь, которую вела королевская семья; и его еще более удовлетворяла возможность жить вне стеснения этикета, “по-человечески”, как он говорил» [2. С. 191]. Родные чувствовали эти изменения, но не понимали, в чем причина. Даже лучшие врачи того времени не могли понять, что происходит с царем-богатырем, прозванным медведем за свою невиданную силу.

«И так, радость моя, – писала Ольга брату Константину из летней резиденции греческого королевского семейства в Татое 16 (28) июня 1894 г., – решено, что я отправляюсь на будущей неделе в путь-дороженьку и с Божьей помощью мы скоро увидимся!!» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 34].

Вместе с греческой королевой в Россию отправилось восемь человек и столько же прислуги. Из детей Ольга брала с собой принца Николая, маленького сына принца Христофора¹¹ и принцессу Марию¹². Ольга Константиновна считала, что ей совестно отправляться прямо в Россию, поскольку император-кузен может подумать, что она рассчитывает на царский поезд (что на самом деле и было). «Но, конечно, если царского поезда не будет, – писала она брату 12(24) июня 1894 г., – то всегда можно проехать в вагонах первого класса, которые несравненно удобнее заграничных» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 33].

⁷ Николай, Ники (1872–1938) – принц греческий, сын королевы Ольги и Георга I.

⁸ Красное Село с середины XIX в. превратилось в летнюю воинскую столицу Российской империи. Здесь сформировался военно-учебный комплекс, общей площадью около 210 кв. км. Солдаты жили в палатках, а офицеры – в хороших деревянных благоустроенных домах, выкрашенных в цвет, присвоенный полку. В Красном Селе принимало участие в маневрах практически все высшее военное командование России того времени.

⁹ Мария Федоровна, Минни (1847–1928) – императрица России, жена Александр III, урожденная принцесса датская Дагмар.

¹⁰ В письмах греческой королевы Ольги нередко употребляются простонародные выражения, которые она черпала из частого общения с моряками кораблей российского флота, часто заходивших и подолгу стоявших в греческом порту Пирей.

¹¹ Христофор, Христо, греческий принц (1888–1940) – сын королевы Ольги и Георга I.

¹² Мария Георгиевна, Минулина (1876–1940) – греческая принцесса, младшая дочь королевы Ольги и Георга I.

Ольга мечтала также по дороге в Петербург остановиться на три дня в Москве в семье великого князя Сергея Александровича¹³, московского генерал-губернатора, и его супруги, великой княгини Елизаветы Федоровны¹⁴. В этой семье по указанию царя воспитывались внуки Ольги – великая княжна Мария Павловна¹⁵ и великий князь Дмитрий Павлович¹⁶ – дети ее старшей дочери Александры, умершей в 21 год при родах. Их отец Павел Александрович очень быстро женился и был отстранен от воспитания детей. В конце концов «греческая компания», как их называли при русском дворе, добралась до Стрельны близ Петербурга, где жила великая княгиня Александра Иосифовна, мать Ольги, где и остановилась. Гости из Греции, как вспоминала младшая дочь королевы Ольги Мария, прекрасно проводили время в России, часто выезжали в Петербург в театры и в оперу. Ольга Константиновна любила общение с родными братьями, которых не видела порой годами (особенно с семьей великого князя Константина Константиновича) и которых ей так недоставало в Греции. «Греческие гости вскоре приняли участие в красочной, запоминающейся на всю жизнь, церемонии бракосочетания дочери императора Александра III Ксении и великого князя Александра Михайловича, которая состоялась в Петергофе. Принцесса Мария Греческая позже, живя в Лондоне, вспоминала, что эта церемония «очень напоминала церемонию бракосочетания ее старшей сестры, греческой принцессы Александры с великим князем Павлом Александровичем» [З. С. 65]. Даже праздничное облачение невесты было схожим. За день до свадьбы Ксении и Сандро греческая принцесса с двумя кузинами из Европы Викторией и Мод, находясь в Гатчине, заглянули к императору Александру III «в его замечательный кабинет», чтобы пожелать ему спокойной ночи: Александр III очень любил дочерей кузины Ольги. Как вспоминает Мария, к ее изумлению, император подал ей коробку, в которой лежал орден Святой Екатерины¹⁷, украшенный бриллиантовой звездой, чтобы она надела его на бракосочетании его дочери. Это была ценнейшая вещь времен Петра I, которая предназначалась для торжественных церемоний. Мария долго отказывалась, говоря, что она очень молода и еще ничего не сделала хорошего [З. С. 66].

Мария и другие родственники могли наблюдать, как императору становилось все труднее справляться со своими обязанностями; он похудел и стал жаловаться на усталость: еле выдержал сложную церемонию бракосочетания дочери Ксении. «В августе, вспоминала принцесса Мария, – мы с царями поехали в Красное Село, где проходили военные учения, иногда и сам император принимал участие в гимнастических упражнениях, которые делали офицеры». Здесь уже все заметили разительные изменения в облике царя. Мария пишет: «Бедный Александр чувствовал себя очень утомленным. Это было началом болезни, которая окончилась его смертью в октябре» [З. С. 66]. Но богатырское телосложение императора стало причиной того, что врачи просмотрели тяжелую неизлечимую болезнь почек – нефрит, и вместо соответствующего лечения предписали физические нагрузки, именно то, чем больному категорически нельзя было заниматься.

Лейб-медики связывали его недомогание с переутомлением и предписали отдых и свежий воздух. Врачи советовали ему провести зиму на юге. Так родилась

¹³ Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, пятый сын императора Александра II.

¹⁴ Елизавета Федоровна, Элла (1864–1918) – великая княжна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, супруга великого князя Сергея Александровича. Убита под Алапаевском 18 07 1918 г.

¹⁵ Мария Павловна, младшая (Мари) (1890–1958) – великая княгиня, внучка королевы греческой Ольги.

¹⁶ В день, когда Сергей Александрович погиб от бомбы эсера И. Каляева в феврале 1905 г. Марии было пятнадцать лет, ее брату Дмитрию – четырнадцать. В этот день они вторично осиротели. Их опекунами стали император Николай II и императрица Александра Федоровна. В 1916 г. Дмитрий Павлович участвовал в убийстве Распутина. Впоследствии внуки эмигрировали.

¹⁷ Орден Святой великомученицы Екатерины (или орден Освобождения) – орден Российской империи для награждения великих княгинь и дам высшего света, формально второй по старшинству в иерархии наград с 1714 до 1917 г.

идея отправиться на прекрасный греческий остров в Ионическом море – Корфу (греки чаще называют его Керкира), и, как вспоминает греческая принцесса Мария, императрица попросила отца – греческого короля Георга I (ее родного брата) проследить за приготовлениями двух домов на длительное время. Отец, пишет Мария, «с энтузиазмом принял это предложение и дал указание приготовить дворец в Керкире (столице Корфу) и резиденцию “Мон Репо”, чтобы достойно принять свояка и сестру» [З. Σ. 67].

Вскоре греческая королева получила из Греции телеграмму от мужа, в которой он сообщал, что ему телеграфировала Минни (Дагмар) и просила предоставить в их распоряжение королевские дома на Корфу, чтобы провести там зиму по совету врачей. Греческий король просил супругу ничего не сообщать Александру III, чтобы не встревожить его: так она и сделала. Ольга была очень рада, что они с Вилли могут хоть чем-то помочь кузену и большому другу Александру III. Она немедленно сообщила брату Константину (который на время уехал с женой в Европу навестить ее родителей, тету Тези, королеву ганноверскую и других родственников и отдохнуть) об этой потрясающей новости: «Вилли с восторгом предложил городской и загородный дома – дай только Бог, чтобы пребывание в Корфу принесло желаемую пользу! Мы все крайне удивились и обрадовались, что Саша тотчас же и, по-видимому, с большим удовольствием, принял наше предложение» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 35]. Из Вены на помощь к врачам Вельяминову и Попову был вызван знаменитый терапевт профессор Лейден, который поставил диагноз – нефрит, но методы лечения были неэффективными. 3 октября приехали еще двое – Грубе и Захарьин¹⁸. Из писем Ольги Константиновны к брату становится очевидным, что у пяти врачей, съехавшихся лечить императора, не было единства мнений, а выдающийся русский терапевт и диагност Г.А. Захарьин был не в почете и на вторых ролях. Ольга писала брату: «Пр[офессор] Лейден нашел, что нервы еще более больны, чем почки, и, что, если их укрепить и поправить, то Саша легче будет справиться с местной болезнью. Он приказал ему есть хорошенько и питаться, а Захарьин было посадил его на такую диету, от чего Саша, как пишет мой Ники, все более и более ослабевал» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 35].

Никто в окружении греческой королевы Ольги в Петербурге не знал точно, когда император отправится на Корфу, но ходили слухи, что как будто он собирается отправиться в Грецию на «Орле» из Добровольного флота¹⁹, который также заходил в Пирей. Другие возможные рейсы из Крыма в Грецию были значительно раньше.

Однако император не торопился в Грецию. В начале сентября он с семьей поехал отдохнуть в свой любимый охотничий домик в Спала, взяв с собой в числе прочих греческого принца Николая, чтобы поохотиться в Беловежской пуще. Но вскоре состояние здоровья императора настолько изменилось к худшему, что пришлось отказаться даже от идеи достаточно дальнего, но спасительного, как казалось, путешествия в Грецию.

По настоянию профессора Лейдена поездка в Грецию была отменена, и 21 сентября (3 октября) 1894 г. императорская чета прибыла в Крым. Принц греческий Николай отправился с ними. Погода стояла отличная, но не слишком теплая, как писала Минни королеве Ольге. Греческая королева надеялась, что Вилли разрешит сыну остаться в Крыму с царями до ее приезда, чтобы им вернуться в Грецию всем вместе. Ольга отправила одновременно письма в Ливадию, в которых просила разрешения ее матери великой княгине Александре Иосифовне ехать с

¹⁸ Захарьин Григорий Антонович (1829–1897) – выдающийся русский врач-терапевт, основатель клинической школы.

¹⁹ Добровольный флот, точнее «Общество Добровольного флота» России, созданное после русско-турецкой войны в 1878 г. Устав принят 1 января 1879 г.

ней в Севастополь, чтобы навестить царей в Ливадии, а также предоставить в ее распоряжение пароход «Эриклик»²⁰ для возвращения в Пирей.

3 октября 1894 г. исполнилось три месяца, как «греческая компания» приехала в Стрельну и, как она писала сама, «насладилась пребыванием на родине», пора было уже возвращаться. Наконец все было согласовано, и 4 октября греческая королева Ольга, ее мать, дочь принцесса Мария и их небольшая свита отправились в Крым, чтобы оттуда через некоторое время вернуться в Грецию на предоставленном в распоряжение греческой королеве Александром III пароходе «Эриклик». По слухам, как писала Ольга брату, «цари» уже 7 октября должны отправиться в Грецию на «Орле», т.е. на последнем судне, которому позволяла навигация тех лет. Однако день отъезда все еще не был точно определен, и Ольга ждала ответа от Минни. «С[аша], кажется, все в том же положении; я ему писала на той неделе и описала наш дом; – сообщала она брату Константину, – он мне телеграфировал, “чувствую себя все еще прескверно, слабость большая и сна нет”. Вот первая его телеграмма, кот[орую] ты желал знать: “Не знаем как и благодарить за предложение, действительно проф[ессор] Лейден настаивает, чтоб мы провели зиму в Корфу, радуюсь этому страшно, так как увидимся со всеми вами, буду ждать твоего письма; у Минни люмбаго²¹, пришлось остаться лишний день, поздравляем тебя и мама с Верой²² и от всей души обнимаем. Саша (Спала)”. В Крыму погода стоит великолепная, совсем теплая» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 35].

Однако уже по дороге в Крым, когда они остановились передохнуть в имении брата Ольги великого князя Дмитрия Константиновича²³, где у него был небольшой завод, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны Екатерина Сергеевна Озерова получила телеграмму от княгини Оболенской²⁴: «Не останавливайтесь нигде, приезжайте скорее». «Она решила это сделать накануне, т.е. в среду 5-го вечером, когда дело, по-видимому, шло к концу, – писала Ольга брату, – но депеша была получена за час до нашего отъезда из Дубровки. Сделали, что только было возможно для скорейшего приезда в Севастополь; и мы прибыли туда в 3 часа ночи (на место 10-ти утра) и около 11-ти были уже в Ялте» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 35]. Дорога лежала через Полтаву, Севастополь, а затем по морю – на корабле в Ялту, где их встречали два Николая – греческий принц и российский цесаревич [3. С. 68]. По воспоминаниям принцессы Марии, рано утром все вместе отправились в Ливадию. Там, сначала позавтракав, пошли навестить дядю и тетю. Мария первая вбежала в комнату императора, где он сидел за своим письменным столом, похудевший и с совершенно больным взглядом. «Как только он меня увидел, – пишет Мария, – лицо его расцвело в улыбке, как и всегда раньше при встрече. Я подошла к нему, он обнял меня и нежно поцеловал, сказав: “Minnerly (ласковое имя, которым он обычно меня называл), я очень болен”. Я была страшно изумлена его изменившемуся за один месяц видом». На столе она заметила бумажку, на которой его рукой были написаны имена людей, недавно умерших.

Когда Ольга прибыла в Крым, все разговоры и мечты о поездке на Корфу уже стали несбыточными. «4–5-го октября у императора случился сердечный приступ, – вспоминала Ольга, – и даже профессор Лейден потерял всякую надежду на выздоровление. Очень беспокоили императора ноги, которые страшно распухли выше колен. Врачи с ужасом видели, как он их расчесывает, и, думая, что это рожа, боялись смертельного исхода. Через несколько дней императору стало не-

²⁰ «Эриклик» – пароход, с 1872 г. в составе Черноморского флота России.

²¹ Люмбаго – острая боль в пояснице.

²² Вера Константиновна (1854–1912) – великая княжна, герцогиня Вюртенбергская, родная сестра греческой королевы Ольги.

²³ Дмитрий Константинович (1860–1919) – великий князь, родной брат греческой королевы Ольги.

²⁴ Оболенская Александра Александровна (1851–1943) – княгиня, урожденная Апраксина, жена кн. В.С. Оболенского; фрейлина императрицы Марии Федоровны.

много легче. Помогали массажи ног, которые делали несколько раз в день, после чего опухоль становилась меньше». «В субботу и в воскресенье, да и в понедельник Саше было лучше, – писала Ольга, – но потом в понедельник после полудня надежды на выздоровления уже почти не было; оставалось только молиться Богу и ждать». Вскоре цесаревич Николай послал за невестой и она (принцесса дармштадтская) спешно прибыла в Ливадию [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 38. Л. 232].

По воспоминаниям греческой принцессы Марии, дом, в котором они жили в Ливадии, едва вмещал всю семью. «Мы ели с императрицей, а Александр III был так слаб, что ел отдельно». Большая семья совершала каждодневные прогулки, а Ольга часто оставалась посидеть у моря с императором. Болезнь прогрессировала, все находилось в нервном ожидании, но жизнь шла своим чередом. Ольга так описывала времяпрепровождение их семьи и многочисленных друзей, находившихся в Ливадии. «Вчера мы пешком отправились семейно в Ореандскую церковь, где отец Иоанн (Кронштадтский. – *О.С.*) служил обедню – с нами были и Ники (цесаревич, будущий император Николай II), и его невеста. Представь себе, что мама хотела совершить паломничество и отправилась пешком в Ореанду; пришла раньше Херувимской и вернулась тоже пешком. Мы думали, что она после этого не будет в состоянии пальцем шевельнуть, а между тем она как всегда довольно бодра, не смотря на то, что жалуется на боль в ногах, и опять гуляла сегодня, хотя и не много [...] Мы живем очень уютно и тихо. Внизу, в комнатах покойной императрицы живут Владимир²⁵ и Михен²⁶; в комнатах Мари²⁷ живет мама, в детских (с видом на море) Минни²⁸, я, Христофор и Ники на углу. Алексей²⁹, и гр[афиня] Комаровская³⁰ тоже в этом доме. Мы утром собирались все у Сижи³¹ и пили на балконе чай при райской погоде. Сегодня, однако, я ходила к Минни и поэтому видела Сашу; и завтра я хочу идти туда. Все утро гуляем; сперва завтракали в час, теперь в 12, се qui d'orange³², но нечего делать, здесь так принято. После завтрака кто ходит, кто катается, кто ездит верхом; я хожу к Минни и она около трех выходит гулять, мы идем с ней, а сегодня я ходила с мама, кот. в 4 ½ была приглашена к чаю и видела Сашу. Обедаем мы в 8 все вместе (т.е. семейство) – мои дети с царскими детьми у царицы; вечером мама ложится спать, а мы все отправляемся к Минни, сидим в большой угловой комнате, играем (questions et reponses)³³, пьем чай, а Минни входит и выходит, так что ей это собрание не мешает. Она день и ночь при Саше; я боюсь за ее здоровье, пот[ому что] она ни единой ночи не может спать спокойно; сегодня государь пожелал спать в своей уборной – не знаю, где будет спать Минни» [1. Ф. 660 Оп. 2. Д. 222. № 37]. На следующий день Ольга продолжает: «Спешу кончить послание, надо скоро одеваться к обеду. Ходила к морю в Ореанде с Палиголиком³⁴, беби (Христофором. – *О.С.*) и Гадоном³⁵, кот[орого] там встретили по маленькой хитрости Палиголика. Спал государь лучше и кушал

²⁵ Владимир Александрович (1847–1909) – великий князь, сын Александра II, генерал-адъютант, член Государственного совета.

²⁶ Мария Павловна, Михень (1854–1920) – супруга великого князя Владимира Александровича, урожденная принцесса макленбург-шверинская, президент Академии художеств (1909).

²⁷ Мария Александровна, Мари (1853–1920) – великая княгиня, сестра императора Александра III.

²⁸ Имеется в виду принцесса греческая Мария.

²⁹ Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь, брат Александра III, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства (1880–1905).

³⁰ Комаровская Анна Егоровна (1832–1906) – графиня, гофмейстрина двора великой княгини Александры Иосифовны.

³¹ Видимо, имеется в виду великий князь Сергей Александрович, родной брат Александра III.

³² То, что меня беспокоило (расстраивало) (*фр.*).

³³ Вопросы и ответы (*фр.*).

³⁴ Кеппен Павел Егорович, Палиголик (1846–1911) – генерал от артиллерии, адъютант великого князя Константина Николаевича, затем управляющий его двором.

³⁵ Гадон Владимир Сергеевич (1860–1937) – генерал-майор свиты е. и. в., в 1891–1903 гг. адъютант великого князя Сергея Александровича.

хорошо; у него не было больше этих легких спазмов в руках, кот[орые] были не особенно утешительным явлением; что теперь всего больше пугает докторов, это отек ног, кот[орый] подымается до живота уже; желательно было бы сделать легкие надрезы на ногах, чтоб выпустить жидкость – в госпиталях это делается сплошь да рядом, с лучшими результатами; но что здесь заставляет докторов задуматься, это свойство кожи государя – малейшая царапинка воспаляется у него; из Харькова выписан хирург Груббе, и по его приезду решат что делать» [1. Ф. 660. Оп 2. Д. 222. № 37–38].

Через несколько недель Ольга написала брату Константину письмо, которое она начала 19 (31) октября еще при жизни Александра III, а окончила его 25 октября (1 ноября) 1894 г. уже после трагических событий в Ливадии. В первой части письма она писала: «Да, тяжело, страшно тяжело, и невольно спрашиваешь себя, что будет, неужели все эти молящиеся миллионы не вымолят царя, не испросят ему исцеления!!! Нет, нет, я не могу верить, что он умрет! Воображаю, что вы переносите в дали, как вы жаждете постоянных известий; Мама вам сообщает все подробности, чаще телеграфировать нельзя, пот[ому что] нет таких перемен. Мы, было, вздохнули свободнее, как вдруг состояние государя значительно ухудшилось, и в ночь с 17 на 18 бедная Минни думала, что дело идет к концу; в 4 часа утра она послала за Лейденом, кот[орый] дал какое-то средство, но прошло два часа, пока не улучшилась деятельность сердца, и весь вчерашний день (вторник 18-е) был нехорош; зато ночь была лучше, государь спал спокойно 4 часа целых и чувствовал себя лучше и бодрее. Конечно, он встал, переменял белье, вышел в соседнюю комнату, как он всегда делает, когда чувствует себя чуточку покрепче, и на это израсходует весь тот малый запас» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 38].

Уже зная, что великий князь Константин Константинович с семьей срочно возвращается в Россию, Ольга все-таки писала ему: «Мы скоро увидимся, и тогда я тебе расскажу о страшных минутах, через которые мы прошли – надо только удивляться, что сердце человеческое может выносить подобные волнения! Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается все больше, пуста атмосфера ужаснее; конечно один Господь может утешить, исцелить такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, кот[орая] не ощущала бы глубокой этой скорби, это собственная боль каждого русского человека!

Он умер как он жил, просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ [...] Он был в полной памяти до последней минуты (2 часа 20 мин., кажется). В 10 ч. утра, когда он причащался, он повторял каждое слово молитвы: “Верую Господи и исповедую” и “Вечери Твоей тайны” и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали [...] Никогда я не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение его лица [...] Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо». Ольга говорила Ники, что «на его отце пятнышка не было, после тихой, мирной жизни» и поэтому «Бог послал тихую, мирную, праведную смерть». «После этого, продолжала Ольга, – пошел ряд надрывов, и это будет продолжаться вплоть до похорон – я дошла уже до такого состояния, что я ничего не чувствую, а двигаюсь как заведенная машина. Элла и Минулина чувствуют то же самое!

Мне очень нездоровится сегодня, я теперь лягу, пот[ому что] завтра предстоит тяжелый день; императрица хочет идти пешком из Ливадии до Ялты за гробом, кот[орый] будет нести конвойные, гребцы [его величества] и солдаты, попеременно, как несли вчера из дома в большую ливадскую церковь; вчера это происходило в 7 ч[асов] вечера при освещении факелов – оно было великолепно и ужасно – *lugubre et beau*³⁶.

³⁶ Печален и красив (*фр.*).

Ах Ты, Боже мой, до чего мы дожили – что Он умер, именно Он! Христос с тобой, моя радость +++ до свиданья и до какого свиданья!!!

Твоя Оля» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 38].

Случилось это 20 октября (2 ноября) 1894 г. в день кончины его «благочестивой августейшей бабушки» императрицы Александры Федоровны. «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, горячо любимого папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! – записал в этот день в своем дневнике объятый волнением наследник престола, будущий царь Николай II. – Дыхание было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился Святых Тайн. Вскоре начались легкие судороги [...] и конец быстро настал! О. Иоанн³⁷ больше часу стоял у его изголовья и держал его голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!» [4].

Н.А. Епанчин написал в своей книге «На службе трех императоров»: «Россия была глубоко опечалена кончиной царя Миротворца. За границей эта кончина произвела сильное впечатление: все, кому нужна была Россия сильная, были огорчены и понимали, какую потерю они понесли в лице императора Александра III, а остальные радовались, что исчез царь, давший национальной России такое влияние» [2. С. 196]. Александр III ушел из жизни, оплакиваемый простым народом, который словно чувствовал приближение грядущих потрясений. «Кто мог предвидеть, – восклицал великий князь Александр Михайлович, – что император умрет в возрасте 49 лет от роду, оставив незавершенным монарший труд свой и вручив судьбу шестой части света в дрожащие руки растерявшегося юноши?» [5. С. 112].

«20 октября 1894 г. Ники и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III. – Вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Даже соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции. Кончина Александра III была подобна его жизни. Являясь убежденным врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов, царь при приближении последней минуты лишь пробормотал короткую молитву и простился с императрицей.

Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но, тем не менее, смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники» [5. С. 140].

После очень тяжелых похорон в течение всех последующих месяцев греческая королева Ольга – кузина покойного императора Александра III – много передумала о своих отношениях с ним. Ведь их жизни, несмотря на расстояния, были переплетены самым причудливым образом. Александр III был ее самым любимым кузеном и очень близким по духу человеком. И даже маленькие обиды (несправедливое отношение к ее отцу и ее брату Николаю) не делали боль от его безвременной утраты слабее.

Переписка великой княжны Ольги Константиновны с великим князем, а с 1885 г. цесаревичем Александром, сохранившаяся в ГАРФ, начинается с поздравления кузена с помолвкой с датской принцессой Дагмар. А после того, как брат Дагмар (принявшей православие и ставшей Марией Федоровной), греческий

³⁷Иоанн Кронштадтский (Сергиев) (1829–1908) – протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, проповедник, духовный писатель, канонизирован.

король Георг I женился на Ольге³⁸, их отношения становятся еще ближе. Ольга очень полюбила сестру своего мужа, и дружба эта продолжалась всю жизнь. Они встречались не так часто, но переписывались постоянно. Обе семьи были счастливы, имели много детей, были очень близки по своим вкусам и устремлениям. Мария Федоровна и Ольга Константиновна всю жизнь занимались благотворительностью, были красивы внешне и духовно. Обе пережили крушение династий, гибель родственников и умерли в изгнании. Чаще всего они встречались в России или у родственников в Европе (как правило, осенью, у родственников в Дании – в Беренсдорфе и Гмундене), и по их общему мнению это были самые прекрасные минуты.

Были и темные стороны в отношениях Ольги и императора Александра III. Ольга, живя в далекой Греции, не всегда получала достаточную информацию о делах в России. Она совершенно не могла понять, почему молодой государь, ее кузен, немедленно отставил ото всех государственных дел ее отца великого князя Константина Николаевича, так много сделавшего особенно для возрождения российского флота. Хотя, конечно, Ольга Константиновна и раньше замечала, что Александр не любит ее отца. Великий князь Константин Николаевич, либерал, умница, деловой человек был лишен должности в Государственном совете, в Морском министерстве, которое было главным делом его жизни.

Трудно было Ольге Константиновне простить императору его несправедливое, с ее точки зрения, отношение к ее младшему родному брату Николаю (Николе), который был виновником скандала, связанном с кражей бриллиантов из иконы ее матери ради американской возлюбленной, за что ему грозила пожизненная высылка из Петербурга. Ольга писала другому брату, великому князю Константину Константиновичу из Афин 29 марта (10 апреля) 1881: «Я Сашу очень, очень люблю, но не понимаю его в [...] деле о бедном Николе. Было бы побольше “христианской любви”, то все бы было иначе» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 209. № 13]. Ольга умоляла кузена показать Николу врачам, понимая, что он страдает kleptomaniей (ведь кража бриллиантов не была единственным случаем). Ольга просила императора не держать брата под домашним арестом, а лечить его, но Александр III был неумолим и Никола был сослан в Туркестан, где провел 30 лет, не видя никого из своих родных. Только сестра Ольга однажды встретила с ним и его женой в Балаклаве уже в начале XX в.³⁹

Вспоминала Ольга и о тяжелых переживаниях ее семьи за Александра III и Минни, узнав о событиях в Борках в октябре 1884 г., когда царский поезд сошел с рельсов, а императору пришлось на плечах поддерживать крышу вагона, чтобы дать время семье и другим пострадавшим покинуть вагон. Вся императорская семья чудом осталась жива, хотя погиб 21 человек. После смерти Александра III все понимали, что эта катастрофа подорвала здоровье государя. После этого он все чаще болел, несмотря на богатырское телосложение и силу, часто простужался. Все близкие тяжело переживали каждое его недомогание. И Ольга – также. Она писала: «Мой дорогой, милейший Саша! Надеюсь, что ты теперь совсем поправился и не чувствуешь больше ни малейшей боли в плече; мы были очень-очень огорчены известием о том, что ты ушибся, и я так много думала о вас в это время. Дай Бог тебе всякого счастья, благополучия в новом году и много, много радостей и утешений!» [1. Ф. 677. Оп. 1. Д. 936].

Отношение Ольги Константиновны к императору Александру III с годами все более походило на обожание, которое разделяли многие из ее родных и прибли-

³⁸ Венчание Ольги с Георгом I состоялось в Санкт-Петербурге 27 октября 1867 г., т.е. через семь недель после того, как невеста достигла 16-летнего возраста. Этот брак оказался весьма счастливым и продлился почти столетия (с 1867 по 1913 г.).

³⁹ См. Князь Михаил Греческий. «В семье не без урода». Биография великого князя Николая Константиновича. М., 2002 г. Умер Николай греческий в 1918 г. от пневмонии.

женных. «Сегодня приехал Бюцов⁴⁰ из Крыма и привез массу милых писем; подумай, он привез мне от себя грушу и яблоко от последнего обеда в Ливадии как привет из России; я была страшно этим тронута!!!!!» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 214].

В марте 1887 г. пришло известие о новом покушении на жизнь государя, в этот раз в Гатчине! Ольга писала брату Константину: «Не выразить словами, что чувствуешь, но я верю, что Господь будет хранить нашего царя и что этим злодеям ничего не удастся сделать против него!! А мы думали, что все это прошло и что настали другие времена!

За что, Святая Русь, Господь тебя карает! Да, за что... за что...?? Бывают, в самом деле, такие времена, когда все тяжелое разыгрывается за раз – пришла беда, отворяй ворота!» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 15].

Летом 1887 г. сбылась мечта Ольги: она вместе с детьми – Марией и мальчиками – Тино (кронпринцем Константином. – *О.С.*), Ники и Георгием приехала в Россию навестить брата и императорскую чету. Затем в середине августа с императором Александром III и Марией Федоровной с детьми отправилась в Данию на великолепной императорской яхте «Держава». Ольга вспомнила эпизод, который врезался в память. Она описывала его брату Константину: «Встала рано и единственная из всего общества присутствовала при заре на церемонии; это было замечательно хорошо и торжественно! Погода идеальная, мы идем плавно и быстро, как бы по реке, кругом все лазурь [...] но Русь-магушка все дальше и дальше, и мне больно от этого, солнце греет, но лучи его не проникают в душу [...] Боже мой, тут пришла Минни, сказать мне, что убили один матросик в машине [...] Мы с ней побежали в жилую палубу – он лежал на полу, обнаженный до пояса – матросики обмывали его окровавленную голову – пульса уже не было, и через несколько мгновений сердце перестало биться! Верить не хотелось, что все кончено – и все же счастье, что он сейчас же умер, не мучаясь и не придя в сознание! [...] Мы постояли немножко с Минни, глядя на него сквозь слезы. В час Государь назначил панихиду; после завтрака мы отправились опять туда с Минни, неся все цветы, кот[орые] только могли набрать из груды почти завядших цветов – и мои оба милых павловских букета лежат теперь на нем, новопреставленном рабе Божьим Василии [...] у меня оказались простые крестики, кот[орыми] снабдил меня Палиголик; один из них царица надела на него, а другой я ему сунула в руку в напутствие; его крестик сняли, чтоб отдать его жене или матери [...] Оказывается, что он не женат, но родители, кажется, живы!

Мы ушли опять с Минни и вернулись уже с Государем, кот[орый] был в вицмундире и ленте; отслужили панихиду, во время пения “со святыми упокой” Государь и все стали на колени, то же, когда запели “вечная память”, потом Государь подошел к покойнику, положил земной поклон и приложился ко лбу – за ним сделала то же царица, потом я, Ники, Тино, Georgy и Ксенья. Страшно было грустно все это и, конечно, на всех произвело гнетущее впечатление [...] “одним человеком убавилось”, и о “жизни покончен вопрос”, но слезы, хотя м[ожет] б[ыть] и не нужны, но все-таки их не удержишь [...] Его похоронят в Копенгагене!

Бедная Минни! Этот грустный случай затмил ее радость – а она так блаженствовала, предвкушая счастье возвращения на родину и свидания с родными – ее глаза стали больше влажны и грустны – я думаю, что она пожертвовала бы всякой радостью, чтоб вернуть этого бедного матросика к жизни!» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 28].

Особую радость испытала греческая королева на церемонии коронации в Москве двоюродного брата Александра, на которой она была в числе самых приближенных царственных особ.

⁴⁰ Бюцов Евгений Карлович (1837–1904) – российский дипломат, посланник в Греции с 1884 по 1889 г.

С конца апреля 1883 г., как описывают историки, сотни тысяч россиян съезжались в Москву, чтобы увидеть своего государя. Население Первопрестольной почти удвоилось. Прибыли коронованные особы со всей Европы. 10. 05. 1883 в 8 утра начались торжества. Накрапывал мелкий дождик. Эскадрон кавалергардов освобождал дорогу. Впереди кортежа гарцевал Александр III, за ним двигался длинный поезд золотых карет. В первом экипаже сидели императрица Мария Федоровна с 8-летней княжной Ксенией и королевой греческой Ольгой Константиновной.

Восшествие на престол столь близкого родственника стало знаменательным событием в греческой королевской семье, так как Ольга и Георг I возлагали на него большие надежды. И действительно в период правления Александра III отношения между Грецией и Россией не были ничем омрачены. Более того, военные корабли Черноморского флота, часто посещавшие греческий порт Пирей, а нередко и зимовавшие там, были гарантией безопасности греческой королевской семьи. Русско-греческие торговые отношения также были весьма развитыми в этот период: объем торговых операций увеличился в десять раз. Начались переговоры о пересмотре Торгового трактата 1850 г., на основании которого строились все торговые отношения между Россией и Грецией. Грекам хотелось, пользуясь крепкими династическими связями, увеличить и так значительные преимущества в торговле. Но Александр III, предпочитая поддерживать русских купцов, шел лишь на мелкие уступки. И только после похорон, на которые приехал и греческий король Георг I, переговоры греческой торговой делегации с министром финансов С.Ю. Витте были немедленно возобновлены, тем более, что их возглавил сам король. Новый российский император Николай II, который приходился племянником королеве Ольге и Георгу I, был более покладист. Греков простили и за их двукратное повышение пошлин на ввоз российского зерна в Грецию (главного экспортного товара), и дали им новые таможенные льготы.

Греческая королева упорно стремилась сориентировать своих повзрослевших детей на Россию, что не всегда одобрял греческий король Георг I, придерживавшийся прозападной ориентации, ставленник Великобритании. Летом 1890 г. Ольге Константиновне посчастливилось уговорить Александра III позволить второму сыну, 21-летнему принцу Георгу (Джорджи⁴¹), составить компанию 22-летнему цесаревичу Николаю в плавании на фрегате «Память Азова» на Восток. История их плавания достаточно хорошо известна историкам, но письма греческой королевы дают о нем некоторое новое представление.

После отплытия «Памяти Азова» и первых сообщений об удачном плавании Джорджи с Ники Ольга, в отличие от греческого короля Георга I, начала вынашивать еще более амбициозные планы в отношении своей второй дочери Марии (Минулины), которой шел 15-й год. Она размечталась выдать ее за наследника российского престола, несмотря на существующий запрет на браки с близкими родственниками. В конце 1890 г. она спрашивала брата, великого князя Константина Константиновича, которому поверяла все свои душевные секреты: «А как Ты думаешь, грешно с моей стороны тайно желать, чтоб М[инулина] вышла за Ники, чтоб для них сделать исключение? Так как я знаю Сашу, то он побоится этим возбудить раскол – то в народе могут соблазниться таким исключением – что от этого здесь ни раскола, ни соблазна не произойдет, то это **факт**, пот[ому что] здесь этого **ожидают** и **желают**, и многие убеждены, что это будет грешно мне этого не желать, или нет?» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. № 31].

Планам любящей матери не только не суждено было сбыться. Вскоре она пережила тяжелейшее горе, а затем разочарование и даже стыд. Несчастливая дочь,

⁴¹ Георг, Джорджи (1869–1957) – греческий принц, сын греческой королевы Ольги и короля Георга I.

красавица и всеобщая любимица Александра Георгиевна, которая блистала при царском дворе, неожиданно скончалась после вторых родов в 1891 г. Ольга едва успела приехать, чтобы закрыть ей глаза.

Плавание Джорджи с наследником российского престола завершилось раньше времени. Поведение греческого принца вызвало недовольство воспитателей (в том числе посланника в Греции М.К. Ону, которого по наущению молодого греческого принца молодежь всячески унижала) и свиты Ники, и он участвовал только в морской части путешествия, даже несмотря на то, что спас наследника российского престола от смерти в Японии. Понимая оскорбленные материнские чувства Ольги, Александр III вручил Джорджи золотую медаль на память о том, что он – спаситель цесаревича. Но это был полный крах надежд Ольги Константиновны на его будущее в России.

В январе 1892 г. после долгой болезни скончался отец Ольги Константиновны, великий князь Константин Николаевич. Она писала брату Константину: «Господи, как тяжело быть так далеко в подобные минуты!!! [...] Милый, милый, дорогой Папа! Я его так нежно любила и он всегда был так идеально добр ко мне – так нестерпимо больно сжимается сердце при мысли, что все кончено; с Папа для меня кончается как бы лучшая часть моей жизни – сперва Аликс, теперь Папа» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 220. № 2].

Горьким разочарованием для греческой королевы стала помолвка цесаревича Николая и принцессы Алисы Гессенской, которая вскоре стала российской императрицей Александрой Федоровной. Ольга писала брату из Афин 11 (23) апреля 1894 г.: «Итак, наш дорогой Ники помолвлен! Ах, дай ему Господь полное земное счастье, и да будет выбор его на благо нашей матушки России! Как это все устроилось – страшно хотелось бы знать [...] Ты знаешь надежды, которые питала Греция [...] В день помолвки Ники мы перепуганы были небывало сильным землетрясением – Греция задрожала, разочаровалась от несбывшихся ее надежд!» [1. Ф. 660. Оп. 2. Д. 220. № 2].

Однако Ольга Константиновна не сдавалась: в июле 1894 г. она прибыла в Россию с тремя детьми: принцессой Марией, маленьким Христо и принцем Николаем, которому разрешено было присутствовать на военных учениях в Красном Селе вместе с императором Александром III. Хотя греческий принц был скоро послан по настоянию Георга I на учебу в Данию, через восемь лет, женившись на великой княжне Елене Владимировне (дочери великого князя Владимира Александровича и великой княжной Марии Павловны), он, к радости греческой королевы, большую часть времени проводил в полюбившейся ему России. Принцесса Мария стала великой княгиней Марией Георгиевной, выйдя замуж за великого князя Георгия Михайловича, внука Николая I, двоюродного брата Ольги, в 1900 г. (венчание происходило на Корфу); материнской любви к России Мария не унаследовала.

Но это произошло уже после неожиданной смерти Александра III, самого близкого для греческой королевы Ольги родственника и императора, с которым она всегда душой была рядом несмотря на разделявшее их расстояние. Ольга Константиновна была в числе самых близких людей, кто присутствовал при последнем вздохе императора и кому он подал руку со словами «Прощайте, Ольга Константиновна!».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996.
3. *Αναμνησις της Βασίλοπαίδος Μαρίας.* Αθηναι. 1953.
4. Дневник императора Николая II. 1890–1906. М., 1991.
5. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.

© 2013 г. А.-Б. ЧЕОБАНУ

РУМЫНСКИЕ ДЕЛЕГАЦИИ НА КОРОНАЦИЯХ АЛЕКСАНДРА III И НИКОЛАЯ II

В центре внимания статьи – участие представителей королевского дома Румынии и румынских дипломатов и военнослужащих в церемониях коронации Александра III и Николая II в 1883 и 1896 гг. Вводятся в научный оборот источники, отражающие отклик на эти события в Румынии.

The article depicts the participation of the representatives of the royal house of Romania and Romanian diplomats and militaries in the ceremonies of coronations of Alexander III and Nicolas II in 1883 and 1896 respectively. There are sources used, which reflect the repercussions of these events in Romania.

Ключевые слова: династия Романовых, коронация, румыно-российские отношения, восточный кризис конца 1870-х годов.

Коронация представляет собой символический акт преемственности государственной традиции, подчеркивавший также политическое единство государства. Новый правитель в момент коронации принимал присягу на верность от представителей как гражданской власти, так и вооруженных сил империи. В Российской империи начиная с последних лет царствования Петра Великого празднование коронации стало необыкновенно масштабным и пышным торжеством, оно продолжалось в течение нескольких дней до и после самого момента коронования. Торжественный въезд царя в Москву, парады, аудиенции, балы и народные гуляния – все это придавало коронации светский характер, отличавший ее от религиозных церемоний в Средневековой Европе и на Руси. Можно согласиться и с мнением, что момент коронации представлял собой для России конца XIX в. символический ритуал соединения разных начал, системообразующих для империи: Петербурга и Москвы как двух столиц, европеизированного запада империи и старой Москвы, элиты и народа [1. Р. 29–32]. В церемониях коронации неизменно принимали участие иностранные гости. В статье речь пойдет о посещении румынскими делегациями коронационных торжеств и соответствующей деятельности румынской дипломатии. Следует иметь в виду, что румынские делегации присутствовали на коронациях только двух последних российских царей. Статус Румынских княжеств в предшествующие эпохи не позволял им быть самостоятельными игроками на международной арене, а потому не могло быть и речи о приглашении представителей румынских господарей на официальные торжества¹.

Чеобану Адриан-Богдан – научный сотрудник Института истории Румынской академии (г. Яссы).

¹ При возведении на престол Николая I (но не на коронацию) валашские бояре, бежавшие в Трансильванию, в Брашов, послали свои поздравления новому царю [2. Р. 324–325].

После убийства царя Александра II 1/13 марта 1881 г. на престол Российской империи вступил его сын, Александр III, царствование которого, по оценке работавшей в Санкт-Петербурге румынской дипломатии, характеризовалось «реакционными тенденциями, как последствие страшного покушения, жертвой которого стал его отец» [3. Д. 825. Л. 44]. Они и раньше сообщали в донесениях в Бухарест о напряженной обстановке в Петербурге. Так, комментируя взрыв, устроенный народовольцами в Зимнем дворце в 1880 г., характеризовали эти события, как по сути войну между правительством и оппозиционерами, вынудившую нового царя и его семью редко покидать дворец и почти не посещать общество [3. Д. 825. Л. 44]. В корреспонденции Румынской дипломатической миссии в Петербурге содержится информация об объявлении национального траура и плохом состоянии здоровья императрицы весной 1882 г. [3. Д. 15. Л. 1].

Наконец, поступило сообщение, что «акт помазания на царство – национальный, политический и религиозный обряд, без которого в глазах русского народа царь не является настоящим царем» [3. Д. 825. Л. 50], должен состояться в мае 1883 г. О таком решении было объявлено Высочайшим манифестом Александра III от 24 января 1883 г. [3. Д. 966. С. 69], но к подготовке торжеств приступили еще в начале января, когда был составлен список членов иностранных делегаций, приглашаемых на грандиозное празднование.

В начале февраля 1883 г. русский посланник в Бухаресте Лев Павлович Урусов получил от румынских властей список представителей короля Кароля I для участия в церемониях в связи с предстоящей коронацией русского царя. Он доложил об этом в Петербург, высказав при этом свои сомнения по поводу состава румынской делегации. Урусов сдержанно отнесся к приглашению генерала Э. Ариона², так как ему было известно, что тот представлял в 1878 г. румынское правительство при штабе русской армии и отстаивал право Румынии на присутствие ее представителей при подписании русско-турецкого перемирия. У Урусова была информация о том, что генерал вел тогда себя некорректно, и он попросил в этой связи разъяснений у А.И. Нелидова, русского посла в Стамбуле. Ответ русского дипломата из Турции поступил скоро. Нелидов написал, что румынский представитель, напротив, действовал «с тактом», учитывая тогдашнюю напряженность в румыно-русских отношениях. Урусов постарался узнать и мнение некоторых представителей бухарестской элиты о генерале Арионе. Все мнения были положительными: его считали «одним из самых образованных офицеров румынской армии» [5. С. 78–79]. В состав румынской делегации вошел и майор Э. Казимир, о котором русский посланник в Бухаресте писал в Петербург, что тот происходит из очень хорошей молдавской семьи, а в данный момент находится на службе в личной королевской военной гвардии³. Урусов сообщил и о том, что этот офицер занимался военной наукой и, в частности, был специалистом по военной истории. Среди предполагаемых членов румынской делегации находился и полковник Мэлдэреску, по оценке русского дипломата, «отличный офицер», проявивший себя при штурме Рахова [5. Л. 78–79]. Правда, в конце концов этот полковник не был включен в состав делегации.

Перед отъездом Ариона и Казимира в Россию король Кароль принял их 3/15 мая и дал им наставления [6. Р. 223]. К делегации в Москву должны были присоединиться румынский посол в Петербурге Николае Кретзулеску, секретарь

² Бригадный генерал артиллерист Эракл Арион (1838–1903), получивший образование не только в Бухаресте, но также в Париже и Меце, был с 1883 г. генеральным инспектором артиллерии, а с 1895 г. – военным губернатором Бухареста [4. Р. 127].

³ Эмиль Т. Казимир (1841–1918), получивший военное образование в берлинской офицерской школе, был в 1860-е годы ординарцем при господаре Молдавии и Валахии А.И. Кузе. В 1882 г. стал адъютантом короля Кароля I, а через десять лет, после выхода в отставку, посвятил себя политической карьере [6. Р. 586].

первого класса дипломатической миссии А. Лаховари с супругой и секретарь второго класса Д. Пертикари [3. Д. 140. Л. 44]. Румынское правительство выделило для участия делегации, состоящей из «шести функционеров и тринадцати человек слуг», в коронационных торжествах большую сумму в 35 000 франков⁴ и заранее арендовало для нее «просторный дворец в одном из самых элегантных московских кварталов, неподалеку от Кремля» [3. Д. 825. Л. 54]. В самом же Бухаресте факт коронации был отмечен приемами, которые Русская дипломатическая миссия давала в течение всего мая. В них принимали участие видные румынские политики и военачальники, представители знатных родов, в том числе из рода Бибеску, поддерживавшие близкие отношения с семьей Урусова (см. [7. Р. 450–470]).

Согласно донесению румынской миссии, в Москве на коронации присутствовали как дипломаты из многих государств, так и представители других царских и королевских фамилий, высшие сановники и священнослужители как из России, так и из-за рубежа. Но было также отмечено присутствие делегатов из «самых отдаленных сибирских краев», которые «были приглашены еще два года назад, чтобы могли вовремя приехать на торжества, имея в виду тогдашние рудиментарные средства транспорта» [3. Д. 825. Л. 51]. Если внимательно изучить состав каждой иностранной делегации, можно заметить несколько интересных деталей: самой многочисленной, приблизительно 19 человек, была французская делегация, что наводило наблюдателей из всех стран (в том числе из Румынии) на мысль о близящейся перспективе франко-российского сближения. За ней следовала австро-венгерская делегация, состоявшая из 12 человек. Что касается Румынии, то ее малочисленная делегация была сопоставима с числом представителей от таких стран, как Греция и Сербия [3. Д. 140. Л. 41–45]. В Москве торжества по случаю коронации продолжались почти три недели и, по донесению румынского посольства, прошли «в помпезной азиатской роскоши и оказали на участвующих в них молодых людей ошеломляющее впечатление» [3. Д. 825. Л. 50–51]. Надо сказать, что они прошли без каких-либо инцидентов.

После окончания торжеств король Кароль I получил несколько телеграмм от императора Александра III с благодарностью за направленные через румынскую делегацию поздравления по случаю коронации [8; 9. № 54. 1883. Р. 1075]. Между тем определенные моменты, связанные с церемонией, вызвали неудовольствие некоторых членов румынской делегации. Так, 18 июня 1883 г. российский посланник в Бухаресте доложил в Министерство иностранных дел своей империи о том, что генерал Арион был весьма доволен тем, что его наградили орденом Святой Анны⁵, в то время как майор Казимир, напротив, не скрывал своей досады в связи с получением ордена Святого Станислава, видимо, рассчитывая на более высокую награду⁶. Румынский министр иностранных дел Димитрие Стурдза в беседе с русским посланником попросил его ходатайствовать о замене для майора Казимира ордена Святого Станислава на орден Святой Анны второго класса. Урусов был неприятно удивлен поведением майора, да и румынского министра иностранных дел, о котором, кстати, был не слишком высокого мнения. Посланник передал министру, что замена ордена невозможна и что награждение майора Казимира было произведено в соответствии с его чином [5. Л. 136–137]; тот же орден по-

⁴ Не вся сумма была потрачена, Н. Кретзулеску просил разрешения у финансовых властей потратить ее остатки на частичное обновление мебели и интерьера в здании миссии [3. Д. 134/1881–1885. Л. 8].

⁵ Среди румын, награжденных орденом Святой Анны, были великий логофет Александру Филипеску (1812), ага Скарлат Росетти, полковник Александру Будиштяну (1878), генерал-майор Йон Адам (см. [10. Р. 154–155]).

⁶ Среди румын, получивших этот орден, были подполковник Димитрие Саламен (1874), Димитрие Гика (1898), но также и генерал, будущий маршал, видный полководец Первой мировой войны Александру Авереску (см. [10. Р. 56]).

лучили офицеры такого же ранга из состава других делегаций. Этот небольшой инцидент не был, однако, отмечен королем Каролом I ни в дневнике⁷, ни в личной переписке, не нашел он отражения и в корреспонденции других политических лидеров того времени. Румынская пресса тоже ничего не писала об этом, что вполне объяснимо: румынские власти и дипломатия поняли свою ошибку и проявленную невежливость и предпочли закрыть тему, не выносить ее на суд общественного мнения. Во время пребывания в Москве дипломат А. Лаховари, в семье которого увлекались коллекционированием юбилейных медалей, купил памятные монеты – особые рубли, которые получили русские солдаты на память о присутствии на коронации. За один такой рубль он заплатил 3–4 обыкновенных рубля [3. Д. 825. Л. 54–55].

Через 11 лет, 20 октября/1 ноября 1894 г. скончался царь Александр III; его наследником стал сын Николай II. Как и в предыдущих случаях, коронация отложили; торжества состоялись только в мае 1896 г. Все мероприятия и сама атмосфера коронации весьма отличались от аналогичных событий 1883 г. Румынская пресса, сравнивая две коронации, обращала внимание и на различия в темпераменте двух русских монархов – отца и сына: Александр III отличался сдержанностью и умением владеть собой, тогда как у его сына была более жизнелюбивая натура [11. № 5766. Р. 1]. Король Кароль I сообщил брату еще в конце 1895 г., что на коронации Николая II будут присутствовать принц-наследник Фердинанд с супругой Марией [12. Р. 356]. Конечно, решение короля имело определенное политическое значение. Во-первых, направление Фердинанда в Москву было знаком того, что именно он станет будущим королем Румынии. Во-вторых, принцесса Мария была внучкой императора Александра II и двоюродной сестрой Николая II; она питала большую симпатию к России и не скрывала этого. Само решение короля о направлении княжеской четы в Москву показывает, какое внимание Кароль I уделял проблемам отношений Румынии с Россией. Это был своего рода сигнал России, проявление готовности к улучшению румыно-российских отношений, ставших довольно напряженными в конце 1880-х годов. Кроме того, присутствие Фердинанда и Марии на коронации в Москве могло быть хорошей преамбулой к визиту Кароля I в Россию, запланированному на август 1898 г. – подготовка к нему началась еще весной 1897 г. В то же время восстановление российско-болгарских отношений в феврале 1896 г. (см. [13. Р. 341–351]) открыло новый этап в российской политике на Балканах, на что обратил внимание в своем дневнике и Кароль I: «Русские одержали блестящую дипломатическую победу» [12. Р. 358], – записал он. Таким образом, полученное приглашение на коронацию напомнило ведущим политическим силам в Бухаресте о важности румыно-российских отношений.

Об особом внимании, которое Кароль уделил коронации в Москве, писала и будущая королева Мария в своих мемуарах. Она отметила, что король «выбирал очень тщательно тех, кто должен был нас сопровождать [...] это были в основном военные, но дядя включил в нашу свиту и старого полковника Джордже Розновану, симпатии которого к России были хорошо известны. Он построил в своем имении в Молдавии русскую церковь, любил царя и все то, что касалось России, поэтому дядя в порыве добрых чувств предоставил старому энтузиасту удовольствие присутствовать на коронации» [14. Р. 77–78]. Действительно, симпатии Дж. Русета-Розновану к России были хорошо известны в высшем обществе Румынии. Он родился в 1832 г., окончил Петербургскую кавалерийскую школу и начал военную карьеру в Гвардейском кавалерийском полку императорской гвардии. По возвращении в Молдавское княжество поступил в армию младшим

⁷ В дневнике король Кароль I записал только сведения о приеме Ариона и Казимира перед их отъездом в Россию, а также после их возвращения из России (см. [6. Р. 223, 230]).

лейтенантом, продолжил службу и после объединения Молдовы и Валахии. После 1877 г. подал в отставку ради политической карьеры, был префектом уезда Нямц и депутатом от этого же уезда [15. Р. 16]. В своем имении Рознове Дж. Русет-Розновану построил в 1890–1892 гг. церковь св. Николая по плану русского архитектора Н.В. Султанова⁸.

Принца Фердинанда и принцессу Марию сопровождал и ряд действующих военных: генералы Влэдулеску⁹ и Робеску, подполковник Константин Презан (в будущем один из ведущих румынских военачальников эпохи балканских войн и Первой мировой войны, удостоенный в 1930 г. звания маршала), полковник Со-мэнеску и капитан Басарабеску, который в будущем также сделал успешную военную карьеру, отличился во время Первой мировой войны [16. Р. 87], а с русской стороны – адъютант Николая II полковник Непокойчицкий и лейтенант конной гвардии князь В. Орлов [11. № 5760. Р. 3]. Заметим, что король Кароль I включил в число лиц, сопровождавших принца Фердинанда и принцессу Марию, как опытных военных в летах, так и молодых военнослужащих, для которых присутствие на коронации Николая II стало важным эпизодом в их карьере.

К составу делегации, направленной на коронационные торжества, проявили интерес аккредитованные в Бухаресте дипломаты (чего не было в 1883 г.). Так, итальянский посланник Эмануэле Беккария считал, что, направляя именно такую делегацию, румынское государство исходило из перспективы дальнейшего развития отношений с Россией, в последнее время улучшавшихся. Его внимание привлекло включение в состав делегации отставного полковника Русет-Розновану, о котором было известно, что он «проявлял настоящий культ России», где у него с давних пор сохранилось много связей [17. Р. 369].

До отъезда румынской делегации на коронацию Николая II король Кароль I несколько раз дал аудиенцию полковнику Дж. Розновану [11. № 5760. Р. 1], а в начале мая в королевском дворце состоялся ужин, на котором присутствовали кроме членов делегации и российский посланник в Бухаресте Николай Фонтон, премьер-министр Димитрие Стурдза с супругой Зое, фрейлины королевского двора Ольга Маврогени и Зое Бенджеску [11. № 5768. Р. 1]. В Москву на коронационные торжества отправились не только делегация из Бухареста, но и сотрудники Румынской дипломатической миссии из Петербурга: полномочный министр Г. Росетти-Солеску¹⁰ и недавно назначенный секретарь миссии второго класса М. Пыкляну. Росетти-Солеску также служил чрезвычайным посланником всего несколько месяцев, он был назначен на этот пост 1 декабря 1895 г., тем не менее он имел большие связи в русском обществе благодаря браку с Ольгой Гирс, дочерью министра иностранных дел России Н. Гирса.

Король Кароль уделил большое внимание этой коронации в переписке. Так, сразу после отъезда делегации в Москву он писал сестре о том, что слышал о «чрезмерной роскоши русской коронации» [12. Р. 359], а матери в Германию писал, что «на коронации будет обилие эlegantных туалетов» [19. Р. 347]. И будущая королева Мария писала в мемуарах, что «великолепие коронации трудно описать» [14. Р. 75]. Для нее коронация в Москве была своего рода глотком свободы по сравнению с жизнью в Бухаресте: «при дворе дяди запрещалось все, что счи-

⁸ Благодаря симпатии Русета-Розновану к России церковь получила много предметов культа от русских дарителей. Так, великий князь Павел Александрович подарил икону Благовещения Пресвятой Богородицы, а Урусов между 1881–1886 гг. подарил икону Христа Спасителя в серебряной оправе. На правом клиросе церкви находится икона, подаренная царем Николаем II [15. Р. 29–31].

⁹ Дивизионный генерал Матей Влэдеску был военным министром Румынии с ноября 1889 до февраля 1891 г. В 1892 г. был назначен начальником Генштаба и шефом личной Военной гвардии короля Кароля I [16. Р. 904].

¹⁰ По его просьбе в Москву были присланы из Румынии два флага – флаг войск страны и румынский триколорный, которые были размещены на резиденциях принца и принцессы, а также румынской дипломатической миссии [18].

талось фривольным; любое сказанное слово казалось необдуманном, жизнь не была твоей, ни дом не был твоим, ни даже твои дети [...], и потом, сразу, совсем другая жизнь во время коронации в Москве. Я чувствовала себя как птица, которая раскрыла свои крылья и полетела в весеннее небо после долгой и тяжелой зимы» [14. Р. 77]. Такое ощущение не покидало принцессу Марию все три недели, проведенные ею на коронационных празднествах в мае 1896 г., во время которых имели место разные мероприятия: процессии, парады, балы и дипломатические ужины¹¹. Единственным, правда весьма серьезным происшествием, настоящей трагедией, омрачившей коронационные торжества, был народный праздник на Ходынском поле, на окраине города, где из-за давки погибли тысячи детей, мужчин и женщин. Принцесса Мария, плохо зная подробности, тем не менее упоминает об этом в мемуарах [14. Р. 75]. Параллельно с коронационными торжествами в Москве, 15/27 мая в Бухаресте в церкви Крецулеску был отслужен благодарственный молебен по случаю коронации царя Николая II. На этой службе присутствовал весь дипломатический корпус, министры, а короля представляли его адъютанты, офицеры Прибояну и Коандэ [21].

В Москве полковнику Розновану и генералу Влэдулеску были вручены ордена Святой Анны, а генералу Робеску – орден Святого Станислава [11. № 5793. Р. 1]. Принцесса Мария получила орден Святой Екатерины, которым награждались особы женского пола [9. № 59. Р. 2107].

На принца Фердинанда и принцессу Марию участие в коронационных торжествах произвело глубокое впечатление и не в последнюю очередь (как узнаем из переписки) потому, что «императорская чета и вся императорская семья относились к ним как к настоящим родственникам» [19. Р. 350].

Ниже публикуется отчет о поездке на коронацию принца Фердинанда и принцессы Марии, опубликованный в правительственной газете «Monitorul Oficial».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бухарест, 14 июня

Его королевское высочество принц-наследник Румынии, которому его величество король поручил представлять его на прошедших в Москве в месяце мае торжествах коронации его величества Николая II, императора всея Руси и императрицы Александры Федоровны, вернулся в страну 11 числа этого месяца вместе с ее королевским высочеством принцессой Марией, которая сопровождала его и принимала участие в этих торжествах. В России их королевские высочества были приняты с большими почестями.

В Варшаве, на вокзале они были встречены прикомандированными к их королевским высочествам на все время пребывания в России полковником Непокойчицким, конной гвардии лейтенантом В. Орловым и императорским шамбеляном бароном Вольфом, варшавскими высокопоставленными лицами, почетным караулом под знаменем и с оркестром, который сыграл румынский гимн и отдал им воинские почести.

Из Варшавы императорским поездом они отправились в Москву, где их встречали их императорские величества, великие князья и княгини, генералы, командующие войска, многочисленные представители Генштаба, высшие сановники императорского двора, почетный караул под знаменем с оркестром, многочисленные высокие лица, приветствующие с большой симпатией их королевских высочеств.

¹¹ По возвращении из России принцесса Мария написала матери, что вспоминает с любовью проведенное в Москве время и надеется на скорое возвращение [20. Р. 259].

Во время великолепных празднеств коронации их королевские высочества были окружены особым повышенным вниманием со стороны их величеств императора и императрицы России. Его величество император вручил принцессе Марии орден Святой Екатерины и соблаготволил награждать лиц свиты высокими орденами. По окончании празднеств их императорские величества отправились в Ильинск, недалеко от Москвы, а их королевские высочества поехали в Архангельский дворец вблизи Ильинска и еще несколько дней провели вместе с императорской семьей, которая окружала их исключительно тепло и дружелюбно. Любовь к нашему наследнику и наследнице, которую показали их императорские величества, и теплый прием, оказанный им, были лестными для нашей страны, способствуя развитию родственных, дружественных и добрососедских отношений между Российской империей и Румынией. В день отъезда их королевские высочества сердечно прощались с их императорскими величествами и искренно поблагодарили их за оказанный теплый прием. Из Москвы гости отправились императорским поездом в Одессу, где встречали их с таким же почетом, как и в день прибытия в Россию. На перроне, у вагона их королевских высочеств встречали их превосходительства военный и гражданский губернаторы Одессы, градоначальник, который, по народному обычаю, встречал их с хлебом и солью. Почетный караул под знаменем и оркестр, сыгравший румынский гимн, отдали им воинские почести.

Их королевские высочества провели день 10 июня в Одессе, обедали у его превосходительства генерал-губернатора Одессы, на обеде присутствовали и его императорское высочество великий князь Николай Николаевич и другие одесские высшие функционеры; потом они совершили морскую прогулку в сопровождении адмирала Селенского. В 6 часов вечера был дан ужин в их честь в городском парке, где находилась выставка роз. Встречающие высоких гостей цветоводы подарили розы ее королевскому высочеству принцессе Марии. После обеда гости в сопровождении тех же лиц были в театре, а в 11 часов вечера отправились в порт.

Их королевские высочества поблагодарили всех лиц, сопровождавших их с почестями, а также местные власти, которые провожали их до места посадки. Гости поднялись на крейсер «Елисабета», на котором через Сулинский канал вернулись на родину и высадились с крейсера в Галаце. Оттуда специальным поездом отправились в Бухарест. Их королевских высочеств горячо встречали по всей дороге в Бухарест, особенно в Сулине, Тулче, Галаце и Браиле. Местные власти, представители общества и многочисленная публика спешили выйти им навстречу и поздравить их с возвращением из путешествия.

Их королевские высочества остановились в столице на 24 часа и потом отправились в Синаю, в свою летнюю резиденцию – дворец Пелишор.

«*Monitorul Oficial*» («Правительственный вестник»). 1896. № 59. Суббота. 15/27 июня. P. 2107.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 2000. Vol. II.*
2. *Documente privatoare la istoria Românilor. Colecția Eudoxiu Hurmuzaki, suplimentul I. București, 1891. Vol. IV (1802–1849).*
3. *Arhivele Naționale Istorice Centrale (București). F. Crețulescu.*
4. *Familiiile boierești din Moldova și Țara Românească. Enciclopedie istorică, genealogică și biografică. București, 2004. Vol. I.*
5. *Архив внешней политики Российской империи. Фонд Полит. архив. Оп. 482. Д. 607.*
6. *Jurnal. Carol I al Românie. Iași, 2007. Vol. I. 1881–1887.*
7. *Claymoor. La vie en Bucarest 1882–1883. Bucarest, s/a.*
8. *Românul. 1883. An XXVII. 12 iunie.*
9. *Monitorul Oficial. 1896.*
10. *Pârvan K., Opanschi C., Martin T. Onoarea națiunilor. Ordine și decorații din patrimoniul Muzeului Național de Istorie a României // Catalog. Târgoviște. 2011. Vol. I.*

11. L'Indépendance Roumaine.
12. *Cristescu S.* Carol I. Corespondență personală (1878–1912). București, 2005.
13. *Yelavich C.* Russo-Bulgarian relations, 1892–1896: with particular reference to the problem of the Bulgarian succession // *The Journal of Modern History*. 1952. Vol. 24. № 4.
14. *Regina M.* Povestea vieții mele. București, 1991. Vol. II.
15. *Vasile I.-M.* Ctitoriile familiei Rosseti la Roznov. Piatra Neamț, 2011.
16. *Predescu L.* Enciclopedia Cugetarea. Material Românesc. Oameni și înfăptuiri. București, 1940.
17. 35 anni di relazioni italo-romene, 1879–1914. Documenti diplomatici italiani. București, 2001. P. 369.
18. Arhivele Ministerului Afacerilor Externe ale României. F. Problema 21. Д. 75. Л. 220.
19. Scrisorile Regelui Carol I din arhiva de la Sigmaringen 1878–1905. București, 2001.
20. *Mandache D.* Dearest Missy. The Correspondence between Marie, Grand Duchess of Russia, Duchess of Edinburg and of Saxe-Coburg and Gotha and her daughter, Marie, Crown princess of Romania. 1879–1900. București, 2011.
21. Timpul. 1896. An XVII. № 106.

Пер. с рум. яз. А. Улиу (Румыния)

© 2013 г. *Е.П. АКСЕНОВА*

АНТОНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФЛОРОВСКИЙ О РОМАНОВЫХ

В статье рассматривается позиция известного русского историка-эмигранта А.В. Флоровского в отношении трех последних императоров династии Романовых, личные качества которых и их историческая роль раскрываются ученым в контексте внутренней и внешней политики России второй половины XIX – начала XX в.

The article considers the opinion of the renowned Russian emigrant historian Antony Florovsky about the last three Russian Emperors from the House of Romanov, whose personal qualities and historical role are debated against the background of Russia's home and foreign policy of the second half of the nineteenth – early twentieth centuries.

Ключевые слова: династия Романовых, Александр II, Александр III, Николай II, самодержавие, история России, А.В. Флоровский.

Известный русский историк А.В. Флоровский (1884–1968), живший в эмиграции в Праге, читал различные курсы по истории России в Русском свободном университете и других эмигрантских учебных заведениях, а также вел большую научно-исследовательскую работу в области отечественной истории и истории русско-чешских отношений на протяжении многих веков. За долгие годы своего научного творчества и преподавательской деятельности он нередко обращался к эпохам царствования того или иного российского монарха. Еще в период работы в Новороссийском университете ученый тщательно разрабатывал тематику, связанную со временем правления Екатерины II (этому были посвящены некоторые статьи, курс лекций и магистерская диссертация «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.», опубликованная в 1915 г.), личность императрицы нашла отражение в специальном очерке [1]¹. В чешских и других заграничных архивах он обнаружил немало материалов, относящихся к эпохе Петра I, что нашло отражение в ряде статей и монографии [2]. Немалое внимание русским императорам XVIII – начала XX в. ученый уделил в лекциях по истории России, которые он стал читать для студентов философского факультета Карлова университета после смерти профессора А.А. Кизеветтера (1866–1933). В личном архиве Флоровского сохранились конспекты лекций, посвященных преемникам Петра I [3], Александру I и Николаю I [4], Александру II [5], Александру III [6]. Все эти материалы относятся к 1933–1937 гг. В фонде историка хранится также очерк «Император Николай II» [7], который, возможно, тоже «вырос» из лекции или, наоборот, должен был послужить материалом для лекции; во всяком случае, рукопись предваряется

Аксенова Елена Петровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ В личном фонде историка хранится также очерк «О Екатерине II» (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 108. Б.д. 28 л. Автограф), а также конспект курса лекций в Карловом университете «Об истории России в период царствования Екатерины II» (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 130. [1939–1940]. 151 л. Автограф).

кратким планом (или конспектом) дальнейшего текста, в конце которого автор приводит источники и литературу, среди которых есть сочинение, вышедшее в 1934 г., следовательно, работа написана не раньше этого года.

О своих политических воззрениях Флоровский не распространялся, но, судя по его работам и письмам, ярким монархистом он не был, как не одобрял и революционного радикализма (хотя принимал во внимание объективные обстоятельства, вызвавшие его). Скорее, историк придерживался либеральных взглядов. В начальный период жизни за границей он, как и многие эмигранты, надеялся на крушение в ближайшее время большевистского режима в России и возвращение прежнего порядка. По всей вероятности, конституционная монархия казалась ученому вполне приемлемой формой государственного устройства для России. Во всяком случае, в лекциях по истории России он не высказывался о преимуществах республиканского строя.

Что касается истории России, которую Флоровский хронологически делил на царствования, то подобная форма периодизации была широко распространена в дореволюционной русской историографии. Вместе с тем наиболее яркие и значимые моменты истории лучше усваиваются студентами, если связаны с выдающимися личностями. А все русские ученые-эмигранты старались дать молодому поколению не только хорошее, по возможности всестороннее образование, но и воспитать патриотическое отношение к своей исторической родине. Все это в полной мере относится и к лекциям Флоровского, который, однако, не приукрашивал действительность, а обращал внимание как на личные качества монархов, так и на различные внешние и внутренние факторы, влиявшие на их политику.

Поскольку Флоровский считал особенно значимым в истории России период второй половины XIX – начала XX в., мы ограничимся рассмотрением его взглядов именно на этот период, точнее – на государственную деятельность представителей династии Романовых и на их личные качества, которые влияли на эту деятельность. В качестве основного источника использованы конспекты лекций (и отдельные лекции) о годах правления Александра II и Александра III, а также очерк «Император Николай II» из личного фонда Флоровского в Архиве Российской академии наук.

Рассматривая эпохи Александра II, Александра III и Николая II, Флоровский прослеживает изменения общественно-политической жизни в стране на протяжении второй половины XIX в. и до революции 1917 г. Этот период, по мнению автора, является важной ступенью «в развитии русской государственности и общественной и культурной жизни русского народа» [7. Л. 3]. Россия, «пройдя в 60–70-х годах этап широкого творческого обновления “эпохи великих реформ”, остановилась в своем преобразовании старых политических форм», а затем вновь стала на путь преобразований под давлением общественных сил. Годы царствования Николая II «были таким переходным временем [...] от старого самодержавия к новой своеобразной конституционной монархии» [7. Л. 4–5]. Вместе с тем Флоровский подчеркивал, что было бы ошибкой считать Николая II «творческой силой, произведшей этот переход, этот поворот России» – наоборот, он вступил на этот путь «весьма неохотно и только под влиянием внешних воздействий и грозных движений в народных низах» [7. Л. 5]. Говоря об эпохе Николая II, историк поясняет, что в центре его внимания «не царь, но страна, государство». Это же замечание можно отнести и ко времени правления предыдущих монархов.

Отношение автора к периоду пребывания на троне Александра II (1855–1881), особенно к первым 14 годам, было весьма положительным. Его эпоха – это не просто годы царствования, пояснял Флоровский, а важный этап с точки зрения внутренних процессов в России [5. Л. 6–7]. В это время, с одной стороны, проводилась в жизнь «программа государственных преобразований» [5. Л. 11], «активного обновления русского общественного уклада, принципов и форм русского

управления» [7. Л. 7], а с другой – наблюдался интенсивный рост «общественной самодеятельности, общественного самосознания и политической мысли». Эти процессы, как отмечал историк, развивались во взаимодействии [5. Л. 8]. Акцентируя внимание в основном на внутренних факторах, в данном случае ученый выделил внешний фактор, игравший «крупную объективную роль» и влиявший на события внутри России. Это, прежде всего, первый внешнеполитический акт Александра II – «ликвидация Крымской войны», определившей «последующий ход русской жизни». Тяжелые испытания, выпавшие на долю России в войне, выявили «военную неподготовленность страны» и обнажили «все несовершенства и политической, и социальной жизни России» в правление Николая I, приверженца «охранительных начал и твердой центральной власти» [5. Л. 9–10, 16–17, 18].

Однако, считал ученый, «проблемы русской внешней политики отступают все же на второй план» перед проблемами внутренней жизни в начале царствования Александра II [5. Л. 9]. Необходимы были решительные перемены, и «обновление жизни» стало лозунгом времени [5. Л. 19]. Крушение николаевского режима подсказало, в каком направлении должна действовать власть – прежде всего, в направлении «коренных преобразований социальных отношений на основах общественной самодеятельности, правовой культуры и свободного духовного развития» [5. Л. 20–21]. Перечисляя преобразования, затронувшие почти все стороны жизни, Флоровский в первую очередь отмечал упразднение крепостного права, «которое задерживало процесс хозяйственного развития страны и препятствовало установлению известного социального и общественно-морального равновесия в России», а также судебную, земскую, городскую, военную и другие «великие реформы», которые вносили в русскую жизнь «элемент гласности, общественной солидарности и свободной кооперации» [7. Л. 8–9]. При этом ученый не преувеличивал значения того, что было реально сделано, он отмечал, что и современники, и следующие поколения видели изъяны «мероприятий правительства, их недоконченность и недостаточную радикальность, в частности, в области социально-экономической». Незавершенность реформ проявлялась и в том, что не были созданы органы народного представительства и орган общерусского самоуправления вроде Земского Собора или европейских парламентов [7. Л. 10].

Самую возможность «великих реформ» Александра II, которые «были реформами сверху» [5. Л. 31], Флоровский связывал не только с объективными факторами, но и с личностью самого императора, отмечая, между тем, что «по личным своим симпатиям и наклонностям он не был и положительным выразителем каких-нибудь новых идей в области государственного управления». Тем не менее Флоровский считал реформы во многом заслугой именно царя (более, чем его правительства), который «сумел усвоить смысл требований времени» и направить работу «бюрократической машины в нужное русло» [5. Л. 22–24]. Историк полагал «бесспорным тот факт, что в своей преобразовательной деятельности Александр II [...] шел навстречу лучшим стремлениям русского культурного общества и действовал в самых лучших и благородных намерениях». Особенно заметно его личное влияние, по мнению ученого, на проведение главной реформы – освобождения крестьян, за что он и получил наименование «Царь-Освободитель»². Однако Александр II вынужден был считаться с влиянием и реальной силой «значительной консервативной оппозиции», в связи с чем и не мог «стать на путь столь радикального преобразования России» [5. Л. 24, 51; 7. Л. 10–12].

Содержание внутренней истории любой страны, считает Флоровский, составляют деятельность и взаимодействие власти и общества. Но в России «широкое

² Поскольку Флоровский читал свои лекции в Карловом университете в Праге, понятна его ремарка, что акт 19 февраля 1861 г. примирил «с русским политическим режимом такого его недруга в прошлом, каким был великий Палацкий» [5. Л. 51].

раскрытие этого тезиса» произошло именно в эпоху Александра II – во времена его отца, Николая I, власть не шла по пути преобразований, общественная мысль не могла свободно развиваться. Именно эпоха Александра II, подчеркивал историк, «открыла для общественной мысли новые пути, дала для нее новые формы деятельности» [5. Л. 12–13], при этом царе «творились новые формы взаимоотношений» между властью и обществом. Поэтому время правления Александра II ученый называет «лучшими годами жизни России» [5. Л. 14].

Послереформенное развитие страны Флоровскому представлялось следующим образом. Консервативность части правящей элиты (не единой по своим политическим устремлениям) вызвала усиление радикализма, которое препятствовало дальнейшему развитию реформ. Ученый полагает, что «крупная личность» на престоле могла бы объединить те круги, на которые ей приходилось опираться, но Александру II не хватало на это воли, он поддавался влияниям различных сил, «не находя прочной почвы под ногами для ведения единой и определенной линии в своем управлении страной». Рост числа террористических актов, прежде всего против государя, высшие слои общества связывали с последствием реформ, в которых усматривали «нарушения частных и сословных прав и интересов». В близких к престолу кругах происходило «назревание и накопление охранительных сил» [5. Л. 39–40, 43; 7. Л. 12–14]. Сам дух реформ воспринимался ими «как дух западноевропейского демократизма, как дух вредный и опасный для русской жизни и для русской государственности» [7. Л. 17]. Демократическим кругам в реформах Александра II не хватало радикализма, решительности, «отрыва от старого, обанкротившегося политического и социального порядка». Началу реакции предшествовали «противоправительственные воззвания 1862 г., польское восстание 1863 г. и выстрел Каракозова 4 апреля 1866 г.». Но даже переход к реакции после 1866 г., по мнению историка, представлял собой «крутые действия на том же пути социального и политического обновления России» [5. Л. 14, 37, 43].

Между этими крайними общественными направлениями находились либеральные круги, которые, как отмечал Флоровский, стремились «к утверждению в России правового строя», обеспеченного конституционными гарантиями [5. Л. 44]. К концу 1870-х годов особенно заметно нарастание «либерального, конституционного движения» [6. Л. 14].

Касаясь внешнеполитической деятельности Александра II, Флоровский напоминал, что с именем Царя-Освободителя он вошел не только в русскую жизнь, но и в историю болгарского народа, «обязанного своей независимостью в значительной степени именно России, русскому оружию, русскому императору» [5. Л. 52]. Последние дипломатические акции царя были связаны с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., Берлинским миром, заключением союза трех монархов (Германии, Австрии и России) [5. Л. 9–10]. Помощь балканским славянам была развернута под знаменем славянской солидарности, но именно при Александре II, справедливо замечал Флоровский, на этом знамени «появились новые кровавые пятна» во время польского восстания 1863 г. [5. Л. 53].

Подводя итог всему, что было сделано в эпоху Александра II «в области социальной и политической жизни», Флоровский обращал внимание на то, что присутствовали «рядом с элементами положительного творчества и элементы волнения, брожения и недовольства» и что «в этой эпохе заложены в значительной степени и корни и объяснения того, к чему пришла Россия в пору войны и революций 1917 года», когда было разрушено «многое из того положительного и ценного», что было внесено в русскую жизнь при Александре II [5. Л. 54, 57].

После гибели Александра II на трон взошел его сын, Александр III (1845–1894), правивший с 1881 до 1894 г. Для многих современников Флоровского эпоха этого царя была еще «живым воспоминанием», однако, как справедливо считал ученый, историк должен опираться не на субъективное восприятие, а на объективные фак-

ты, при этом учитывая, конечно, их значение не только для своего времени, «но и в целом процессе русской жизни за все последующее время» [6. Л. 7]. Эту эпоху он называл переходной «от эпохи преобразования России на новых началах при Александре II к новой эпохе преобразований при Николае II» [6. Л. 8]. Историк довольно подробно останавливается на внутренней и внешней политике России в эти годы и на общественной жизни в различных ее проявлениях, но нас в его лекциях, посвященных этому периоду, более всего интересует отношение ученого к личности самого императора.

Вступлению на престол Александра III предшествовали трагические события, связанные с гибелью его отца, и именно это обстоятельство, утверждает Флоровский, «имело, несомненно, определяющее влияние» на программу его дальнейших действий [6. Л. 10–11]. «Что же представляет собою этот новый государь?» – задается автор вопросом, на который сам и пытается ответить. Александр III – второй сын Александра II – изначально не являлся наследником и стал им лишь в 20 лет, после смерти старшего брата Николая в 1865 г., поэтому «его воспит[ание] и образование [...] не было предметом нарочитого внимания»; к тому же «он леноват и упрям». К характерным чертам будущего царя историк относит замкнутость, нелюбовь к шумихе, придворному быту, ему свойственно было чувство хозяина, семьянина. На формирование его личности оказали влияние Я. Грот, С.М. Соловьев, с одной стороны, и К.П. Победоносцев – с другой. Отношение к политике отца – «в общем скептическое и недовольное», в семейных делах стоит «на стороне матери, не отца». Флоровский отмечает также «религиозно-церковную настроенность» цесаревича, близость интересов к славянофилам, связь с И.С. Аксаковым и др. [6. Л. 20–22].

После 1 марта 1881 г. перед Александром III встает вопрос – идти старым или новым курсом. Свое отрицательное отношение к либерализму, напоминает Флоровский, он высказывал и раньше (например в 1880 г., утверждая, что конституционные стремления – «исключительно столичные бредни») [6. Л. 23–24], хотя ни либеральное движение тех лет, ни проект конституции не затрагивали по сути «идею самодержавия» [6. Л. 56]. Однако Александр III сделал свой выбор – он, по словам историка, «стал на путь охранительной внутренней политики, на путь, который можно считать *реакционным* (курсив мой. – Е.А.) по отношению к духу и смыслу реформ шестидесятых годов». В таких условиях, утверждал Флоровский, уже невозможен был никакой союз между правительством и либеральной общественностью, между либералами и радикалами. И это, по мнению автора, во многом зависело от личности царя, на действия которого имели сильное влияние «не столько консервативные, сколько уже прямо реакционные круги» во главе с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым [7. Л. 14–15]. Осуждение последним принципов и основ «великих реформ» и подготовка им «Манифеста о незыблемости самодержавия» (утвержденного императором 29 апреля 1881 г.) повлекли за собой «отказ Александра III от осуществления уже подписанного его отцом плана своего рода урезанной конституции, составленной гр. Лорис-Меликовым³», усиление охранительного режима, «уничтожение ячеек радикально-революционных», урезание введенных реформами различных норм «в области самоуправления, суда, университетской жизни и т.п.», а вместе с тем – восстановление некоторых привилегий дворянства⁴, ограниченных реформами 1860–1870-х годов,

³ Граф М.Т. Лорис-Меликов (1825–1888) в последние годы царствования Александра III был министром внутренних дел, проводил умеренно-либеральную политику, являлся автором проекта первой российской конституции.

⁴ Есть версия, которую приводит Флоровский, что в начале своей деятельности в качестве министра внутренних дел Д.А. Толстой прямо заявил царю: «Ваши предки создали Россию – но нашими руками» (то есть руками дворян). Александр III, как пишет историк, «по-видимому рано стал усваивать эту точку зрения – что дворянство есть первенствующее сословие страны, представляющее ее в ее социальном целом и руководящее ее жизнью» [6. Л. 124].

и рост национализма [7. Л. 16–17]. Сменивший Лорис-Меликова Н.П. Игнатьев (1832–1908) отстаивал идею созыва Земского Собора, но под давлением Победоносцева Александр III отверг ее, уволил Игнатьева, назначив вместо него министром внутренних дел Д.А. Толстого (1823–1889), т.е., по словам Флоровского, «найден был стойкий представитель твердой власти без всяких либеральных или романтически славянофильских увлечений» [6. Л. 69, 72–73]. Таким образом, при Александре III установился «курс реакции против всесословности», отчетливо проявилось «стремление укрепить позиции социальных верхов и блюсти *дистанции между верхами и низами*»⁵ [6. Л. 144]. Он осуществляет «русификацию» и «православизацию» состава государственного аппарата [6. Л. 176].

В то же время Флоровский обращает внимание на интерес Александра III к русской истории и культуре, географии и этнографии. В течение многих лет (1865–1894) он возглавлял Русское историческое общество [6. Л. 177]. Вместе с тем при нем происходит усиление цензуры, закрываются либеральные издания, принимается университетский устав 1884 г., ограничивший автономию университетов, и многое другое [6. Л. 200–202]. Ставится акцент на религиозное образование с целью противодействия «вольномудству, пропаганде материализма и нигилизма» [6. Л. 196].

Флоровский отмечал, что в России сложилась традиция – к имени царя добавлять прилагательное, определяющее суть его царствования. Националистическая линия его политики позволяет негласно называть его «царь-националист» [6. Л. 177]. При Александре III резко усиливается «процесс унификации и обрусения» в национальных областях империи (Польша, Финляндия, Прибалтийский край и др.), ограничиваются права евреев, ведется борьба с униатством и т.п. [6. Л. 180–181]. В целом национальная политика направлена на «утверждение единой русской национальной культуры», тесно связанной с православием [6. Л. 193]. По некоторым данным, сам Александр III желал бы именоваться в будущем «императором крестьян», но этого не случилось. Решение крестьянского вопроса не было доведено до конца реформой 1861 г., и 20 лет спустя положение крестьян лишь усугублялось. Александр III, как писал ученый, «вошел в историю с обозначением, обусловленным не его внутренней политикой, но политикой внешней» – в России и в Европе его называли «Царем-Миротворцем» [6. Л. 94].

«Внешняя политика России в царств[ование] Александра III – это, – подчеркивает Флоровский, – более всего личная область деятельности царя». При нем несколько расширились владения в Средней Азии. Ему в наследство достался союз с Германией и Австрией [6. Л. 207]. Но судьба этого союза во многом зависела от политики России на Балканах, в частности в Болгарии, где она после окончания освободительной войны 1877–1878 гг. все больше теряла свои позиции и авторитет, пока не признала (в 1888 г.), что «русская игра в Болгарии проиграна», после чего «болг[арский] вопрос отошел на задний план – Александр III им более не занимался» [6. Л. 208, 230]. Продолжая поддерживать и продлевать союз России с Австрией и Германией ради сохранения мира, Александр III не мог не замечать роста противонемецких настроений в стране и призывов «очиститься от нем[ецкой] связи – ради славянства и своей народности» [6. Л. 234, 236–237, 240]. К тому же в начале 1880-х годов создается Тройственный союз Германии, Австрии и Италии. Тогда Александр III идет на сближение с Францией, хотя и не симпатизирует ей. Царя смущала возможность заключения союза не с монархией, а с республикой, демократическим государством «явно враждебного русскому политическому строю духа», чуждым самому Александру III. Тем не менее к концу

⁵ В качестве одного из примеров Флоровский приводит так называемый циркуляр «о кухаркиных детях» (1887), в соответствии с которым дети из низших сословий не допускались в гимназии и прогимназии [6. Л. 198].

его правления, в 1893 г. соглашение с Францией было оформлено (положив тем самым начало будущей Антанте), и Александр III, по словам историка, «оставил это новое политич[еское] положение России сыну» [6. Л. 241, 245–246, 248–249].

Время правления Александра III, отмечает Флоровский, было периодом «роста и углубления либерального и радикального общественного мнения. Последнее, загнанное режимом восьмидесятых и девяностых годов в подполье или вытесненное за границу, продолжало внутренне эволюционировать». К концу царствования Александра III обрела «более или менее законченную форму идеология русской социал-демократии», а старое народничество вырабатывало политическую программу будущей партии социалистов-революционеров. Либеральное движение также постепенно начало принимать «организованные формы политической партии» [7. Л. 21–22].

К моменту восшествия на трон Николая II, утверждает Флоровский, внутриполитическая обстановка в России была более сложной, чем к началу правления Александра III, пришедшегося на время «революционного террора». К концу XIX в. накопившиеся «внутренние затруднения» в стране, по мнению историка, могли быть ликвидированы только «в порядке положительного обновления государственного аппарата и созидательного преобразования социально-экономической его конструкции» (т.е. необходимые преобразования, по его мнению, вполне могли осуществиться либеральным способом). Россия в конце концов встала на этот путь, но, подчеркивает автор, не по воле верховной власти, а в результате «решительного давления» со стороны народных масс и оппозиционных общественных сил [7. Л. 22–23].

Флоровский обращает внимание на то, что в первые годы правления Николай II в своей внутренней политике «стоял целиком на путях, проложенных его отцом, то есть на путях консервативных и противоположных тому движению общественных сил и интересов», которое вновь стало нарастать к концу века. Новый император вскоре после своего воцарения, отмечает ученый, назвал идеи о конституции для России «бессмысленными мечтаниями» и «призывал общество забыть о них как о напрасных и неосуществимых» [7. Л. 20]. Однако общество не забыло об этих идеях. Русско-японская война 1904–1905 гг. вызвала революционный подъем в стране, ответом на который стало учреждение Государственной Думы и Манифест 17 октября (1905 г.). Россия становилась конституционной монархией, но, как подчеркивает Флоровский, этот шаг был вынужденным для правящей династии, он был «уступкой власти», которой оказалось не под силу вступить в коалицию хотя бы с либеральными кругами. Если не впрямую, то косвенно историк обвиняет власти и прежде всего царя в изолированности «от активной общественности», духовной беспомощности, отсутствии государственного мышления, вследствие чего «победителями из революционной бури вышли более радикальные политические элементы» [7. Л. 24–25]. Необходимость «радикальных социально-экономических реформ», напоминает ученый, понимал, например, П.А. Столыпин (1862–1911), пытаясь воплотить их «в реальную программу», но встречал сопротивление реакционных кругов, склонных проводить лишь «тактику полицейских воздействий» [7. Л. 26–27].

Новые испытания, потрясшие страну «в обстановке великой войны» (Первой мировой войны), писал Флоровский, стимулировали процесс «нарастания внутреннего напряжения», которое, прорвавшись, явило свою «разрушительную силу», развалившую «здание русской государственности» и приведшую к власти новых людей с новыми идеями и приемами управления «под флагом не национальной России, но интернационального коммунизма» [7. Л. 27–28].

В этой сложной обстановке Николай II потерял не только власть, но и жизнь. Флоровский подчеркивал, что трагический конец императора и его семьи был еще более трагичным от того, что против него «были едва ли не все активные

участники политической жизни страны». А когда началась гражданская война, когда «государственно и национально мыслящие круги» пытались устранить из России «коммунистическую власть», борьба эта не была связана «с именем Николая II, хотя бы как символа России или русской государственности и ее единства», т.е. никто не воспринимал отрекшегося царя как фигуру, способную возглавить государство (при этом историк высказывал уверенность в том, что «Россия, конечно, всегда и везде переее и важнее ее государя») [7. Л. 28–29]. Анализируя личность последнего императора, автор как бы подводил итог, замечая, что «в лице Николая II^{го} была *изжита и исчерпана самая идея русского самодержавия* (курсив мой. – Е.А.) как организующей и творческой силы, как формы политического творчества, а не пассивного лишь представительства и неподвижного пребывания». В характере царя было много черт, «противоречащих этой идее творческого самодержавия» [7. Л. 29]. Сам Николай II, в личном общении «весьма располагавший к себе, благорасположенный к своему собеседнику [...] в деловых отношениях поражал более своим упорством, нежели живой подвижностью мысли и воли». Он был весьма подвержен влиянию некоторых лиц и не особенно доверял тем, кто проявлял «творческий размах мысли». Ограниченность монарха сказывалась и в том, что он, по мнению Флоровского, «царствовал без широкого политического плана и ему оставались недоступными широкие перспективы политического действия». Бездейственность объяснялась тем, что в характере царя «было много созерцательно-пассивного начала, которое лишь с трудом и как-то неохотно уступало место началам движения и воли». В последнее десятилетие правления безволие Николая II все прочнее сочеталось «с властным и настойчивым характером императрицы Александры Федоровны, все более и более охватываемой мистическими идеями и в них черпавшей новые и новые импульсы для влияния на своего мужа» (историк не называет Распутина, но ясно, что речь идет прежде всего о нем) [7. Л. 30–31].

Такой государь, делает вывод Флоровский, «не мог импонировать стране», которая переросла «старые рамки строя и уклада» и требовала обновления [7. Л. 31–32]. Николай II не был носителем этого «духа обновления», творчества и ответственности, но при этом полагал, что все его действия имеют «благое значение» для государства. Сравнивая Николая II с его предками – представителями династии Романовых, правивших за 100 и 200 лет до него, историк заключал, что в последнем русском царе не было ничего ни от Петра Великого, ни от Николая I. Лишь формально оставаясь «символом России» (как внутри страны, так и за ее пределами), «Николай II символизировал, однако, не русский мир во всей его целостности и сложности, но лишь со стороны его внешней политической формы». Отстаивая «неизменность и традиционность» этой формы, он тем самым невольно способствовал подготовке того взрыва, который разбил старые устои и дал «накопившимся и выросшим народным силам [...] широкий простор для так нужного творчества и самоустроения» [7. Л. 32–33].

В конце очерка, приводя немалое количество источников и литературы, которые содержат материалы о последнем российском императоре, Флоровский замечает, что «серьезной объективно-научной обстоятельной биографии Николая II» еще не написано. Свою попытку соединить личность царя с историей государства в то время он, по всей видимости, не считал окончательной, тем более что его работа была основана не на личных архивных разработках, а на опубликованных материалах.

А.В. Флоровский привнес в науку свое видение проблемы верховной власти. Уделяя внимание вкладу каждого императора в развитие исторических событий его эпохи, историк в то же время не переоценивал (но и не преуменьшал) роль личности, отстаивая приоритет страны и отводя монарху роль символа. Ученый не допускал огульного порицания или безмерного восхваления тех или иных

действий или политических решений монархов. Он стремился как можно объективнее и всестороннее осветить деятельность каждого верховного правителя на основании фактов и документов соответствующей эпохи и охарактеризовать личные качества, черты характера, влиявшие на проведение той или иной политической линии и приведшие в конце концов к краху монархии. Значительную долю ответственности за развал империи он отводит Николаю II. Из текстов Флоровского, посвященных трем последним императорам – представителям династии Романовых, становится очевидной мысль историка, что при более внимательном и гибком отношении царствующих особ к социально-экономическим, политическим, национальным и общественным процессам в стране (а также и к внешне-политическим проблемам) и при проявлении большей творческой активности в преобразовательной государственной деятельности Россия могла бы продолжать мирно существовать и развиваться как европейское государство с конституционной формой правления, без разрушительных катаклизмов. Но в таком виде, как оно было в России, самодержавие изжило себя и было сметено революционным взрывом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Флоровский А.В.* К характеристике императрицы Екатерины II – законодательницы // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929.
2. *Флоровский А.В.* Петр Великий и чешская культура // *Zeitschrift für Slawische Philologie*. 1930. Bd. VII/4; *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955; *Флоровский А.В.* Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969.
3. АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 123. 1935–1936 гг. 359 л. Автограф. *Флоровский А.В.* История России. Преемники Петра I. Конспект курса лекций в Карловом университете.
4. АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 124. 1936–1937 гг. 327 л. Автограф. *Флоровский А.В.* История России в XIX веке. (Александр I, Николай I). Конспект курса лекций в Карловом университете; *Флоровский А.В.* Александр I // *Tvůrcové dějin*. Praha, 1936. Т. 4.
5. АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 122. [1933 г.] 212 л. Автограф. *Флоровский А.В.* Александр II. Лекции по истории России в Карловом университете.
6. АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 125. 1936–1937 гг. 255 л. Автограф. *Флоровский А.В.* История России в XIX веке. (Александр III). Конспект курса лекций в Карловом университете.
7. АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 52. [Не ранее 1934 г.] 36 л. Автограф. *Флоровский А.В.* Император Николай II. Очерк.

© 2013 г. С.О. ШИДЛОВСКИЙ

ИЗ ПРОЕКТОВ И.С. АКСАКОВА ПО СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ОБУСТРОЙСТВУ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

На примере публицистических выступлений 1860–1886 гг. И.С. Аксакова анализируются его взгляды на этнокультурные и общественно-политические процессы в Белоруссии. Рассматривается проблематика русско-белорусско-польских политических и культурных взаимодействий.

Scrutinising Ivan Aksakov's political essays written in 1860–1886, the article presents his views on the contemporary ethnic and social-political processes in Byelorussia as well the problem of the Russian-Byelorussian-Polish political and cultural interactions.

Ключевые слова: Белоруссия, Польша, Российская империя, Иван Аксаков.

В перечне злободневных общественно-политических проблем российской действительности первой половины XIX в. «белорусский вопрос» отсутствует. Лишь накануне польского восстания 1863 г. в российской прессе развернулась дискуссия, которая повысила статус белорусской проблематики. Именно тогда она впервые была обозначена публично как актуальная для российского общества, а содержание терминов «белорус», «белорусский» превратилось в поле идеологической борьбы русских и польских авторов. И с польской, и с русской стороны стали наблюдаться попытки говорить от имени белорусского народа или выступать в качестве публичных адвокатов белорусских народных интересов. В освещении белорусской социально-политической ситуации получило свое развитие идеологическое противостояние западников и славянофилов.

Русский публицист И.С. Аксаков на протяжении 1860–1886 гг. регулярно обращался к белорусским темам на страницах периодических изданий «День», «Москва», «Москвич» и «Русь». Он одним из первых попытался сформулировать легитимные с великорусской национальной точки зрения «способы быть белорусом». Публицистическое наследие И.С. Аксакова в последние годы привлекало внимание исследователей национальной политики в Российской империи [1–4], но его вклад в формирование российского общественного мнения по поводу «белорусского вопроса» до сих пор специально не изучался.

В одной из публикаций 1862 г., полемизируя с неким Белорусом, корреспондентом газеты «День», Аксаков поставил под сомнение уместность псевдонима своего оппонента. Быть выходцем из Северо-Западного края – недостаточно, чтобы говорить от имени белорусов. Данную миссию на себя может взять, по мнению публициста, только тот человек, который солидарен с интересами православного

Шидловский Сергей Олегович – канд. ист. наук, доцент Полоцкого государственного университета.

крестьянства [5. С. 14]. В 60-е годы XIX в. термин «белорусы» Аксаков относил лишь к православному крестьянству и местному православному духовенству Северо-Западного края. Только в 1880-е годы он начал распространять данный термин также и на местных крестьян-католиков, что во многом было обусловлено появлением движения за русификацию римско-католической службы на белорусских землях, которое возглавил каноник Ф.Е. Сенчиковский [5. С. 636].

Белоруссия вместе с Украиной в понимании Аксакова – «древний, исконно русский край, колыбель и основа Русского государства» [5. С. 649]. Белорусы – часть «триединого русского народа», более близкие к великорусам по языку и быту, чем украинцы [5. С. 132]. Аксаков охотно обращался к патриархальным образам: «Белорусов мы считаем своими братьями, по крови и по духу, и думаем, что русские всех наименований должны составлять одну общую сплошную семью [...] которой члены, как и в человеческой семье, нисколько не теряют своей личности и своей особенности» [5. С. 16]. Под Белоруссией публицист понимал территорию Могилевской, Витебской, Минской, Виленской и Гродненской губерний, которые вместе с Ковенской губернией составляют понятие «Северо-Западный край». Их населяют белорусы, литовцы и поляки, православные и католики, крестьянство и шляхта [5. С. 131].

Белорусы, по выражению Аксакова, – это «русский народ, занимающий самую низшую степень общественной лестницы» в Северо-Западном крае [5. С. 621]. Он перечислил расхожие стереотипы о белорусах: белорусский народ неромантичен, в нем нет рыцарского начала, он не может завоевать симпатий европейцев [5. С. 129]; народ груб, невежествен и погряз в материальных интересах; белорусы «забиты, дики, робки и напуганы» благодаря, в том числе, и российскому чиновничеству [5. С. 239]. Однако, подчеркивал Аксаков, существенно другое: простые белорусы сумели сохранить верность православной вере и тем самым – возможность национального возрождения.

Излюбленный образ Аксакова – Белоруссия как часть общерусского «тела». Развивая данную метафору, публицист называл полонизацию и окатоличивание «польской болезнью», которой страдает одна из частей общероссийского «тела» – Белоруссия, а значит, страдает и вся Россия [5. С. 133]. Белоруссия в его понимании – это нездоровая Русь. Социокультурные особенности белорусского общества рассматривались Аксаковым как следствие нежелательной мутации («растления») славянского духа [5. С. 478]. Причем «болезнь Северо-Западного края» у него не только метафора духовных мук. Публицист нашел в облике белорусов также черты физического вырождения: «эти бледные, бескровные лица, этот странный альбинизм и в лице и в одежде [...] этот народ много выстрадал на своем веку» [5. С. 522]. Общество Северо-Западного края – «разнородное, разьединенное между собою враждою политическою, национальною, социальною и религиозною [...] большинство коренного туземного племени было [...] поработчено» [5. С. 529].

Шляхетству Северо-Западного края, по утверждению Аксакова, свойственна идея сословного превосходства, когда все лучшие проявления человеческого духа объявляются качествами лишь «рыцарства», а крестьянству изначально приписывается все самое отвратительное. В отношении последних допускается применение телесных и нравственных пыток, за крестьянином не признают право на личное достоинство [5. С. 129]. Шляхетство воспринимает себя и поступает в отношении белорусского крестьянства как внешняя иностранная сила. Шляхте чужды крестьянские чаяния, она полностью изолировалась от народной среды, защищаясь сословными привилегиями и предрассудками [5. С. 39]. Белорусскую этнокультурную ситуацию усугубляет и то обстоятельство, что белорусы наряду с высшим классом утратили также национальное торговое и ремесленное мещанство [5. С. 35]. Публицист подчеркивал, что большинство шляхетского сословия

имеет «туземные» корни – белорусские, украинские, литовские. Однако политически шляхта принадлежит польской нации, и не существенно, насильственный характер имело «ополячивание» или добровольный. Качественным признаком принадлежности к польской нации, по мнению Аксакова, является не этническое происхождение, даже не польский язык, а исповедание католицизма. Таким образом, белорусский привилегированный класс утратил связь с местной этнической почвой. «Коренной народный тип» в Северо-Западном крае сохранило лишь «простонародье», в чем И.С. Аксаков усматривает аналогию с чешской этнокультурной ситуацией [5. С. 41].

По мнению публициста, у России нет конфликта с польским народом, он существует лишь с одним сословием – шляхтой. Проблема усугубляется тем, что группа, которая традиционно именуется «польской шляхтой», является частью российского привилегированного класса. По сути, конфликт с «польской шляхтой» – внутригражданский, это разногласие одной части российского чиновничества с другой его частью. В данном конфликте наибольшую опасность представляют не столько собственно сепаратисты, сколько петербургская чиновничья среда – «имперцы», «русляндцы», которые служат не национальному государству, а сословной дворянской империи. Иными словами, конфликт разворачивается между носителями двух принципов – России как космополитической петровской империи и России национальной, православной [5. С. 402].

И.С. Аксаков подчеркивал отличия государственного патриотизма от национального чувства и приводил в качестве примера «русляндцев» российских генералов 1812 г., которые были патриотами империи, но французский язык знали лучше, чем русский [5. С. 446]. Государственный патриотизм может мобилизовать общество в моменты внешней военной угрозы, как это случилось в 1812 г., однако его недостаточно, чтобы выстоять нравственно в бытовом противостоянии с чуждым национальным духом [5. С. 107]. Поэтому чиновник в Северо-Западном крае должен управлять не от имени империи, а от имени русского народа; быть не столько исполнительным, сколько национально пристрастным. Однако Аксаков выразил сомнение в том, что российское общество сможет отыскать достаточное количество подобных «чиновников-миссионеров» [5. С. 479].

Публицист не выступал против польского культурного присутствия в Северо-Западном крае, но подчеркивал, что абсолютно неприемлемы проекты государственного восстановления Польши в границах 1772 г. с включением территорий Белоруссии, Украины и Литвы [5. С. 43]. Польские политические круги претендуют на Северо-Западный край на том основании, что местное привилегированное общество сочувствует польской культуре, а «Мицкевичи, Костюшки, литвины или белорусы происхождением, составляют славу и гордость Польши» [5. С. 41]. Однако, по мнению Аксакова, белорусы, украинцы и литовцы имеют собственную отличную от польской культуру и обладают правом свободно выбирать свою историческую судьбу. Польша претендует на Белоруссию также по «государственному праву», однако, возражал публицист, Речь Посполитая, проявив историческую несостоятельность, прекратила свое существование как государство [5. С. 137].

Аксаков был убежден, что без поддержки России народы северо-западных губерний не смогут противостоять польским притязаниям на единоличное политическое и экономическое господство [5. С. 35]. Однако он придерживался невысокого мнения о способности русского общества к активным действиям. Существенной проблемой оставалась нехватка информации о Белоруссии. Русская интеллигенция, по убеждению публициста, деморализована перед лицом европейского общественного мнения, которое традиционно благожелательно расположено к польскому политическому движению [5. С. 48]. Русская аристократия солидаризируется, как правило, с интересами крупных польских землевладельцев, превентивно подозревая непривилегированные круги белорусского общества

в «карбонаризме». Великорусское дворянское общество, за исключением единиц, отказывается жертвовать на развитие белорусских православных братств, а административные органы затягивают вопрос с открытием подобных обществ [5. С. 248]. Таким образом, русскому правлению в Белоруссии угрожала не столько возможность польского мятежа, сколько готовность определенных политических кругов России добровольно отдать край Польше. Эта возможность виделась публицисту реальной из-за слабости исторического сознания в российском обществе и отсутствия влиятельного слоя православной белорусской интеллигенции [5. С. 138].

По мнению Аксакова, непривилегированные белорусские сословия нуждаются в более широких духовных и гражданских свободах [5. С. 13]. Предоставление им таких прав со стороны российского правительства имеет прагматическую основу, так как крестьянство является единственной опорой российского управления на землях бывшей Речи Посполитой. Публицист утверждал, что у русской администрации и белорусского крестьянства одинаковый источник проблем – шляхетство [5. С. 538]. Освобождение крестьянства от крепостной зависимости создало только базовые предпосылки для укрепления в среде белорусов русской идентичности. Если крестьянство будет справедливо наделено землей и политическими правами, оно сделается естественным союзником русского правительства [5. С. 206]. Вопрос освобождения крестьянства в Белоруссии не социальный, а национальный, так как целый народ освобождается от экономического и политического гнета другого народа [5. С. 220]. Аксаков апеллировал и к нравственному чувству – «российская общественность в моральном долгу перед «забитым бедным белорусским племенем» [5. С. 151–152]. Он считал, что российское общество ответственно за последствия политики первой четверти XIX в., когда царское правительство содействовало полонизации края и угнетению крестьянства, идя в фарватере европейского общественного мнения [5. С. 76]. До восстания 1863 г. российская общественность удовлетворялась сведениями о Белоруссии из польских источников и видела ситуацию в крае польскими глазами. За годы правления Павла I и Александра I белорусские земли подверглись ополячиванию в беспрецедентных масштабах, невиданных, по убеждению И.С. Аксакова, и в годы существования Речи Посполитой.

На новый уровень осмысления социально-политической ситуации в Белоруссии российская публицистика вышла в годы, непосредственно последовавшие после восстания 1863 г. Польский мятеж, по мнению И.С. Аксакова, актуализировал русскую национальную тематику и приблизил для российского общественного сознания исторические события 1612 и 1634 гг. [5. С. 173]. В некотором смысле вооруженное восстание шляхты упростило задачи российского правительства в решении национальных и социальных проблем Северо-Западного края [5. С. 196]. Белорусское крестьянство во время восстания 1863 г. в большинстве встало на сторону правительства. На этом основании Россия получила моральное превосходство в противостоянии со шляхетскими мятежниками [5. С. 43].

Аксаков считал, что восстание 1863 г. на землях Белоруссии приняло характер гражданской войны, противоборствующими сторонами которой являлись шляхта и крестьянство. Публицист усматривал одну из главных причин шляхетского мятежа в крестьянской реформе 1861 г. [5. С. 536]. В стремлении получить независимость для Польши повстанцы посягнули на социальную и национальную свободу белорусов, украинцев и литовцев [5. С. 289–290]. Белорусское крестьянство едва ли не впервые в своей истории дало отпор шляхте, что стало неожиданностью и для русской, и для польской интеллигенции [5. С. 160]. И.С. Аксаков был убежден, что необходимо поддержать национальный подъем белорусов, так как это отвечает государственным интересам: «Крестьянство в Западных губерниях, кажется, лишает отныне поляков всякой надежды на обладание этим краем» [5. С. 79].

Он предостерегал правительство от «инстинктивного желания вернуть народные массы к былому подчиненному состоянию». В интересах России не усмирение бунта белорусского крестьянства против шляхты, а организация этого движения [5. С. 80].

Восстание 1863 г. способствовало выработке новой правительственной стратегии и изменению российского общественного мнения. Указ от 1 марта 1863 г. предусматривал, что крестьяне Северо-Западных губерний будут освобождены от барщины и оброков, правительство выкупит у помещиков весь крестьянский надел, сумма выкупа будет определяться поверочными комиссиями. На местах, по сведениям И.С. Аксакова, были выявлены массовые случаи фальсификации помещиками уставных грамот, в которых завышались сведения о размере крестьянских наделов и качестве почвы. Однако реализация данного указа затягивалась и уже через год после подавления польского восстания использовались полицейские меры для взысканий оброка и чинша с белорусского крестьянства в пользу бывших повстанцев [5. С. 317–321].

Задачи в Северо-Западном крае, которые стоят перед русским народом, – не покорение края, а восстановление в нем русских национальных начал, некогда, по мнению И.С. Аксакова, ему присущих [5. С. 366]. Публицист считал, что русская цивилизация не ориентирована на агрессивное поглощение других народов [5. С. 662]. Вместо вредных попыток ассимилировать поляков необходимо сосредоточиться на экономической, правовой и культурной эмансипации белорусского крестьянства, упрочив его связь с русским народом [5. С. 445]. И.С. Аксаков считал неверным использовать термин «белорусский вопрос» и тем выделять белорусские проблемы из общерусских [5. С. 233].

В отношении Белоруссии, по мнению публициста, правительству следует проводить «не столько обрусение, сколько располячение этого искони русского края» [5. С. 633]. Он аргументировал необходимость проведения подобной политики последствиями «пятивекового польского гнета» [5. С. 499]. «Располячение» не должно привести к культурным потерям для белорусского общества, как это произошло, по мнению И.С. Аксакова, в случае с униатским белорусским духовенством при переходе его в православие, а, наоборот, способствовать интенсификации интеллектуальной жизни [5. С. 502–503]. Он не отождествлял любовь к «малой родине» и «народному наречию» белорусов с сепаратизмом. Он считал важным учитывать исходные этнографические и природно-исторические особенности Белоруссии, которые, по его мнению, не имеют ничего общего с польским влиянием, а свидетельствует о «русском происхождении» белорусской народной культуры.

Аксаков призывал российское правительство более активно открывать в Белоруссии народные школы. Он предполагал, что белорусский крестьянин лучше владеет польским языком, чем русским [5. С. 154]. В поддержке белорусского «наречия» Аксаков видел возможность усиления национального самосознания белорусов в противовес польской культуре. Он считал, что преподавание в начальной школе на белорусском языке с использованием кириллического шрифта подготовило бы в крае переход к образованию на русском языке [5. С. 113–114]. Аксаков указывал, что польские политики уже уяснили выгоды обращения к народу на его родном языке и активно это практикуют – например, на белорусском языке в латинской графике выходит газета К.В. Калиновского «Мужицкая правда» [5. С. 114].

Публицист высказывался за возможность открытия университета в Полоцке, Витебске или Минске, но категорически был против возобновления работы университета в Вильно [5. С. 268], так как там предпочтительней деятельность православной духовной академии для детей белорусского духовенства и крестьянства [5. С. 505].

Аксаков видел неустрашимую для развития российского общества угрозу в польском политическом радикализме. По его мнению, чем больше шляхта будет интегрирована в российскую социальную жизнь, тем больший вред она способна будет приносить России [5. С. 144]. Публицист призывал отказаться от идеи ассимиляции поляков, которую, по его мнению, практически невозможно реализовать, так как оба народа стоят на высоком уровне культурного развития и исповедуют слишком разные ценности, лучше отделить от империи польские этнические земли [5. С. 264]. Однако эту идею можно будет реализовать только тогда, когда оба народа выработают принципы мирного совместного проживания: Россия научится уважать самобытность польского общества, а последнее признает такие же права за православным крестьянством Северо-Западного края [5. С. 71]. По убеждению Аксакова, акты террора, которые практикуют польские повстанцы на территории Северо-Западного края, обращены в первую очередь к общественному мнению стран Западной Европы [5. С. 86]. Между тем решение русско-польских противоречий должно происходить в режиме диалога польского и русского обществ без вмешательства западноевропейских правительств [5. С. 83]. Польско-русское противостояние имеет цивилизационный характер. В польском обществе преобладает шляхетско-аристократическое начало, в русском – культ народа. В Польше западноевропейские державы видят борца против панславизма и российского государства, оказывая ей политическую поддержку. Россия же может найти опору лишь в среде угнетенных славянских народов и собственного крестьянства. От исхода польско-русского противостояния, утверждал публицист, будет зависеть возможность дальнейшего развития славянских культур.

По мнению И.С. Аксакова, этот конфликт нельзя разрешить военным путем, победа лежит в моральной плоскости [5. С. 125]. России в Северо-Западном крае противостоит не государство, армия либо организация, а «система идей и чувств» – польское национальное самосознание [5. С. 233]. Польскому национальному духу можно противопоставить только напряженную интеллектуальную работу, которая в русском обществе систематически не ведется. В отношении Белоруссии такая работа означает исследование края, создание новых народных школ и православных братств, обсуждение местных проблем в российском обществе, возвращение доверия у белорусского населения к российским органам власти, делегирование российской молодежи – «толковых, образованных, честных», с пониманием политического характера своей задачи – для работы в белорусских административных учреждениях [5. С. 236]. Однако, как писал Аксаков, «вместо забот о белорусских крестьянах, вы встретите у нашей молодежи гораздо более заботы о французских швеях и о работниках в Англии» [5. С. 246].

Публицист считал преждевременным вопрос учреждения на территории Белоруссии судов присяжных и земств, так как опасался, что в этом случае демократическими благами сумеет воспользоваться не крестьянство, а шляхта [5. С. 520–521]. И.С. Аксаков ставил вопрос о замене польского чиновничества в крае выходцами из великорусских губерний. Особенно важным он считал это мероприятие для низовых должностей, – тех, которые формируют у белорусского народа образ российского государства. Однако, вслед за М.О. Кояловичем, И.С. Аксаков видел потенциальную опасность проникновения в край во время массовой ротации чиновников не самых порядочных людей [5. С. 112]. Невозможно сформировать национальную интеллигенцию из чиновников, приехавших извне. Самой благоприятной средой для формирования местной интеллигенции он считал православное крестьянство и духовенство края [5. С. 98–99]. Однако бюрократизм, который был присущ деятельности русской православной церкви, тормозил и этот процесс [5. С. 42].

Принципиальным пунктом русско-польского противостояния в Северо-Западном крае, по мнению И.С. Аксакова, являлся земельный вопрос. Владения поляков

в Белоруссии не дают им права претендовать на данную территорию политически. И.С. Аксаков предлагал отнести поместья ополяченного дворянства к иностранному землевладению. Иностранцы могут владеть отечественными землями, но при условии сохранения лояльности местным законам. Владения нелояльных помещиков публицист предлагал выкупать в казну или в собственность русскими землевладельцами [5. С. 91–92].

И.С. Аксаков полагал, что положение белорусского крестьянства мало изменилось по сравнению со временами Речи Посполитой. Польское управление сменилось российским, однако шляхта сохранила и даже укрепила свою власть над белорусским крестьянином. Должности, связанные с непосредственным контактом чиновников с крестьянством (мировые посредники, чиновники волостных палат государственного имущества, становые приставы, исправники, писари, секретари), занимали представители шляхты. В результате белорусское крестьянство теряло доверие к российской администрации [5. С. 176]. Ситуацию попытался изменить виленский генерал-губернатор (1863–1865) граф М.Н. Муравьев. Его система административно-политических мероприятий вела, как считал публицист, к ослаблению экономического и политического значения польских землевладельцев в крае с одновременным улучшением положения белорусского крестьянства. М.Н. Муравьев «создал новую Белоруссию» [5. С. 659]. Но его политика вызвала жесткую реакцию со стороны аристократических кругов Санкт-Петербурга, сочувствовавших крупным польским землевладельцам. Систему М.Н. Муравьева, по словам И.С. Аксакова, преподнесли как разжигание социальной вражды, террор против аристократии. Губернатор был смещен с должности, социально-политические преобразования 1863 г. фактически сошли на нет [5. С. 405–407].

Восстание 1863 г. повысило интерес в русском обществе к Белоруссии. Знакомство русского общества с историей и культурой белорусов И.С. Аксаков сравнивал с открытием Нового Света – Россия неожиданно обнаружила и увлеклась экзотикой православной Белоруссии. Колумбом данного «открытия» И.С. Аксаков считал историка М.О. Кояловича, который в 60-х годах XIX в. активно публиковался на страницах московской газеты «День» [5. С. 566]. И.С. Аксаков указывал на возросший уровень научных исследований в Северо-Западном крае [5. С. 137]. Однако принципиально ситуация не изменилась, «русские гимназисты проходят историю европейских стран, однако в их программу изучения не входит история Северо-Западного края» [5. С. 150]. Публицист призывал научную молодежь посвящать себя изучению Белоруссии [5. С. 111].

Статьи И.С. Аксакова, посвященные проблемам Северо-Западного края, в период правления виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова (1868–1874) и его преемников носили в целом критический характер. Публицист констатировал, что на смену национальному подъему и острому интересу к белорусской теме времен русско-польского вооруженного противостояния пришла общественная апатия. Действия российской администрации утратили динамизм, напоминая более пассивную самооборону. Интерес российского государства к белорусским губерниям зачастую обуславливался лишь военно-стратегическими соображениями.

И.С. Аксаков затронул и тему реформирования территориально-административного деления Северо-Западного края. Он считал ошибочным лишение Полоцка губернского статуса при Александре I. Вместо Витебска центром губернии публицист предлагал снова сделать Полоцк или Великие Луки, или присоединить Полоцк и Дриссу к Псковской губернии, а к Витебской – Бабиновичи и Сенно, часть Борисовского уезда, и Дисну [5. С. 270]. Цель реформы – лишить территорию Северо-Западного края целостности, стереть из памяти границу раздела Речи Посполитой, которая сохранялась в абрисах белорусских губерний, делая их собственно Северо-Западным краем [5. С. 434–435]. Как альтернативу админист-

ративной реформе Витебской губернии И.С. Аксаков рассматривал возвращение архиерейской православной кафедры из Витебска в Полоцк [5. С. 270].

Таким образом, белорусская тема в публицистике И.С. Аксакова 60–80-х годов XIX в. развивалась в контексте общего анализа русско-польских отношений. Публицист связывал наиболее острые социально-экономические и этнокультурные проблемы края исключительно с польским экономическим и культурным присутствием. Его позиция определялась задачей построения «большой русской нации». Белорусская проблематика представлялась автору обязательным компонентом общерусской идеи. Подобная позиция косвенно способствовала формированию белорусского национально-культурного движения, а также стимулировала широкий общественный и научный интерес к Белоруссии в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М., 1999.
2. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
3. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
4. *Staliūnas D.* Termino «rusinimas» prasmės istorija (XIX a. 7-asis dešimtmetis) // *Lituanistica*. 2006. № 3.
5. *Аксаков И.С.* Сочинения И.С. Аксакова. М., 1886. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886.

© 2013 г. В.Н. ШАЙДУРОВ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

Статья посвящена вопросам возникновения и развития польской общины в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Автор представляет данные о численности, размещении, хозяйственных занятиях поляков в Сибири до 1917 г.

The article considers the problem of emergence and development of the Polish community in Western Siberia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. The author adduces the data about the scope, areal dispersion, occupations of the Poles in Siberia before 1917.

Ключевые слова: польская община, Западная Сибирь, численность населения, экономика, хозяйственные занятия.

В отечественной исторической науке на протяжении длительного времени отмечается устойчивый интерес к формированию полиэтничного сибирского социума. Экономическая, социально-политическая деятельность отдельных национальных общин рассматривалась в работах историков различных направлений. Однако история отдельных общин до настоящего времени не получила полного отражения в научной литературе. Относительно истории польской общины XIX – начала XX вв. можно говорить о ряде работ российских и польских историков, в которых рассматриваются отдельные аспекты жизни сибирской колонии [1–9].

Первые поляки появились в сибирских городах в XVII в. Преимущественно это были военнопленные эпохи русско-польских войн. По условиям Деулинского перемирия 1619 г. и Андрусовского мира 1667 г. (Московские трактаты 1667 и 1672 гг.) между Россией и Речью Посполитой производился обмен военнопленными и возвращение их на Родину.

Резкое увеличение численности ссыльных поляков в регионе произошло после польских восстаний 1794, 1830 и 1863 гг. По объявлении амнистии поляки предпочитали возвращаться на прежнее место жительства. Так, например, по распоряжению генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина в 1797 г. из сибирской ссылки были освобождены отдельные участники восстания 1794 г. [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 14]. Некоторые из сосланных, нашедшие заработок на новом месте жительства либо устроившиеся здесь в семейном отношении, предпочитали остаться. Во второй половине XIX в. польская община разрослась за счет лиц, высланных из польских губерний в административном и уголовном порядке на жительство (для дворян) и водворения (для крестьян и мещан).

Шайдуrow Владимир Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Национального минерально-сырьевого университета “Горный” (г. Санкт-Петербург).

Делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) (РГИА СПб), позволяет судить о динамике роста численности польского населения во второй половине XIX в. по размеру католической общины¹. Так, по данным Второго сибирского комитета, на 1852 г. в городах Западной и Восточной Сибири (без Тобольска) проживали около 6 250 католиков, имевшие две приходские церкви в Иркутске и Томске. При этом, самая крупная католическая община была приписана к томскому приходу (2 400 чел.) [11. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 44. Л. 1]. Разумеется, это приблизительные сведения, включавшие в себя как ссыльных, так и свободное население.

До 1897 г. в России не было полномасштабных переписей населения, поэтому приходится восстанавливать картину по отрывочным данным, в том числе по однодневным переписям и статистическим материалам «Памятных книжек». Так, на 1869 г. в Томской губернии проживали 6 516 католиков (поляки составляли ок. 5 200 чел.) [12. С. 57], на 1884 г. их численность составила 6506 (поляки – ок. 5 200 чел.) [13. С. 6].

Восстановить примерную численность поляков в Западной Сибири возможно и по церковным документам. Так, из рапорта от 12 декабря 1872 г. томского курата архиепископу Могилёвскому, митрополиту всех римско-католических церквей Антонию Фиалковскому следует, что только «в томском приходе находится католиков приблизительно около 6 500. В том числе мужского пола около 5 550, женщин до 950. Проживающих в Томской губернии 5405 мужского пола, 945 женского пола, в Семипалатинской области 145 мужского пола, 5 женского пола» [10. Ф. 826. Оп. 3. Д. 76. Л. 26]. При этом курат указывает на то, что католики его прихода – поляки.

Более точно о численности польского населения Сибири можно говорить на основании опубликованных материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Отсутствие в переписном листе графы «национальность» заставляет реконструировать этническую картину по сведениям о родном языке и вероисповедании. По сводным данным переписи, за Уралом полония составляла ок. 30,5 тыс. чел. [14. Т. 72. С. 14; Т. 73. С. 52; Т. 74. С. 64; Т. 76. С. 18; Т. 77. С. 34; Т. 78. С. 76; Т. 79. С. 70; Т. 81. С. 50; 15. Т. III. С. 434–437], а на территории Западной Сибири проживали 13 274 поляка обоого пола, считавших польский язык родным, из них 5 745 – в Тобольской [14. Т. 78. С. 76], 6 387 – в Томской губерниях [14. Т. 79. С. 70] и 1 142 – в Акмолинской области [14. Т. 81. С. 50].

На рубеже XIX – XX вв. начался качественно новый этап в формировании польской общины Сибири: все большее значение приобретает добровольное переселение. Полония в это время формировалась за счет двух источников: ссыльные и их потомки и добровольные переселенцы из числа польских крестьян, военных, врачей, инженеров, которые приезжали в Сибирь в 1880–1890-е годы.

В адрес губернских властей поступало большое количество прошений польских крестьян, которые не могли вести успешное хозяйство вследствие малоземелья у себя на родине. Некоторые количественные данные о переселенцах из привислинских губерний содержатся в ежегодных «Обзорах» сибирских губерний. Так, в 1897 г. в Сибирь проследовал 251 переселенец, из которых 235 – самостоятельно. Общая доля этой группы была невысока и составляла всего 0,3% от общего количества переселенцев [16. С. 90]. В 1898 г. из Седлецкой, Плоцкой и Калишской губерний в Тобольской губернии водворилось 15 крестьян [17. С. 30]. Пик переселенческой активности в конце XIX в. пришелся на 1899 г., в течение которого в Тобольской губернии обосновались 70 семей в составе 375 чел. Наибольшее количество переселенцев приехало из Седлецкой и Люблинской губерний: 13 се-

¹ Поляки составляли среди католиков Сибири от 70 до 80%.

мей (56 чел.) и 42 семьи (234 чел.) [18. С. 39]. Особенностью польской аграрной миграции этого периода являлось преобладание переселенцев, которые следовали в Сибирь по паспортам, но без переселенческих свидетельств. Это заставляло сибирских губернаторов время от времени рассматривать и удовлетворять прошения крестьян на переселение [6. С. 243–244].

В фонде Переселенческого управления РГИАСПб сохранились дела о переселении крестьян из польских губерний в Сибирь. Анализ документов по Люблинской, Седлецкой и иным губерниям позволяет сделать вывод о том, что местные власти не всегда поддерживали этот процесс. В условиях несовершенства переселенческого законодательства комиссары по крестьянским делам находили поводы для отказа в праве на переезд. Так, например, негативное решение принималось в случае, если семья состояла из родителей и малолетних детей: чиновники заявляли, что они-де «не имели взрослых работников» [11. Ф. 391. Оп. 2. Д. 839. Л. 38об.]. Непременным условием для получения разрешения являлось наличие достаточных денежных средств – крестьяне должны были документально подтвердить свое материальное благосостояние. Однако и это не гарантировало получение разрешительных документов. Например, чиновники Люблинской губернии заявляли, что «каждый хозяин, располагающий имуществом в 500 руб., может при посредстве Крестьянского поземельного банка приобрести участок вполне доброкачественный в пределах Люблинской губернии и завести на эти деньги необходимый инвентарь», а потому «ходатайство просителей не заслуживает удовлетворения» [11. Ф. 391. Оп. 2. Д. 839. Л. 28]. Местные комиссары по крестьянским делам проводили среди желавших уехать в Сибирь «разъяснительную работу», стремясь удержать крестьян от переезда. Многие после подобных бесед оставались на прежнем месте жительства. Подобная ситуация объяснялась отсутствием достоверной информации о Сибири. К тому же для многих поляков она по-прежнему ассоциировалась с каторгой и ссылкой.

Но миграционный поток из польских губерний постепенно набирал силу. Так, в прошении о разрешении строительства католической церкви на имя тобольского губернатора коллежский советник А.С. Гриневицкий отмечал, что только «в г. Тара и Тарском уезде проживает до двух тысяч католиков» [11. Ф. 391. Оп. 2. Д. 850. Л. 4]. В докладной записке от 6 июля 1901 г. статс-секретарю А.Н. Куломзину он же писал, что нужно «делать хотя что-нибудь для переселенцев католического вероисповедания, переселившихся из Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний и поселившихся в поселках [...] Тарского уезда Бутаковской волости и других волостях того же уезда» [11. Ф. 391. Оп. 2. Д. 850. Л. 2об.].

В годы столыпинской аграрной реформы в положительную сторону менялось общее представление об Азиатской России, чему способствовали многочисленные разъяснительные брошюры, издававшиеся губернскими переселенческими управлениями и иными организациями: крестьяне получили более достоверную информацию о местах водворения и условиях переселения, и это способствовало распространению среди польских крестьян миграционных настроений. На рубеже XIX–XX в. возникают обособленные этнические поселения, главным образом на территории Томской губернии [19]. Наиболее известным является пос. Белосток, основанный в 1899 г., который вскоре стал центром притяжения польских переселенцев. Здесь в начале XX в. был открыт римско-католический костел, который стал не только религиозным, но и образовательным центром. К 1916 г. в поселке насчитывалось уже 95 крестьянских хозяйств (516 жителей) [6. С. 245].

Статистические данные показывают весьма низкий уровень урбанизированности польских общин, средний показатель для которых составил около 25%. Эти данные лишний раз подтверждают факт водворения поляков преимущественно в сельской местности [15. Т. II. С. 2–5, 130–133, 322–325].

Дальнейшее расселение поляков в городах и сельской местности оказало влияние на их занятия. В частности, это выразилось в выборе экономических «ниш», которые, с одной стороны, позволяли полякам сохранять свое этническое единство, с другой – интегрироваться в сибирский социум.

Рассмотрим структуру занятости представителей польской общины относительно всего населения региона. Для этого используем сводные данные по Тобольской губернии [20. № 19].

Об источниках доходов польских поселенцев в Тобольске наглядно говорит одна из ведомостей однодневной переписи 1882 г., данные которой приведены ниже (см. табл. 1).

Таблица 1

Занятость поляков по сословиям и роду деятельности (чел.)²

Сословие	Собственные средства	Иждивение	Промышленность	Торговля	Ремесло	Транспорт	Прочее	Всего
Мещане	2	62	3	2	116	0	17	202
Крестьяне	0	27	0	1	3	0	9	40
Ссылные	5	7	3	26	39	12	75	167

Из приведенных данных видно, что значительная часть польского населения была занята в промышленно-ремесленной сфере (40%), крайне незначительная часть мещан, крестьян и ссыльных, составивших тобольскую полонию, жила за счет собственных средств либо была задействована в транспортной сфере (1,7% и 2,9% соответственно). Наибольшую активность по родам занятий проявляли польские мещане и ссыльные, тогда как крестьянство было достаточно пассивным.

Польская община достаточно прочно обосновалась в некоторых сферах, которые стали для нее со временем основной «экономической нишей». Так, например, среди тобольских ремесленников в 1882 г. поляки составили 10%, в ямском промысле – 6,5%, в промышленности – 5,6%, в торговле – 5,5% [20. № 19. Ведомость XVII, XVIII].

Оказавшиеся в Сибири поляки вынуждены были заниматься хозяйственной деятельностью. Для одних она становилась источником обогащения, для других – единственным источником дохода. Так, А.Ф. Поклевский-Козелл после выхода в отставку занялся предпринимательством. В 1845 г. он купил выстроенный в Тюмени пароход «Основа» (1838), один из первых пароходов в Сибири, который положил начало «Пароходству А.Ф. Поклевский-Козелл и К°», а после отмены в регионе откупной системы им были приобретены казенные винокуренные заводы, и он стал одним из первых производителей водки в Западной Сибири [20. № 3]. В дальнейшем в его руках оказались железоделательные заводы, золотые и асбестовые прииски, лесные дачи Урала и Сибири.

Другим примером могут служить многочисленные польские ссыльные, оказавшиеся в регионе после 1863 г. Так, например, Игнаций Пляпас был известен в Тобольске как один из лучших мастеров резьбы по кости. Первоначально он сбывал свои работы оказавшимся в ссылке богатым полякам, которые поддерживали его заказами, а в дальнейшем, когда значительная часть шляхты вернулась в польские губернии, он реализовывал на крупные суммы свои изделия оказавшимся в Тобольске иностранцам. Так, например, датский консул Мерк купил у него резных изделий из кости более чем на 400 руб. Покупателями были итальянцы,

² [20. № 19. Ведомость XVII, XVIII].

англичане, немцы. Заказы на работы из моржовой кости поступали также из обеих столиц. О коммерческом успехе свидетельствует тот факт, что И. Пляпасу удалось на выручаемые средства не только содержать семью умершего брата, но и скопить около 3 тыс. руб. [13]. Он не только возродил в Тобольске костяной промысел, который был поднят на высокий художественный уровень еще пленными шведами во второй трети XVIII в., но и подтолкнул к нему местное русское население. Правда, по оценке современника, подражатели были хорошими мастерами, но без «художественной закваски» [13].

Подобное распределение по сферам занятий во многом объясняется прошлым членом общин. В тобольской колонии представительство по сословиям было достаточно традиционным: 1/4 составляло дворянство (ссылным дворяне составляли в Сибири ок. 1/3), почти половина поляков относилась к мещанскому сословию (47,4%), доля крестьянства была также достаточно значимой – 17,4% [20. № 19].

В 1870–1880-е годы многие поляки вернулись домой, однако наиболее предпочли остаться на новом месте жительства и продолжали свою деятельность. В значительной степени это объясняется тем, что бывшим ссылным полякам было разрешено причисляться в купеческие гильдии, заниматься золотодобычей и другими промыслами. Те же, кто не находился под надзором полиции, были допущены в сферу государственной и общественной службы [21. С. 13–14]. Подобного рода правовые изменения привели к трансформации структуры занятости в польской общине, что было достаточно наглядно продемонстрировано результатами Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Ее сводные данные позволяют реконструировать сферы занятости сельских и городских жителей по национальному признаку. Это позволяет определить структуру экономической деятельности как внутри этнической группы, так и относительно социума в целом. Так, в конце XIX в. в основной массе поляки были связаны с обработкой земли (43% семей), различных видов сырья (16%) и выполнением функций прислуги и поденщиков преимущественно в городах (15%) [14. Т. 78. С. 156–161].

Крестьяне стали одной из основных составляющих польской общины региона. Первоначально они выступали в качестве арендаторов казенно-оброчных статей³. Чаще всего на территории статей основывались небольшие поселения, а арендный договор оформлялся на одного из наиболее авторитетных членов общины. Иначе невозможно объяснить, например, факт аренды польским переселенцем Огинским в Каинском округе Томской губернии участка в 5 401 дес. [22. № 40]. Кроме того, встречались случаи аренды земельных участков небольшой площади [22. № 42]. Кроме того, в «Томских губернских ведомостях» достаточно часто можно встретить упоминание о польских крестьянах-переселенцах, проживающих в уже существовавших поселениях в различных округах губернии [22. № 15].

В начале XX в. часть поляков оказалась связанной с различными отраслями перерабатывающей промышленности. В это время на всей территории региона наблюдался бурный расцвет маслоделия. В отрасль была вовлечена значительная часть населения и финансовых ресурсов. На территории только Томской губернии, по данным 1911 г., официально функционировало более 1 800 маслодельных заводов, принадлежавших частным лицам, артелям, торговым домам [23]. Этот факт свидетельствует о прибыльности отрасли, продукция которой на 80% экспортировалась в Западную Европу. Поляки открывали заводы, которые по объему произведенной продукции уступали другим, но вносили свой вклад в развитие отрасли. Так, например, в Верхнеомской волости им принадлежало восемь

³ Казенными оброчными статьями являлись государственные недвижимые имущества (земли), отдаваемые в оброчное пользование, с публичных торгов.

предприятий, которые произвели в 1911 г. более 10 тыс. пуд. сливочного масла (21,3% общего объема) [23. С. 34–35].

В начале XX в. Алтай вследствие благоприятных природно-климатических условий и притока переселенческого элемента превратился в один из основных зернопроизводящих районов Сибири. Последнее вызвало к жизни развитие мукомольного производства, в котором поляки также приняли активное участие. Так, например, в 1904 г. варшавским мещанином Петром Пелем вблизи Барнаула была построена мукомольная мельница [24. Ф. 31. Оп. 1. Д. 181]. Поляки открывали небольшие предприятия не только в городах, но ориентировались и на сельскую местность. При этом они вынуждены были сталкиваться в новых условиях с определенными проблемами. Примером предпринимательской активности поляков в сельской местности может служить деятельность А. Ковальского, переселившегося со своим семейством в 1904 г. на Алтай. Выходец из Могилевского уезда Подольской губернии он прибыл по приглашению своего друга, который в многочисленных письмах указывал, «что здесь заселенность большая, нуждается в паровых мельницах и мастерских для исправления крестьянских сельскохозяйственных орудий» [24. Ф. 31. Д. 255. Л. 8].

До переселения в Сибирь А. Ковальский содержал мельницу в Бессарабской губернии. Основав небольшую мельницу на арендованном участке Локтевского имения, он столкнулся с первыми же сложностями. Они проявились, в первую очередь, в различиях действующего законодательства о промышленных предприятиях, выпускающих продукцию, облагающуюся акцизом. Дело в том, что в Европейской России контроль за использованием паровых двигателей на производстве осуществлялся со стороны фабрично-заводской инспекции. В Сибири в это время она еще отсутствовала, а ее обязанности выполнялись различными органами, в том числе полицией, строительным отделением губернского управления и пр.

В марте 1907 г. возникшая переписка между А. Ковальским и томскими чиновниками позволила выявить противоречия, но еще до этого возникла конфликтная ситуация, с одной стороны которой оказался мелкий предприниматель, а с другой – представители полиции, настаивавшие на соблюдении действующего регионального законодательства. При этом служащие полиции действовали достаточно жестко, но последовательно. Первоначально ими было предложено мукомолу представить томскому начальству необходимые для открытия раструсной мельницы документы. Однако А. Ковальский постарался сослаться на законодательство, знакомое ему по прежнему месту жительства и продолжил эксплуатировать локомобиль [24. Ф. 31. Д. 255. Л. 8, 18]. Несговорчивость поляка привела к тому, что два года спустя с момента возникновения разбирательства по распоряжению Змеиногорского исправника шелковниковский пристав опечатал локомобиль [24. Ф. 31. Д. 255. Л. 18], оставив, тем самым, А. Ковальского без работы.

Возникшая ситуация заставила мукомола в сравнительно короткий срок изыскать средства для выполнения в надлежащей форме чертежа мельницы, двигателя, составления всех сопроводительных документов и отправить их в Томск. Это позволило ему получить 30 апреля 1909 г. разрешение на работу мельницы. Повторное открытие раструсной мельницы обеспечило мукой население близлежащих 15 населенных пунктов [24. Ф. 31. Д. 255. Л. 18об.].

Таким образом, можно говорить о том, что польская община в Сибири в течение второй половины XIX – начала XX вв. прошла достаточно сложный путь в развитии. Произошло значительное изменение в источниках ее формирования. Все большее значение начало приобретать добровольное переселение. Это, в свою очередь, привело к изменениям в сословной структуре и месту полонии в экономической структуре сибирского региона. Поляки заняли определенные экономические «ниши», которые позволяли полонии создавать более или менее благоприятные условия для самосохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шостакович Б.С.* Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг. Автореф. дис. ... к.и.н. Иркутск, 1974.
2. *Lukawski Z.* Ludnosc polska w Rosji. 1863 – 1914. Wroclaw, 1978.
3. *Масяръе В.* Поляки в Восточной Сибири (1907 – 1947 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. Иркутск, 1995.
4. *Скубневский В.А.* Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998.
5. *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914 гг.). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
6. *Масяръе В.* Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
7. *Миловидов Б.П.* Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009.
8. *Сливовская В.* Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1.
9. *Островский Л.К.* Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4.
10. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области.
11. Российский государственный исторический архив.
12. Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871.
13. Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск, 1884.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1905. Т. 72. Амурская область. Кн. 2; СПб., 1904. Т. 73. Енисейская губерния; СПб., 1904. Т. 74. Забайкальская область; СПб., 1900. Т. 76. Приморская область. Кн. 2; СПб., 1904. Т. 77. Сахалин. Кн. 2; СПб., 1905. Т. 78. Тобольская губерния; СПб., 1904. Т. 79. Томская губерния; СПб., 1905. Т. 81. Акмолинская область.
15. *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1912. Т. III; СПб., 1911. Т. II.
16. Обзор Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск, 1898.
17. Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899.
18. Обзор Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900.
19. Из истории земли Томской. Сибирский Белосток. Сб. документов и материалов. Томск, 1998.
20. Сибирский листок. Тобольск. 1891.
21. *Герасимов Б.* Ссылные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918. Вып. XII.
22. Томские губернские ведомости. 1883.
23. Указатель маслодельных заводов по Томской губернии. Составлено на основании данных за 1911 год. Ново-Николаевск, 1912.
24. Государственный архив Алтайского края.

© 2013 г. А.В. ГАНИН

ГЕНШТАБИСТЫ УКРАИНСКИХ АРМИЙ 1917–1920 ГОДОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1920–1945 ГОДЫ)

В статье на основе документов российских и украинских архивов, в том числе архивов спецслужб, рассматриваются судьбы бывших офицеров-генштабистов украинских национальных формирований, взятых в плен красными или вернувшихся в СССР из эмиграции.

The article based on the documents from the archives of the Russian Federation and Ukraine, including those of secret services, considers the destinies of the former officers of the Geneva Staff of the Ukrainian national units who had been captured by the Red Army or returned to the USSR from emigration.

Ключевые слова: Гражданская война, военная элита, Украина, СССР, Генеральный штаб.

В годы Гражданской войны на территории Украины возникло несколько национальных армий – армия Украинской державы, армия Украинской народной республики, Украинская галицийская армия. Для многих представителей старой военной элиты – офицеров-генштабистов русской армии (выпускников и слушателей Николаевской военной академии) служба в этих армиях была промежуточным звеном между бегством из Советской России и поступлением на службу в одну из белых армий, где выдвигались понятные офицерам старой армии патриотические и государственнические лозунги. Однако было немало и таких, кто после службы в украинских войсках переходил на сторону красных.

На основе подсчетов по разным архивным данным, лояльность украинским формированиям на протяжении Гражданской войны сохраняли только 24% прошедших через них генштабистов. Если сравнить эту ситуацию с аналогичным показателем по Красной армии или Южному фронту белых, то там процент верно служивших генштабистов будет в два с лишним раза выше. Такая картина поведения офицеров связана, прежде всего, с гетманским периодом в истории Украины в 1918 г., когда на украинской территории стремились переждать Гражданскую войну тысячи офицеров старой русской армии, подчас никак не связанных с Украиной, не знавших украинского языка и не разделявших самостийных идей. С уходом немецких оккупационных войск и падением власти гетмана на Украине развернулась полномасштабная Гражданская война, а на офицеров обрушились жестокие преследования со стороны петлюровцев и красных, и в одночасье по-

Ганин Андрей Владиславович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

требовалось определиться, с кем быть в начавшейся бескомпромиссной борьбе. Вследствие этого офицеры в массовом порядке бежали с Украины в белые армии. Оставались лишь те, кто не хотел ничего предпринимать или разделял идейные установки режима Директории, сменившего гетманский. В итоге многие гетманские офицеры к концу Гражданской войны могли похвастаться настоящим калейдоскопом различных армий в своих послужных списках.

После освобождения территории Украины Красной армией от белых и петлюровцев и окончания в регионе ширококомасштабной Гражданской войны в 1920 г. несколько десятков генштабистов-ветеранов украинских армий остались по различным причинам на советской территории и даже поступили на службу в Красную армию. Несомненно, свою роль играло естественное желание бывших офицеров русской армии, в том числе этнических украинцев, не покидать родину и не скитаться по чужим странам. Некоторых, очевидно, привлекала служба в Красной армии, доказавшей на полях сражений Гражданской войны свою высокую боеспособность. Часть генштабистов оставалась на насиженных местах даже при смене власти. Например, войсковой старшина И.Н. Скорина в годы Первой мировой войны преподавал в школе прапорщиков в Киеве в 1917–1918 гг., несмотря на смену режимов, он продолжал вести преподавательскую работу на том же месте, а в феврале 1919 г. остался в Киеве после ухода войск Директории и, таким образом, попал в Красную армию. Кстати, позднее он смог вернуться к привычной преподавательской работе в Киеве. Схожим образом действовал в период 1918–1919 гг. и Н.Н. Краснов.

Некоторые офицеры были захвачены в плен, а потом поступили в Красную армию. В плен они попадали не обязательно в составе украинских частей и даже порой далеко от Украины. Например, генералы Д.И. Гнида, А.Г. Лигнау, подполковник Б.А. Юрьев были пленены частями 5-й армии на Восточном фронте в Сибири. Генерал М.В. Лебедев сдался в плен на Северном Кавказе в составе Кубанской армии белых. Интересно, что некоторые сразу получали высокие назначения в РККА. Так, бывший подполковник армии Украинской народной республики (УНР) М.И. Иващенко, служивший в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) действующей армии УНР, а затем в должности начальника штаба запасной бригады, после перехода на сторону красных стал начальником штаба 14-й Майкопской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Бывший генерал Д.Н. Сокира-Яхонтов в 1920 г. в РККА возглавил бригаду 41-й стрелковой дивизии. Командовал этой дивизией другой ветеран украинской армии – бывший генерал В.И. Стойкин.

Как показал на следствии по делу «Весна»¹ бывший войсковой старшина² гетманской армии А.И. Батрук, «более чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедили меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения, и вытекающая отсюда слабость армии привели меня к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно и поэтому я решил не связывать свою судьбу с У.Н.Р., с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии; понятно, что об этом решении я ничего не говорил своим сослуживцам по Главному штабу. По занятии Киева Красной армией я был, после соответствующей регистрации, назначен на службу в штаб Киевского окружного комиссариата, а затем переведен

¹ В начале 1930-х годов было сфабриковано дело так называемой Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации, получившее наименование «Весна», направленное против бывших офицеров, в ходе которого было репрессировано около ста генштабистов.

² Здесь и далее указываются прежние чины офицеров на украинской службе, даже если позднее в рядах белых армий они получили более высокое чинопроизводство или, наоборот, пошли на понижение, так как белые не признавали украинских званий и принимали таких офицеров на службу по их последнему чину в старой русской армии.

в центральное бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины на должность помощника начальника названного бюро» [1. Т. 537(616). Л. 42–42об.].

Разумеется, недавних антибольшевиков нельзя было принять в Красную армию без проверки. Нередко подобная проверка в суровых условиях Гражданской войны проходила в форме ареста. Так, 7 мая 1920 г. в Москве Особым отделом ВЧК был арестован бывший полковник Н.Е. Какурин, прибывший в столицу 1 мая. Какурин не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в московский политический Красный Крест. По его словам, «сущность дела заключается в том, что по-видимому особый отдел В.Ч.К.³ инкриминирует мне исполнение должности 2го генерал-квартирмейстера украинского Генерального штаба в начале 1918 г. Дело обещали рассмотреть через 2–3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям, и вообще я никогда против России и советских войск, принципиально уклоняясь от борьбы на внутреннем фронте, участия не принимал, в период моей украинской службы все время сражаясь на польском фронте, за что и попал в польском проскрипционном списке, при первой возможности добровольно явился в Москву в Всероссийский главный штаб. В ряде заявлений в Особый отдел В.Ч.К., Всероглавштаб и н[ачальни]ку оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики, ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2ой месяца.

Прошу выяснить положение моего дела и решение моей участи. Н. Какурин» [2. Л. 3об.].

По освобождению Какурин принял участие в советско-польской войне, где блестяще себя проявил, причем с 24 октября 1920 г. ему был доверен высокий пост командующего 3-й армией.

Некоторым припоминали их прежние прегрешения. К примеру, успевший послужить у украинцев и у красных и оказавшийся в 1919 г. у белых бывший военный руководитель Одесского военного округа Генштаба генерал-лейтенант К.К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду Вооруженных сил на Юге России персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов Совета был белыми расстрелян [3. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1318. Л. 2об.]. Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. был захвачен красными в Сухуме. Военной коллегией Верховного трибунала 3 января 1922 г. он был приговорен к расстрелу, однако приговор был смягчен и уже в ноябре того же года перебежчика освободили.

На данный момент мною установлены сведения о 94 генштабистах украинских армий, оказавшихся в Советской России и СССР после Гражданской войны. 78 из них (в том числе 59 выпускников довоенной академии и 18 окончивших ускоренные курсы академии в период Первой мировой войны, а также один офицер, данные о выпуске которого из академии неизвестны) остались в Советской России по итогам Гражданской войны, остальные приехали или были вывезены в СССР позднее. Среди оставшихся явно преобладали старшие офицеры. Достаточно отметить, что в 1920-е годы в СССР оказалось 38 бывших украинских генералов-генштабистов. Интересно и то, что офицеры, служившие только в украинских армиях (т.е. те, кто формально мог считаться подлинными сторонниками украинского национального движения), среди оставшихся были исключением (только два офицера и еще двое с подобным послужным списком приехали уже из эмиграции).

Существовал небольшой процент тех, кто приехал в Советскую Россию уже из эмиграции. В основном, это были офицеры, разочаровавшиеся в антибольшевист-

³ Подчеркнуто в документе.

ской борьбе и уверовавшие в большевизм, либо не вынесшие тяжелых условий первых лет эмиграции, в том числе пребывания в лагерях интернированных в Польше. Таковых было шесть человек (четыре генерала и два полковника – четыре выпускника довоенной академии и два курсовика соответственно). В 1923 г. в СССР выехал генерал Е.С. Гамченко, прослуживший в украинских армиях с 1918 по 1921 г. с перерывом на время пребывания в 1919–1920 гг. в лагерях интернированных. Примерно в этот же период (1922–1924 гг.) уехали в Советскую Россию генералы П.И. Липко, И.С. Мартинюк, полковники В.В. Корчаков-Сивицкий и В.Ф. Оржановский. Уехал в СССР и генерал С.К. Добророльский. Судьбы некоторых из них трагичны. Генерал Липко скончался, по некоторым данным, вскоре по возвращении. Гамченко был расстрелян по делу «Весна» в 1931 г., Добророльский, по одной из версий, в 1930 г. застрелился. Корчаков-Сивицкий умер в 1932 г. в возрасте 44 лет.

По предложению органов ГПУ УССР ветеранов петлюровского движения агитировал возвращаться на родину бывший генерал Ю.И. Тютюнник [4. С. 552], захваченный чекистами в результате спецоперации в июне 1923 г. Среди тех, к кому он обращался, был и видный украинский генерал А.И. Удовиченко – выпускник ускоренных курсов академии. В частности, 23 октября 1923 г. Тютюнник писал ему: «Когда-то Вы писали мне про гарантии. Думаю, что лучшей гарантии, чем моя личная легализация тут, я дать не мог, да и никто другой не может того дать. Дело состоит в том, что тут нас не боятся – не страшны мы [...] Всем, что честно боролись за известные идеи, открыты двери к возвращению и работе на благо своего народа. Говорил я с ответственными чиновниками и про Вас лично, а также про ген[ерала] Загородского и других. Высшая власть на Украине гарантирует Вам и всем своим бывшим честным противникам возвращение и все права граждан Украинской Советской Республики. Дальнейшее будет зависеть от Вас самих. Нечего говорить, что мне будет особенно очень приятно, если в вашем лице, в человеке, которого я всегда уважал, Украина получит одного из своих лучших защитников [...] Тут украинская стихия, тут должны быть и будем мы. Не сомневаюсь в Вашем принципиальном согласии насчет возвращения к работе на Украину» [4. С. 237]. Удовиченко, впрочем, на эти увещевания не поддавался, чем значительно продлил себе жизнь (умер в эмиграции в 1975 г.).

Однако в Россию приезжали не только добровольные возвращенцы. Летом 1921 г. советскую границу перешел генерал В.И. Галкин, но сделал он это не ради принятия советского гражданства, а в целях организации партизанской борьбы против большевиков. Вскоре он был захвачен чекистами и арестован, а в конце января 1922 г. освобожден и с марта 1922 г. служил в РККА [1. Т. 161(220). Л. 221]. Интересно, что в 1920 г. Галкин уже успел послужить в РККА, но поднял восстание против большевиков и увел Украинскую советскую дивизию, начальником штаба которой служил, к петлюровцам. Другой случай произошел с ветераном гетманской армии генералом Д.Р. Ветренко, который вместе с семьей был выслан из Польши в СССР в 1928 г. в связи с обвинением в шпионаже [5. С. 166]. В итоге на территории Советской России и СССР оказались представители практически всех уровней командного состава украинских армий.

Имела место и противоположная тенденция – бегство из Советской России и СССР, практиковавшееся лишь в 1920-е годы, когда контроль над гражданами еще не носил тотального характера. Бежать сумели три ветерана украинских армий: генералы Н.Н. Десино, К.И. Сербинович и М.В. Фастыковский. Генерал Г.А. Мандрыка выехал из СССР в Китай, где впоследствии состоял в украинской колонии Харбина [6. С. 326]. Интересна судьба генерала Фастыковского. Числившийся в украинской армии в конце 1918 г. он затем попал в Красную армию, а в августе 1921 г. бежал в Польшу, однако в июне 1924 г. вернулся на родину, но для возвращения домой ему пришлось стать советским агентом в среде белой

эмиграции (подробнее см. [7]). Наиболее отчаянным из этой группы был генерал Сербинович, служивший в гетманской армии. В конце 1918 г. он был арестован в Петрограде, однако бежал на Украину, поступил на службу к белым и уехал на восток России. Там он был вновь арестован в 1920 г. в Благовещенске, отсидел полгода в тюрьме и совершил новый побег, вновь присоединившись к белым. В конечном итоге Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать.

Бывшие офицеры, тем более ветераны антибольшевистских армий, находились в Советской России и СССР под пристальным надзором органов госбезопасности. Мало того, что их среда была плотно инфильтрована сетью секретных осведомителей, бывшие офицеры должны были проходить постоянные регистрации и перерегистрации, причем даже снятие этих офицеров с особого учета оказалось завуалированной формой очередной регистрации, по итогам которой в 1931 г. органами ГПУ УССР для служебного пользования было издано пухлое справочное издание – книга учета бывших белых офицеров, содержащая сведения на 21 000 человек [8].

Положение недавних противников большевиков в СССР в 1920–1950-х годах было незавидным. Причем касалось это как тех, кто производил впечатление затаившихся врагов, так и тех, кто блестяще зарекомендовал себя в Красной армии и, казалось бы, полностью искупил «ошибки прошлого». Отношение к ветеранам петлюровской или гетманской армий в Советской России и СССР было таким же, как и к ветеранам других антибольшевистских армий (включая белые), т.е. враждебным.

Способы выживания во враждебном окружении были различными. Одни, как, например, бывший сотник гетманской армии К.Ф. Монигетти, переходили на нелегальное положение и скрывались под чужой фамилией до тех пор, пока не попадались органам госбезопасности (подробнее о нем см. [9]). Другие, как бывший полковник Н.Е. Какурин, стремились любыми способами встроиться в новую систему. Какурину действительно удалось сделать неплохую карьеру у большевиков. В 1921 г. он вступил в партию и в том же году за участие в подавлении антоновского восстания был награжден орденом Красного Знамени. Подобное награждение для военспеца, всего за год до этого перешедшего к красным из лагеря украинских националистов, где он занимал ответственные посты, было явлением беспрецедентным. В 1922 г. Какурин был награжден бухарским орденом Красной Звезды 1-й ст. за руководство войсками Бухаро-Ферганского района в борьбе с басмачами, получил золотые часы от Тамбовского губвоенкомата и от Бухарского ЦИК.

Разумеется, были и те, кто вынужденно или добровольно шел на сотрудничество с органами госбезопасности. Секретным осведомителем ОГПУ под псевдонимом «Сергеевский» стал бывший генерал Фастыковский. Он имел в своем послужном списке такой вопиющий в советских условиях проступок, как бегство из Красной армии за границу. Вполне естественно, что сотрудники ОГПУ вели наблюдение и за такими секретными агентами, проверяя их лояльность и добросовестность. В частности, работу Фастыковского проверяли не менее шести лет [7. С. 92]. Официально бывший генерал работал в государственном тресте «Русские самоцветы», позднее – в государственном объединении «Минеральное сырье» и доцентом на военной кафедре Московского механико-машиностроительного института.

Чем занимались ветераны украинских армий в СССР? Многие продолжали служить в армии, несмотря на то, что военспецов, даже не находившихся в Гражданскую войну в рядах противников большевиков, из РККА все время вытесняли. Выходом для таких людей стал переход на преподавательскую работу, в том числе в военно-учебных заведениях. В Военной академии РККА преподавали Н.Е. Какурин и А.Г. Лигнау. Бывший войсковой старшина В.М. Гуков преподавал в Севастопольской зенитной школе. Бывший сотник Х.В. Гуртовенко переменял немало

мест работы, в том числе был военруком Нежинского пединститута и главным военруком учебных заведений Нежина. Бывший генерал Д.Н. Сокира-Яхонтов после Гражданской войны стал начальником учебной части Объединенной военной школы имени С.С. Каменева в Киеве, в 1924 г. он был уволен из армии как бывший белогвардеец, поселился в Умани и частным образом преподавал военные науки Г.И. Котовскому. Бывший войсковой старшина М.А. Завгородний преподавал тактику на пехотных курсах в Одессе, а затем в 13-й Одесской пехотной школе. После демобилизации в 1928 г. он стал землемером. Некоторые устраивались в издательства, различные тресты. К.Ф. Монигетти работал в Государственном издательстве, позднее преподавал в Днепропетровском горном институте. И.Г. Баковец работал землемером Киевкоммунхоза.

Преподаватели в силу специфики работы свободное время могли посвящать научной деятельности. Например, Какурин, будучи еще и начальником отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА, внес огромный вклад в изучение истории Гражданской войны. В 1920-е – начале 1930-х годов им был подготовлен и издан ряд фундаментальных трудов по этой теме, а также работ научно-популярного характера. Стоит отметить, что работа Какурина «Как сражалась революция» (М., 1925–1926. Т. 1–2) является до сих пор наиболее основательным обобщающим трудом по военной истории Гражданской войны, а книга «Война с белополяками» (М., 1925; 1930) – наиболее полным исследованием боевых действий советско-польской войны. Военно-научные труды в СССР создал и А.Г. Лигнау

Какурин по службе в 1920-е годы был тесно связан с крупными советскими военно-политическими деятелями М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевским. Кроме того, он был по академии однокашником будущего маршала Б.М. Шапошникова. Военспец обладал и родственными связями в советской военной элите – дочь бывшего генерала А.М. Зайончковского, Ольга, приходилась ему двоюродной сестрой. В качестве секретного осведомителя ОГПУ она почти десять лет доносила на своего кузена. Какурин был арестован в 1930 г. по делу «Весна», причем следователей интересовала компрометирующая информация на Тухачевского, в 1932 г. приговорен к десяти годам лишения свободы и умер в ярославском политизоляторе ОГПУ 29 июля 1936 г.

Однако репрессий не избежали ни сексоты, ни карьеристы-приспособленцы, ни несгибаемые противники режима, готовые на все вплоть до нелегальной борьбы. Пять бывших украинских генштабистов были расстреляны непосредственно в годы Гражданской войны. Известен случай расстрела в 1919 г. бывшего генерала М.В. Баскова, поступившего на службу в Красную армию и служившего начальником оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта, только за то, что он годом ранее имел неосторожность сфотографироваться с гетманом П.П. Скоропадским [10]⁴. Расстрелян был и генерал П.М. Баранов, взятый в плен на севере России в 1920 г., где он служил после перехода из гетманской армии. Генерал И.М. Васильченко был расстрелян в Крыму. В 1920 г. расстреляли генерала А.П. Ревизишина. Возможно, расстрелян был и генерал И.В. Свирчевский, захваченный в Крыму. Полковник С.Д. Григорьев был в мае 1921 г. арестован Омской ГубЧК за службу в армиях Скоропадского, Деникина и Колчака, а в июле того же года расстрелян.

⁴ Данные о судьбе Баскова в различных документах расходятся. По одним данным, он действительно был расстрелян Киевской ЧК в конце марта 1919 г. [3. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 39]. По другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красных [3. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38]. По всей видимости, сведения о расстреле все же соответствуют действительности. Во всяком случае, 23 августа (5 сентября) 1919 г. белыми в Киеве было выдано удостоверение вдове убитого большевиками Генштаба генерал-майора Баскова Вере Андреевне с сыном Борисом 14 лет и дочерьми Надеждой 13 лет и Верой 10 лет, которые отправлялись в Таганрог [3. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 361].

Последующие репрессии можно разделить на несколько волн. В начале 1930-х годов развернулось печально известное дело «Весна», которое в немалой степени затронуло бывших украинских генштабистов. По этому делу были расстреляны бывшие генералы Е.С. Гамченко, М.В. Лебедев, В.И. Стойкин, войсковые старшины А.И. Батрук, М.А. Завгородний [1. Т. 2513(2959). Л. 156об.], сотник К.Ф. Монигетти. Арестованы бывший генерал А.А. Рябинин, уже упомянутый полковник Н.Е. Какурин, войсковые старшины И.Г. Баковец, А.И. Вольский, В.М. Гуков, Н.А. Самойлов, сотник К.В. Толмачев. Многие из репрессированных до ареста состояли на преподавательской работе.

Положение оклеветанных военспецов было трагическим. Во время допроса бывший гетманский и петлюровский генерал М.В. Лебедев, считавший себя по происхождению украинцем, прямо заявил, отвергая обвинения в причастности к контрреволюционному подполью: «Чего бы я мог ожидать даже при успехе интервенции – только расстрела, как офицер Генерального штаба, 12 лет служивший в Красной армии и подготавливавший ее боеспособность» [1. Т. 2417(2852) Л. 34об.].

Интересна присутствующая в показаниях арестованных оценка (пусть вынужденная) периода их службы в украинских армиях. Так, А.И. Батрук показал, что «в то время у меня не было определенно установившейся политической установки, и я действовал под влиянием тех импульсов, почвой для которых была моя прошлая жизнь» [1. Т. 537(616). Л. 42об.]. Арестованные старались либо скрыть, либо приуменьшить свою службу в антибольшевистских армиях. Бывший украинский войсковой старшина Н.А. Самойлов, находившийся в 1918–1919 гг. в гетманской и петлюровской армиях, а затем до 1920 г. служивший на Белом Юге, в анкете отметил, что служил в Красной армии с мая 1918 г. [1. Т. 130(184) Л. 125об.]. Бывший украинский войсковой старшина А.И. Вольский, служивший в украинских войсках в 1918–1919 гг., заявил, что был только взят на воинский учет как генштабист, но из-за грудной жабы получил полугодичную отсрочку от службы, чем «избежал службы при Петлюре, к власти которого я чувствовал глубокое презрение» [1. Т. 678. Л. 18], после чего добровольно поступил в Красную армию. Генерал Е.С. Гамченко, не скрывая своей службы в армии УНР, заявил, что приехал на Украину из Германии якобы, чтобы дожидаться прихода советских войск и лишь вынужденно попал в украинскую армию [1. Т. 3099(953). Л. 71]. Бывший генерал М.В. Лебедев, служивший у гетмана, Петлюры и Деникина, свидетельствовал: «В 1917 году в сентябре заболел нервным расстройством, я был отпущен в Одессу, где и лечился. Не имея средств для содержания жены, я в 1918 году поступил в техническую мастерскую при Одесском университете токарем по металлу. Когда гетман запановал на Украине и немцы стали расправляться с крестьянами, я отозвался на зов Петлюры восстать против гетмана и поступил в его армию начальником штаба корпуса. Однако, когда выяснилось, что и Петлюра тоже борется с народом, я бежал из его армии на поезде в Одессу. Как только туда пришла Красная армия в феврале 1919 года, я добровольно пошел в штаб 3-й Красной армии, где и просил какую угодно должность. Желая использовать меня как спеца, меня назначили в штаб армии начальником административного отдела» [1. Т. 2417(2852). Л. 30]. Следует учитывать, что это машинописный вариант показаний, содержащий значительные пропуски и искажения в сравнении с рукописным. В последнем Лебедев отметил, что обратился к своему старому знакомому, начальнику штаба Петлюры генералу А.В. Осецкому и в ноябре 1918 г. с его помощью устроился начальником штаба Винницкого корпуса. Позднее, разочаровавшись в Петлюре, бежал из Жмеринки в Одессу.

Откровенные показания дал Н.Е. Какурин. Он отметил, что с началом революционных событий не знал, к кому присоединиться, зачислился в какой-то ко-

миссариат, «чтобы не оказаться нетчиком⁵ или дезертиром» [1. Т. 54(72). Л. 20], в период наступления красных на Киев в январе 1918 г. «отсиживался дома в штатском [...] не скрою, что приход армии Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение» [1. Т. 54(72). Л. 20–20об.]. Украинское движение, наоборот, произвело на офицера впечатление народного, к которому он и присоединился: «Страх перед большевиками был и территориально был привязан к Киеву (семья), и ни на Дон, ни к добровольцам твердо решил носу не совать. Политическое развитие шло у меня постепенно, как я уже сказал, начал думать, что украинское движение в оформлении и возглавлении тогда Рады и представляет какое-то народное движение. Правда, Рада выбросила лозунг самостоятельности, но мыслилось, что в конце концов этот лозунг отживет, как одно из конъюнктурных исторических явлений, мыслилось, что и Советская Россия как-то трансформируется – возникнет из всего хаоса какая-то общедемократическая власть. Поэтому, когда мне предложил А.В. Сливинский (которого я до того времени не знал) и подполковник Румянцев вступить на службу, я не отказался, при условии, что работать буду не на боевом или оперативном фронте, а на такой работе, которая избавит меня от необходимости участвовать в войне между братскими народами, к которой тогда у меня было сильное отвращение еще даже подсознательное. Было и другое соображение. Мыслилось, что при отказе всех от службы, насадят туда немцев, и тогда уже слияние двух братских ветвей пойдет труднее, а здесь при условии, что мы займем места на службе, быть может, косвенно, мы будем служить будущему объединению различных кусков некогда общего тела и быть может этот процесс пойдет глаже. Но, повторяю, что все это рисовалось как бы в тумане тогда. Я считал лично, что для России вообще особого вреда от этой работы, а именно на должности 2-го квартирмейстера, которую мне дали, быть не может, так как никакой организации украинской армии украинскими или русскими руками немцы все равно сделать бы не позволили, а поэтому творчество штатов будущих частей, разработка их будущей дислокации, перевод и сочинение уставов, списки Ген[ерального] штаба и пр. – все это носило формы довольно невинного бумажного творчества. Наконец, было и третье – просто хотелось отсидеться на месте, разобраться в обстановке. Я не исключал, конечно, трудностей: придется делать известный компромисс в виде некоторого, быть может, контакта с немцами, но иного выхода не было. Ведь, если бы я не пошел, могла быть и просто альтернатива, что меня выгнали бы куда-нибудь из Киева. Этот мотив, конечно, тогда при мало развитом политическом сознании, конечно, где-то в подсознании давал себя очевидно знать [...] Я должен оговориться, что в то время это будущее восстановление целостности государственной территории представлялось мне еще и не в формах советской, но отнюдь и не в формах белогвардейской России и не в виде какой-либо хотя бы ограниченной монархии, а в виде демократического объединения федеративных и автономных республик и областей» [7. Т. 54(72). Л. 21–21об.].

Причины поступления в галицийскую армию в конце 1918 г. Какурин объяснил следующим образом: «Я выбрал противопольский фронт, который, главным образом, состоял из галицкой армии, так как Галичина объявила свою независимость тотчас после австрийской революции и частично этот фронт на своем правом фланге, на Вольни, должен был состоять из украинских войск. Поступая так, я считал, что этим своим действием я не приношу вреда ни будущим Украине, ни России, когда окончательно оформятся их отношения, потому что мыслилось мне, им все равно придется бороться с экспансией Польши на восток; толкали меня на

⁵ Нетчик – тот, кто находится в бегах.

этот шаг мои тогдашние патриотические побуждения. Кроме того, мне мыслилось, что Галичина со временем ходом истории будет приведена в единое русло будущей России» [1. Т. 54(72). Л. 25].

Вспоминая о переходе в Красную армию весной 1920 г., Какурин отмечал: «Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы называть советскими у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил по существу из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще из чисто патриотических убеждений» [1. Т. 54(72). Л. 27об.].⁶ Основным стремлением Какурина тогда было искупить вину за службу в украинских войсках и проявить себя на фронте советско-польской войны с лучшей стороны, причем военспец был поражен доверием, которое ему сразу оказали в Советской России.

Бывший генерал В.И. Стойкин указал в своей автобиографии: «Уехал в отпуск в г. Киев, где получил приказ о демобилизации армии и остался в г. Киеве. При приходе немцев и Центральной рады получил приглашение от военного министров. Жуковского занять место Главного начальника снабжения. При Гетманском перевороте оставался на этом месте недолгое время и был “усунут с посадки як не прихильний до Гетманской влади”⁷. Затем был приглашен фирмой “Товарищество внутренней и внешней торговли” на должность директора-распорядителя. При приходе Петлюры ликвидировал дела фирмы и поступил артистом на сцену. Играл на сцене около 9 месяцев в советских театрах. Приказом т. Троцкого был мобилизован и отправлен сперва в Киев в штаб 12 армии, а затем в Юг[о]-зап[адный] фронт. Куда не доехал, так как попал к белым в плен у ст. Конотоп. Был 4 месяца под судом за службу в Красной армии. По оправдании направлен начальником связи в Галицийскую армию, где пробыл около 10 дней. По переходе Галицийской армии на сторону красных был со всей связью арестован и посажен в Одесскую тюрьму. После разбора моего дела Одесской Ч.К.а, был направлен в штаб 14 армии в распоряжение Командарма 14» [1. Т. 3065(1919). Л. 11–11об.].

В ходе следствия на арестованных оказывалось давление, применялись пытки. И.Г. Баковец в заявлениях на имя Генерального прокурора УССР, а также в Верховный суд СССР и Прокурору по делам ОГПУ впоследствии написал, что его сажали в одиночную камеру на голодный паек, на котором с 30 октября 1930 г. он находился два месяца и семь дней, угрожали расстрелом при отсутствии «раскаяния» и обещали освобождение в случае чистосердечного признания, а истощенного голодным пайком в январе без теплой одежды сажали в «холодный пункт», потом сажали в «жаркий пункт», в еще одном «пункте» слушатели высшей школы милиции пять суток избивали Баковца при малейшем шевелении или дремоте [1. Т. 1322(1151). Л. 114, 118, 119].

Баковец отмечал: «Тов. Мицул сам лично свел меня 9/1 1931 г. на “холодный пункт № 1”. Я был одет по-летнему и, имея от истощения нарывы, которые разбухли от холода, я не выдержал пункта, через двое суток попросил вызвать меня к следователю. Следов[атель] Мицул потребовал от меня немедленно написать “раскаяние”, иначе опять отправит на пункт. Идти на пункт я не мог и, находясь в безвыходном положении, я написал раскаяние в той форме, какую мне продиктовал тов. Мицул, и только после этого я был отправлен в Допр⁸. 11/1 [1931 г.] из Допра я послал следователю отказ от моего вынужденно-ложного показания.

⁶ Публикацию протоколов допросов Какурина см. в [11. 1999. № 1–2 (10–11)].

⁷ Устранен с должности как не приверженный гетманской власти.

⁸ Дом предварительного заключения.

13/1 я был вызван снова тов. Мицулом, который изорвал мое показание-отказ и потребовал подтвердить “раскаяние”, от чего я отказался и был отправлен на другой пункт. Я не вынес второго пункта и через несколько суток снова оклеветал себя, подтвердив первое раскаяние.

16/1 я был снова вызван на допрос. Тов. Мицул сказал, что в моем раскаянии “много воды” и потребовал переделать его; в этот раз тов. Мицул назвал меня “нач[альни]ком штаба к[онтр]р[еволюционной] организации” и требовал описания моей работы в этой должности. Я отказался от дальней[шей] клеветы на себя, сказав, что, если меня уж так нужно расстрелять, чем мне все время угрожает след[ователь] Мицул, то для этого достаточно моего первого раскаяния. После такого заявления тов. Мицул направил меня на пункт № 4, где я просидел четверо суток, а на пятые сам попросил вызвать меня для перевязки ран. И в этот раз я отказался развивать мое ложное показание и просил делать со мной, что угодно, только больше не мучить. Тогда тов. Мицул, крикнув: “Я сам буду настаивать на расстреле тебя”, отпустил меня и больше не вызывал» [1. Т. 1322(1151). Л. 114–114об.].

Некоторые бывшие офицеры прошли через несколько волн репрессий, были и такие, кто арестовывался в каждую из репрессивных кампаний. Например, И.Г. Баковец, арестовывавшийся в 1930 г. и в 1939 г., А.Г. Лигнау и А.А. Рябинин, арестовывавшиеся в 1931 г. и в 1937 г. Д.Н. Сокира-Яхонтов был арестован в 1933 г., сослан в Алма-Ату, а в 1937 г. снова арестован. Свою роль в репрессиях играли свидетельства бывших сослуживцев по украинским войскам. Так, например, на комбрига А.Г. Лигнау как на немецкого шпиона дал показания бывший австрийский генштабист майор В.В. Лобковиц, в прошлом офицер Украинской галицийской армии, позднее служивший в РККА [1. Т. 59(77). Л. 175] (подробнее см. в [12]). К сожалению, документы об этой волне репрессий почти не доступны для изучения.

Сильнее пострадали украинские генштабисты в ходе большого террора второй половины 1930-х годов. Тогда были расстреляны бывшие генералы А.Г. Лигнау, Н.П. Сапожников, М.В. Фастыковский, К.К. Шильдбах-Литовцев, войсковые старшины К.Ф. Боролич, С.Ф. Подгурский, сотники А.Х. Андерсон, Х.В. Гуртовенко, В.А. Куприянов, Умерли в заключении бывшие генералы А.А. Рябинин и Д.Н. Сокира-Яхонтов, полковник Н.Е. Какурин.

Наконец, еще одна волна репрессий была связана со Второй мировой войной. Восемь бывших украинских генштабистов были депортированы в СССР в период Второй мировой войны и после нее. Часть из них попала под аресты 1939–1940 гг. на присоединенных к СССР территориях Прибалтики и Западной Украины: бывший военный министр УНР генерал А.С. Галкин, полковник М.М. Лазаренко-Дедковский, подполковник А.И. Парв. Другая часть вывозилась в 1945 г. и позднее из освобожденных Красной армией стран Восточной и Центральной Европы: еще один бывший военный министр УНР генерал А.П. Греков, начальник Генштаба УНР генерал В.А. Синклер, генерал П.К. Ерошевич; полковники Н.Н. Краснов, А.Л. Мариюшкин, А.М. Шкеленко. Все депортированные были выпускниками довоенной академии. Участь многих из них оказалась печальной. Ко времени Второй мировой войны это были уже немолодые люди с расшатанным здоровьем. Генералу Галкину, например, в 1939 г. было уже 73 года, генералу Грекову ко времени ареста осенью 1948 г. шел семьдесят третий год, причем он был австрийским подданным (но, как оказалось, австрийское подданство он принял только в 1946 г., чтобы избежать депортации в СССР [13. Л. 81]). Сам Греков был удивлен тем, что его задержание произошло лишь на четвертый год советского присутствия в Австрии, причем за деятельность тридцатилетней давности [11. 2004. № 1/2(22/23). С. 191].

В ряде случаев депортированным инкриминировались реальное сотрудничество с нацистами и активная антисоветская деятельность. Генерал Греков был сторонником украинского национализма, что не скрывал от следователей. В частности, вспоминая о Гражданской войне, он прямо заявил, что не разделял идей большевизма и «в тот период я твердо решил вести борьбу против большевиков за создание самостоятельной соборной Украины» [13. Л. 34]. До 1922 г. он сотрудничал с польской разведкой, позднее написал несколько писем Гитлеру, где восхвалял нацизм, сотрудничал с украинскими и русскими эмигрантскими организациями – «Союзом младороссов», «Украинской громадой», занимался созданием организации «Украинское казачество», в годы Второй мировой войны был переводчиком на русский язык у венского бургомистра [13. Л. 64, 118, 122, 124, 214, 249]. Советская контрразведка работала скрупулезно – в частности, тщательно проверяла переписку Грекова. Для расследования его вывезли в Киев, где он был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, что в его случае было равносильно смертному приговору.

Еще одним депортированным по весомым причинам был полковник Н.Н. Краснов – племянник донского атамана П.Н. Краснова. В годы Гражданской войны он был зарегистрирован в армии П.П. Скоропадского, успел послужить у красных и у белых (подробнее см. в [14. С. 18–19]). В годы Второй мировой войны он и его сын активно сотрудничали с немцами и были выданы советским представителям в Лиенце в 1945 г., после чего попали в лагерь.

Однако среди депортированных были и те, кто явно не заслуживал под конец жизни таких мучений. Полковник Мариюшкин отбывал наказание вместе с А.И. Солженицыным, который написал о нем в книге «Архипелаг ГУЛАГ». По свидетельству Солженицына, Мариюшкина и других «арестовали в пяти минутах перед гробом, привезли в Москву за несколько тысяч километров и тут в 1945 году серьезнейшим способом провели следствие... об их борьбе против советской власти в 1919 году!... Что их сегодня обвиняли и судили – никак не доказывает их реальной виновности даже в прошлом, а лишь месть советского государства: за то, что они сопротивлялись коммунизму четверть столетия назад, хотя с тех пор тянули жизнь неустроенных бездомных изгнанников» [15. С. 191–192].

Выдержать бесчеловечные условия, высылку и скитания по тюрьмам и лагерям многие из депортированных не могли. В результате депортации из восьми офицеров умерли семеро. Генерал Галкин умер в ссылке в марте 1942 г. Генерал Ерошевич, полковники Краснов, Лазаренко-Дедковский и Мариюшкин скончались в концлагерях. Генерал Синклер умер в больнице Лукьяновской тюрьмы Киева. Подполковник Парв, арестованный в 1940 г. после присоединения Эстонии к СССР, умер в Верхнеуральске в 1949 г. Полковник Шкеленко даже не доехал до СССР, так как, будучи арестован контрразведкой СМЕРШ в Праге, скончался в 1946 г. в пересыльной тюрьме города Ратибор на территории Польши. Выжить удалось, несмотря на преклонный возраст и пребывание в тайшетских лагерях, только генералу Грекову, который пережил сталинский режим, вследствие ходатайств своей дочери и австрийского правительства был освобожден и вернулся в Австрию, где написал интереснейшие мемуары и скончался в конце 1959 г.

Репрессии сравнительно благополучно пережили и умерли своей смертью в СССР после Великой Отечественной войны лишь три ветерана украинских армий – бывшие войсковые старшины гетманской армии Д.А. Мансурадзе и Д.Р. Ветренко, сотник П.Т. Пархоменко. Однако это были немногие счастливые исключения. Судьбы десятков бывших генштабистов украинских армий, оставшихся на родине, до сих пор остаются неизвестными.

Эпопея ветеранов украинских армий Гражданской войны в Советской России и СССР ничем не отличалась от аналогичной эпопеи ветеранов белых армий, сдавшихся на милость победителей. В то же время массовый переход даже военной

элиты украинских армий на сторону белых, а затем красных и тот факт, что эти офицеры предпочли остаться в России, свидетельствует о ничтожном влиянии украинской национальной идеи в их среде, о том, что в значительной степени это по-прежнему были люди, сохранившие русскую идентичность, носители русской культуры и офицеры, лишь в силу стечения обстоятельств оказавшиеся борцами за независимую Украину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП.
2. Государственный архив РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197.
3. Российский государственный военный архив.
4. Юрий Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ. Документи і матеріали. Київ, 2011.
5. *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.
6. *Купцов И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.
7. *Голдин В.И.* Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
8. Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4.
9. *Ганин А.В.* Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10.
10. *Антонов-Овсеенко В.* Записки о гражданской войне. М., 1932. Т. 3. С. 296; *Фомин Ф.Т.* Записки старого чекиста. М., 1964. С. 39–42.
11. З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11).
12. *Алексеев М.А., Колтакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки 1918–1945 гг. М., 2012.
13. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф. 263. Оп. 1. Д. 62149.
14. *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.
15. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. М., 1991. Т. 1–2.

© 2013 г. Н.В. КОРОВИЦЫНА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

В сообщении анализируются данные социологических исследований общественной трансформации в Польше после 1989 г. с точки зрения социального положения достаточно многочисленных «проигравших» слоев населения. Рассматривается специфика современного общественного конфликта в стране.

The study deals with the data of recent sociological research on the social transformation in Poland after 1989 from the point of view of the social status quite numerous strata of «losers». It considers the specifics of the present-day social tension in the country.

Ключевые слова: польский капитализм, социальное неравенство, эгалитарные ориентации.

Поляки расходятся в оценках нынешней социальной реальности своей страны. Ее нельзя назвать ни неблагополучной, ни решительно позитивной. Приводятся данные: 21% населения страны считают, что приватизация – ключевой процесс общественной трансформации – оказала положительное воздействие на его жизнь, а 26% – отрицательное; 47% респондентов считают рыночную экономику лучшей экономической системой для Польши, решительно возражают им 42% опрошенных [1]. Поэтому некоторые исследователи процесса реформ («великой перемены»), как и часть политических деятелей, склонны оценивать посткоммунистическую Польшу в категориях политического, экономического и социального успеха. Другие же знатоки, а также оппозиционные политики говорят об упущенных возможностях нации и несправедливом распределении цены реформ. Их результат – обнищание огромной части общества, для которых «лучшее будущее уже прошло», и незаслуженное процветание «выигравших» от проведенных преобразований. Все эксперты по-своему правы. Оказалось, чем более безнадежно люди воспринимают свою ситуацию, тем очевиднее для них определение «выигравших» от реформ как «более равных по сравнению с остальными». Со временем оптимизм в оценках реформ угас, и на первый план в исследованиях системных перемен в Польше выступили их негативные стороны. Тема социального неравенства, глубокой дифференциации общества в результате социально-экономической и политической трансформации после 1989 г. нашла наиболее полное освещение в книгах, вышедших в последние годы в Институте политических исследований Польской академии наук (ИСП ПАН) (см. [2–6]). Разочарование политическими и экономическими реформами в стране, говорится в этих работах, тем больше, чем сильнее была надежда граждан на улучшение их жизни и позитивные перемены в человеческих судьбах в результате трансформации. Люди верили в лидеров

Коровицына Наталья Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

«Солидарности», ожидая от них реализации призывов к свободе, самоуправлению, справедливости и человеческому достоинству. Люди из бедных регионов теперь недоумевают: «Предполагалось, что наступит демократия, но у нас капитализм. И к чему это ведет?» – «Нет справедливости и нет работы» [2. S. 10].

Противоречиво оценивается польскими специалистами развитие страны в последние два десятилетия. Так, с началом стратегии радикальных реформ Польша относительно быстро вступила на путь экономического роста. Она была первой посткоммунистической страной региона, достигшей в 1996 г. прежнего уровня ВВП. В последние двадцать лет Польша сокращала разрыв с Западной Европой быстрее других стран региона. Однако экономический рост не гарантировал улучшения качества жизни большинства населения. Более того, уровень доходов польских домохозяйств в условиях ускоренного экономического роста демонстрировал наивысшую по сравнению с другими странами Центральной Европы поляризацию. Польша – одна из стран с самым большим в Европейском союзе неравенством доходов и самой большой концентрацией доходов, но в то же время одна из беднейших по душевому показателю ВВП. Потребуется, как прогнозируют, еще не менее двадцати лет, чтобы догнать западноевропейские страны по уровню ВВП на душу населения. В конце прошлого десятилетия процент относительно бедных (с доходами около 50% от средних и ниже) был в несколько раз выше, чем в других странах региона. Вместе с тем процент относительно богатых (с доходами в 200% от средних и выше) здесь идентичен чешскому и венгерскому, но выше, чем в восточной части Германии и Словакии [3. S. 191]. При этом польские авторы отмечают недостаток информации о социальных контрастах в доходах и больших экономических дистанциях, что, по их мнению, облегчает легитимизацию властью существующего порядка [2. S. 71, 73]. Огромная разница в доходах свидетельствует о слабости современного «общества среднего класса» в Польше, более близкого в этом отношении странам «периферийного капитализма» [2. S. 117].

Первый период общественного перехода в начале 1990-х годов отмечен резким ростом бедности и появлением массовой безработицы, которая стала интегральной частью польской социальной реальности. В 1995–1996 гг. эта негативная тенденция приостановилась, отмечалось сокращение бедности, но с 1997 г. она вновь начала постепенно расти. Около 2004–2005 гг. масштабы бедности стабилизировались и начали демонстрировать нисходящую тенденцию, особенно отчетливо проявившуюся в 2006 г. Однако характер бедности, как и безработицы, остался неизменным, устойчивым по отношению к мерам социальной политики. Исследования, проведенные в Польше в первые годы политических и экономических реформ после падения коммунизма, показали, что бедность в этой стране не всегда явление «поверхностное и временное». Нередко это глубоко укорененный и даже хронический процесс, сочетающийся с многосторонней депривацией (в состоянии материальной депривации живет треть польского населения).

Все исследования, проведенные в последнее десятилетие, демонстрируют низшие показатели бедности в крупных городах, тогда как наибольшее количество бедных людей живет в сельской местности, что отличает Польшу от развитых капиталистических стран, где бедность характерна главным образом для городских агломераций [2. S. 129]. Сельские семьи имеют более низкие, чем в городе, денежные доходы, которые не могут компенсировать преимущества ведения натурального хозяйства. Чрезвычайная бедность в селах в 2009 г. составляла 9,2%. Долгие годы одной из наиболее болезненных социальных и экономических проблем в сельских районах остается безработица и бедность в связи с закрытием государственных хозяйств, сопровождающимся низкой производительностью мелких ферм. «Скрытая безработица» сочетается в селах с низким уровнем образования

населения и отсутствием перспектив для молодежи. Тяжелое положение села – не только финансовое, но также социальное и культурное – заставляет некоторых авторов называть его «другой Польшей» [3. S. 62–63].

Выразительная черта бедности в нынешней Польше – ее распространение на детей и молодежь. Вероятность бедности повышается с количеством детей в семье. В 2009 г. 21,3% людей из больших семей (с четырьмя и более детьми) жили ниже уровня прожиточного минимума. Уровень бедности больших семей в четыре раза выше, чем населения в целом. Но в Польше есть такие анклавы бедности – например в г. Лодзь, – где она характерна для детей из всех типов семей, в том числе малодетных. Уровень безработицы среди молодежи вдвое выше, чем населения в целом. К тому же феномены, получившие в науке названия «травма великой перемены» и «культура неопределенности», влияют на молодежь в гораздо большей степени, чем на других членов общества. Исследователи используют понятия аномии или апатии для описания состояния молодых людей. Вхождение во взрослую жизнь может быть очень трудным процессом для молодежи в Польше. Поэтому помощь, предоставляемая старшим поколением молодым в несколько раз больше, чем помощь самого молодого поколения родителям. Подобная асимметрия межпоколенческих отношений является характерной чертой жизни польских семей. Она указывает на то, какие возрастные группы в большей степени принадлежат к нуждающимся. Для польской молодежи подходит определение «поколение неравных возможностей» [3. S. 72].

В центре внимания исследователей ИСП ПАН находятся исторические судьбы польских фермеров и рабочего класса, составлявших до 1989 г. социальную основу прежнего общества. Значительное снижение численности фермеров началось относительно недавно, во время перехода от социализма к свободному рынку, особенно в его первые годы. Спад продолжился и в первом десятилетии XXI ст. и интенсифицировался после вступления Польши в Евросоюз в 2004 г. Среди фермеров высок уровень межпоколенческой преемственности, когда социальный статус передается от отца к сыну. У восьми из десяти фермеров отец также был фермером. Барьеры мобильности, отделяющие фермеров от других сегментов общества, обозначились еще в 1980-е годы. Социальная замкнутость этой социальной группы усиливается ее брачной гомогенностью: в 2002 г. у 73% фермеров жены были из той же группы населения [3. S. 155].

Польские фермеры занимают низшие позиции среди всех социально-профессиональных групп по уровню доходов, заработков и накоплений несмотря на улучшение их объективного экономического статуса. Культурный разрыв между «аграрными категориями» и интеллектуалами и менеджерами, по оценке специалистов, больше, чем в финансово-экономической сфере. Ресурсы человеческого капитала фермеров гораздо ниже средних для польского общества в целом и ниже средних для сельской местности.

Общий низкий уровень образования означает меньшую интеллектуальную гибкость – фактор особенно важный при адаптации к быстро изменяющемуся миру. Как показали более ранние работы специалистов ИСП ПАН, недостаток образования ведет к отсутствию «когнитивного предпринимательского духа», предопределяющего жизненную мобильность и активность человека [4]. Социокультурный портрет современных польских фермеров оказался достаточно мрачным. Горизонт их потребностей и устремлений, по оценке исследователей, не превышает минимального уровня социальной безопасности. Они обладают более высоким по сравнению с другими социoproфессиональными группами уровнем авторитаризма. Представители этой группы характеризуются недоверием, консерватизмом, склонны к предрассудкам. Многие из этих людей, до недавнего времени «кормивших и защищавших», несчастливы, демонстрируют признаки депрессии и даже суицидальные наклонности [3. S. 167].

В последнее десятилетие социализма многие эксперты в Польше рассуждали на тему о том, примет ли общество, особенно его рабочий класс, рыночную экономику, предполагавшую закрытие многих крупных предприятий, созданных в период социализма. Звучали опасения, что трудности рыночной экономики вызовут общественное сопротивление и заблокируют процесс реформирования страны.

Действительно, пишут сейчас польские авторы, рабочий класс и главным образом важнейший сегмент этого класса – занятые на крупных предприятиях, уже в первую фазу общественной трансформации стали ее главными «проигравшими». Это нашло выражение в росте численности безработных и трансфере людей из основного на периферийный рынок труда. Исторический парадокс – класс, бывший основой прежней системы, веривший в свою руководящую роль и надеявшийся получить от инспирированной им резкой смены строя то, что действительно заслуживает, больше всего от нее потерял. Сами рабочие не могли найти рациональное объяснение случившегося [5. S. 29–30]. Однако, хотя смена системы и введение рыночной экономики потребовали, прежде всего от рабочего класса, высокой социальной цены, фактически оппозиция со стороны рабочих была небольшой, и наемные работники воздержались от блокирования реформ.

Многие исследования начала 1980-х годов – периода так называемой первой «Солидарности» – показывали, что поляки хотели «хорошей» социэкономической системы. Она должна была бы сочетать черты рыночной экономики, оценивавшиеся позитивно, и элементы социалистической системы, также воспринимавшиеся как положительные, особенно эгалитаризм и социальные гарантии. Одновременно социологи обнаружили значительную общественную поддержку принципа соревновательности – столь внушительную, что он даже получил название «мифа соревновательности». Вместе с тем понятие «социализм» (в противовес «коммунизму») вызывало позитивные ассоциации большинства людей. Высоко оценивались идеи «коллективной собственности» и рабочего самоуправления.

Введение военного положения повлекло некоторые сдвиги в общественном мнении. Поддержка крайнего эгалитаризма «равных желудков» сократилась, хотя умеренный эгалитаризм все еще активно приветствовался, принятие социализма уменьшилось, а поддержка частной собственности в экономике возросла.

Современные авторы задаются вопросом: как случилось, что в 1990 г. польский народ не наложил вето на реформы, проводимые Л. Бальцеровичем? Отвечая на этот вопрос, они приходят к заключению, что общественное одобрение было ключевым фактором успеха польской трансформации. В начале 1990-х годов – критический период польского перехода – социально-экономические взгляды польского населения по ряду важных вопросов отличались от их взглядов середины 1980-х годов, что и сделало возможным переход.

Выделяют две группы рабочих, составлявшие противоположные стороны социально-политического спектра в решающие годы общественного перехода [3. S. 173–174]. Первая – традиционалисты и эгалитаристы «советского типа» – поддерживала централизованное планирование и командно-административную систему: государство, по их мнению, должно было регулировать зарплаты, производство и занятость, обеспечивать социальное равенство. Приватизация ими однозначно отрицалась. Это отношение было непоследовательно: его сторонники поддерживали принцип соревновательности. К данной группе принадлежала треть рабочих. Противовес им составлял небольшой процент (5%) людей с либеральными взглядами, безусловно принимавших свободный рынок и трудности, которые он нес обществу, веривших в необходимость приватизации государственных предприятий.

Третья и основная группа, главная для польских реформ, включала 60% рабочих. Ее образовывали сторонники умеренной, «безопасной» или «дружественной» рыночной экономики. Взгляды этой группы характеризовались специфической

амбивалентностью. Сторонники ее верили, что государственную собственность в экономике необходимо ограничить, но государство должно присутствовать в народном хозяйстве. Централизованное планирование отрицалось: государство не должно управлять бизнесом или определять заработки и цены. Данная группа не принимала безработицы, считая, что все желающие должны иметь работу. В целом эти люди поддерживали рыночную экономику, хотя и с большими оговорками: такой подход получил название «ограниченного принятия» и предопределил специфическую черту переходного периода 1980–1990-х годов – непоследовательное отношение к переменам, когда две трети работников хотело рыночной экономики «с человеческим лицом».

Рабочее, особенно высококвалифицированное, сообщество накануне перемен состояло из относительно благополучных групп, в ценностном и многих других отношениях напоминающих средний класс как результат «обуржуазивания рабочего класса», амбивалентного и прагматичного по отношению к существующей социополитической системе. Они принимали «польский капитализм», отвергая «польских капиталистов». Частный предприниматель находил у них поддержку, только если он был не слишком богатым [6. S. 101–103].

В польской литературе введено понятие приватизационного диссонанса: рабочие в целом одобряли приватизацию государственных предприятий на основе польского капитала, но только не на тех предприятиях, где они сами работали. Поддержка денационализации предприятий возросла в 1991–1995 гг., сопровождаясь низким уровнем готовности людей работать в частных компаниях. Это был один из факторов снижения и даже исчезновения рабочей солидарности, как и готовности участвовать в массовых акциях.

Таким образом, с течением времени сложилось деление работающих поляков на «выигравших» (преимущественно частные собственники) и «динамичных индивидов» (хорошо образованные профессионалы в крупных корпорациях), с одной стороны, и «традиционалистов» (адаптировавшиеся квалифицированные рабочие) и «проигравших» (преимущественно неквалифицированные рабочие – не более 20%), с другой.

Даже группы с высоким финансовым положением считают нынешнее экономическое неравенство в Польше чрезмерным.

Польских авторов беспокоит и другая тенденция: люди верят в существование конфликта между правителями и управляемыми, даже более драматически, между институтами парламентской демократии (парламентом и правительством) и обществом. Процент польских граждан, высказывающих подобное мнение, гораздо больше, чем в других странах. Исследователи ИСП ПАН объясняют сложившееся положение недостаточным развитием гражданского общества в Польше.

В последние годы отношение к демократии как ценности в Польше практически не менялось. Социологи констатируют, что результаты исследований 2001, 2005 и 2007 гг. мало отличались от данных 1999 г. Ранее предполагалось, что с ростом уровня образования и сменой поколений поддержка демократии будет возрастать. Этого, однако, не происходит. Регистрируется отсутствие существенного различия в этом отношении между молодежью (до 29 лет) и людьми старшего возраста. А поддержка тезиса «демократия предпочтительнее любого другого режима» в 1992–2004 гг. колебалась в промежутке 31–40%, что меньше по сравнению не только со странами Запада (65–93%), но также и Латинской Америки (в 2004 г. Мексика – 53%, Аргентина – 64%, Чили – 57%, Уругвай – 78%) [7. S. 490].

Лишь 3% взрослых поляков сообщают о членстве или участии в деятельности партии или ассоциации политического характера, что признается одним из признаков выраженной политической апатии населения [2. S. 305]. По оценке специалистов, доверие к политическим партиям в Польше намного меньше, чем в других посткоммунистических странах, как и к остальным государственным

институциям – полиция составляет исключение, – а также к политикам. Участие в парламентских выборах с начала 1990-х годов в Польше на 10–15 пунктов ниже, чем в Чехии, Словакии, Венгрии, Латвии.

Общественная жизнь, делается вывод в современных исследованиях, переживает регресс не только в сравнении с активностью поляков времен «Солидарности», но и последним десятилетием [2. S. 314]. Социальная активность снижается в условиях доминирования потребительства, индивидуализма, ориентации на успех, прежде всего материальный, а также под влиянием массовых миграций за заработками, главным образом людей молодых и образованных. Открытие европейских рынков труда для польских граждан в 2004 г. называют подлинно революционной переменной [7. S. 504].

В целом, коллективное сознание поляков характеризуется как демонстрирующее признаки амбивалентности и антиномии: неодобрение богатых, сопровождающееся принятием частных работодателей; поддержка эффективности и соревновательности при чрезвычайной популярности идеалов социального эгалитаризма; декларации о наиболее серьезном социальном конфликте между властью и обществом, сочетающиеся с неспособностью создать механизмы социального контроля над властью.

Некоторые исследователи считают, что работающие поляки, включая рабочих, не принимают капитализм или принимают капитализм как таковой, но не его польский вариант. Другие придерживаются мнения, что польский народ отвергает лишь многие политические и социальные аспекты ситуации в стране, считая предпочтительной неокорпоративную модель скоординированной рыночной экономики, скорее эгалитарной, близкой скандинавским странам, с доминированием малых и средних предприятий [2. S. 222].

По результатам социологических опросов, простые люди в Польше чувствуют возрастающее удовлетворение от членства их страны в ЕС. Вместе с тем польские – и в целом восточноевропейские, в отличие от западноевропейских, – политические элиты становятся все большими евроскептиками, не видя преимуществ евроинтеграции, ни коллективных, ни индивидуальных. Специфически польским явлением признается феномен разделенных элит и разделенного общества: различное отношение к европейской интеграции характерно не только для элит, с одной стороны, и общества – с другой, но и внутри этих структур, что раскололо общество в последние годы на две части, состоящие из «настоящих поляков», считающихся патриотами, и «либералов», обвиняемых в отсутствии морального стержня. В свою очередь, либеральный лагерь исключает консерваторов и их сторонников из сообщества «подлинных европейцев», ориентированных на «цивилизованный» Запад [8. S. 104]. Поэтому отношение к евроинтеграции было и остается важной детерминантой в конкурирующих подходах к внутренним и международным делам. Диспут по поводу собственной идентичности доминирует в стране над диспутом по поводу Европы. Вовлеченность Польши в дела ЕС, заключают специалисты ИСП ПАН, еще долгое время будет обусловлена национальной политикой и внутривнутриполитическими разногласиями [3. S. 232–233].

Двадцатилетие – достаточно продолжительный период для изменения форм собственности, институциональной, политической и экономической среды, но слишком короткий для существенных культурных сдвигов. Так, современная Польша – одна из стран с чрезвычайно динамичным уровнем образования. Численность учащихся вузов возросла здесь за 20 лет с 400 тыс. до 2 млн чел., случился подлинный образовательный бум. Рост ценности образования, особенно высшего, считают в стране одним из важнейших эффектов трансформации. Однако нынешняя образовательная политика ведет к воспроизводству социального неравенства. Низкий социальный статус и неблагоприятные образовательные, экономические и культурные стандарты семьи строго ограничивают образовательные возмож-

ности детей, привязывая их к тому же социальному классу, к которому относятся и родители. Шансы на восходящую мобильность, как правило, иллюзорны [5. S. 105]. Выходцы из наиболее обеспеченных семей получают высшее образование в десять раз чаще молодежи из бедных семей, существующих на уровне ниже прожиточного минимума [6. S. 145].

Анализируя региональные различия в уровне образования, польские авторы пришли к выводу, что старые линии деления городских и сельских территорий уступили место делению на крупные города и остальную страну. Первые превратились в ключевые образовательные центры и рынки труда для высококвалифицированной рабочей силы. Таким образом, люди разного социального происхождения, места жительства и уровня доходов обладают неравными возможностями, предопределяющими условия их вступления во взрослую жизнь. Специалисты выражают обеспокоенность по поводу того, что образовательное неравенство ведет к закреплению социальной структуры, общество теряет черты открытости, а это затрудняет присоединение Польши к европейской группе просвещенных и модернизированных обществ.

При этом образование в польском обществе как обществе меритократическом считается наиболее ценным, даже среди самых бедных слоев населения. На образование детей бедные тратят значительную долю – 10% семейного бюджета, не удовлетворяющего базисные потребности [5. S. 136–137].

Но резкий рост количества учащихся вузов сопровождается отчетливым снижением качества образования – в средней и высшей школе, особенно в частных вузах, за счет которых в основном и шел рост численности студенчества. Но именно в них обучаются преимущественно дети из низших слоев общества. Их учеба финансируется всей семьей часто за счет основных жизненных потребностей. Однако в частных вузах стандарты образования ниже, чем в государственных. В результате студенты из бедных семей оказываются обманутыми дважды: они платят за то, что не обеспечивает получение конкурентоспособной квалификации [9]. Вместе с тем чувство несправедливости, вызванное неспособностью достичь определенных социальных позиций при социализме, провозглашавшем социальное равенство, было сильнее, чем после его падения. Последнему, напоминают поляки, в немалой степени способствовало разочарование в возможностях достижения желаемых профессиональных позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Szczepański M.S., Śliz A.* The transition from socialist to a market economy. Privatization: the point of view of the Polish society // Polish sociological review. 2010. № 2.
2. *Polacy równi i równiejsi.* Warszawa, 2010.
3. *Poland and its people in united Europe.* Warszawa, 2011.
4. *Mach B.W.* Transformacja ustrojowa a mentalne dziedzictwo socjalizmu. Warszawa, 1998.
5. *Jarosław M.* Władza. Przywileje. Korupcja. Warszawa, 2004.
6. *Wykluczeni.* Wymiar społeczny, materialny i etniczny. Warszawa, 2008.
7. *Szawiel T.* Democratic consolidation in Poland: support for democracy, civil society and the party system // Polish sociological review. 2009. № 4.
8. *Zarycki T.* From soviet to a western-dominated political scene. The geopolitical context of politics in Poland // Cultural transformations after communism: Central and Eastern Europe in focus. Lund, 2011.
9. *Domański H.* Nowe ogniwa nierówności edukacyjnych w Polsce // Studia socjologiczne. 2010. № 1.

М. СМОЛЬЯНИНОВА. Васил Друмев (Митрополит Климент).
София, 2012. 438 с.

Первый раз пишу свои впечатления об изданной в Софии книге Марины Геннадиевны Смольяниновой, давно известной литературоведческими трудами, связанными с болгарским возрождением, и заслуженно отмеченной рядом болгарских наград, в том числе орденом «Марин Дринов». Однако, пожалуй, лучшей, по моему мнению, наградой служит востребованность ее трудов читателями, не только в России, но и в самой Болгарии.

Прямым подтверждением этого и является вышеназванная книга, включившая в себя два труда М.Г. Смольяниновой, изданные ранее: «Творчество Василя Друмева и становление болгарской национальной литературы» (София, 1987 г.) и «Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали» (София, 2005 г.). Обе книги давно исчезли с прилавков книжных магазинов, но не пропала потребность в них. Именно поэтому и была предпринята новая публикация, включившая в себя оба труда, и изданная под грифом Института литературы БАН и Института славяноведения РАН.

Структура книги определяется ее содержанием. К труду предпосланы несколько страниц профессора Р. Дамяновой о самой книге и ее авторе, исследовательнице культуры болгарского возрождения, открывшей «магию литературного факта». Имеется и авторское введение, в котором приводится история появления настоящей книги.

Нужно добавить, что добротные комментарии и справочный аппарат написаны болгарским коллегой М.Г. Смольяниновой К. Михайловым, сотрудником Института литературы БАН.

Для меня, имеющего весьма относительное представление о литераторе Василе Друмеве, очень интересно было чтение первой части книги, основательно, как подчеркивает автор, переработанной и дополненной по сравнению с предшествующим изданием. На полутора сотнях страниц освещаются и анализируются сюжеты, связанные с общественно-культурной и литературно-критической деятельностью В. Друмева и его ролью в становлении национальной художественной прозы, в формировании драматургии на примере пьесы «Иванко, убийца Асена I». Текст о прозаике Друмеве подается не в узко национальных рамках, а на фоне и в связи с литературными европейскими течениями тогдашнего времени, прежде всего, романтизма, которому отдали дань многие европейские писатели. Можно сказать и несколько по-другому: портрет Друмева подается в «интерьере» европейской литературы, входит в ее контекст. Причем это не застывшее в традиционно-штампованных формах творчество, а живое трепетание чувства, рождающее и сейчас споры, дискуссии в литературоведческих кругах.

Позволю себе только небольшую ремарку: при чтении текста возникает иногда ощущение, что литературоведческие «отступления» заслоняют фигуру самого героя.

Но что мне представляется весьма спорным, так это строки автора о «возникновении капитализма» в эпоху болгарского возрождения, о «развитии буржуазного уклада». Думается, что для крестьянской страны, только начинающей свой путь освобождения из-под османского владыче-

ства, такие фразы преждевременны. Хотя понимаю, что всем хотелось в Европу, в общий поток развития капитализма.

Раздел написан с любовью к герою, обрисована его биография, не та сухая, стандартная, а, по возможности, живая, рисующая Васила Друмева в разных ипостасях. Это писатель, церковный иерарх, педагог, воспитатель, мастер гомилетики, обличавший зло в его самых разных формах, как, например, невежество, государственный деятель – премьер-министр и министр просвещения в 1879–1880 гг., критик порядков времени правления князя Фердинанда и Ст. Стамболова.

Страницы его книги возникает личность просветителя, борца за обретение церковной независимости, болгарской свободы, рисуется русский воспитанник, сохранивший любовь к России и пострадавший за нее (был объявлен «русским шпионом» и осужден в 1893 г. на вечное заточение в монастыре. Освобожден в 1894 г. после падения режима Ст. Стамболова).

Страницы его жизни так ярки, что даже странно отсутствие романа о болгарском великане, каким является Васил Друмев.

Но, может быть, все еще впереди, и настоящая книга послужит будущему писателю своими документальными материалами, поданными в «Приложении» и составляющими вторую часть настоящего труда.

Сразу скажу, что их можно условно разделить на «интересные» и «неинтересные». К первым следует отнести обнаруженные автором книги протоколы силистренской общины, написанные или подписанные владыкой в качестве ее председателя. Эти бумаги, например различные прошения, интересны тем, что в них рисуются страницы болгарской жизни, взятые из нее самой. И, разумеется, наибольший интерес вызывают документы, из которых подробно видна позиция самого владыки, его отношение по тому или иному обсуждаемому вопросу, например, по делам, связанным с народным просвещением. И, вне всякого сомнения, читается «с интересом» речь

владыки, произнесенная в Русуке 24 февраля 1878 г. при встрече русских воинов-освободителей.

Найденный М.Г. Смольяниновой «Исходящий дневник писем и телеграмм Ляскового Петро-Павловского духовного училища» за 1878–1882 гг., ректором которого был владыка, равным образом является превосходным источником для тех, кто исследует просвещение в Болгарии, точнее, духовное образование.

По сравнению с двумя предшествующими первоклассными комплектами документов письма митрополита Климента к племяннику Петру Друмеву не так были интересны для меня. Их содержание связано с финансовой помощью своему родственнику, семейными новостями, советами и прочими «мелочами». Но для биографов жизни владыки, для исследователей болгарской семьи они могут представлять свою ценность.

А что же с «неинтересными» документами? Есть и такие среди вышеназванного «дневника». Это, в основном, различные финансовые бумаги, связанные с деньгами для учителей, со стипендиями, с отпуском бланков и др. Но, составляя неотъемлемую часть «дневника», и они содействуют формированию целостной картины жизни духовного училища и роли митрополита Климента.

Теперь немного о «блохах». Вернее, об одной. Все же следовало бы при публикации документов к каждому из них указывать «легенду». Общая «легенда» есть, но нет номеров страниц или листов, этого обязательного компонента археографической обработки.

Добавлю, что в издании представлены фото владыки и ряд фотодокументов.

И в заключение спешу поздравить Марину Геннадиевну Смольянинову с выходом труда и пожелать и дальше счастливых находок, памятуя о том, что если есть архивы, то будет и книга.

© 2013 г. *В.И. Косик*

Последните български владци в Македония. Съставител Лизбет Любенова. София, 2012. 430 с.

Последние болгарские владыки в Македонии

Говорят, что время лечит раны. Может быть, это и справедливо по отношению к отдельному человеку. Однако в истории все гораздо сложнее. Непростая, кровавая история балканских народов в борьбе за освобождение, за свою землю, за единоплеменников свидетельствует, что время здесь не может выступать лекарем. Оно лишь может притушить жар, но не погасить.

Ярчайшим подтверждением этого служит македонский вопрос. Ему посвящены сотни и тысячи трудов, однако он до сих пор не решен. Согласия можно достигнуть лишь внешне, слишком много македонский вопрос таит сложнейших препятствий, вздвигнутых и вздвигаемых балканскими государствами, для каждой из которых Македония «своя земля», где живет «свой народ».

Сейчас, когда отмечается столетие балканских войн, резко выросло количество публикаций, конференций, связанных с этим военным временем, которое должно было разрешить македонский вопрос.

И здесь свой очередной вклад внесла Л. Любенова, которая в результате архивных поисков составила и опубликовала солидный корпус различных документов, прежде всего писем к экзарху Иосифу I болгарских владык, возглавлявших в годы балканских войн епархии, образованные, в основном, в последней четверти XIX в., как например, Пелагонийская (Битольская) (1897).

Материал исключительной важности, вот только в заглавии все же следовало бы указать «в годы балканских войн». Так было бы точнее и полнее. Хотя тут же не премину заметить, что собственно публикацию предваряет небольшая статья Любеновой с гораздо более емким названием «Ликвидация болгарской культурной и религиозной идентичности в Македонии и Тракии в ходе балканских войн». Уже само название позволяет говорить, что в наше время, когда должна торжествовать «правильная история», делающая ставку на все положительное, что сближает народы, есть

исследователи, упорно придерживающиеся иной точки зрения на историю, как комплекс свидетельств, зачастую рассогласованных друг с другом, но позволяющих рисовать историю как «Гернику», а не «Примаверу», хотя и то и другое имеет место быть.

Теперь, собственно, о книге, вернее, о документах, позволяющих восстановить сложную картину военного времени, где были и «захватчики» и «освободители», действовавшие по принципу – «нам чужого не надо, но и свое не отдадим». И недавний освободитель становился хозяином на новых землях.

Итак, в публикации имеются документы, в которых рисуется положение в болгарских митрополиях, Кумановском и Тетовском архиерейских наместничествах, а также ряд других документов: письмо к болгарскому экзарху Иосифу I от болгар из Македонии, живущих в Царьграде, об унии; письмо-заявление к русскому дипломату в Софии А.В. Неклюдову от изгнанных из Македонии болгарских митрополитов, а также связанная с этим письмом информация в адрес экзарха Иосифа I.

Первый документ датируется 22 апреля 1913 г., последний – 22 сентября 1913 г., т.е. это в основном время Второй балканской или межсоюзнической войны. В книге встречаются и более ранние документы, например, от декабря 1912 г. (с. 48).

Основное содержание писем болгарских митрополитов и епископов, иных лиц духовного звания экзарху Иосифу I в Царьград, гражданских лиц сводится к описанию различных грабежей, притеснений, оскорблений, репрессалий, убийств, арестов и заключения в тюрьмы как болгарского духовенства, так и самого болгарского населения, прежде всего учительства, именитых граждан со стороны сербских властей, цель которых состояла в проведении политики «сербизации» (в частности, менялось окончание болгарских фамилий на сербское «ич») (с. 64), в принуждении населения отказаться от подчинения экзархистскому ведомству и признания

главенства сербской церкви, в очередном «освоении» несчастной Македонии, где новорожденным было приказано давать сербские имена (с. 33). Надо сказать, что чтение этих материалов позволяет в очередной раз уверить в правоте пословицы «старая вражда не ржавеет». Да и в наш, уже XXI, век болгаро-сербские отношения так и остались «отношениями», не поднявшись на другую, высокую ступень родства славянских народов. «Славянство есть, – писал его жестокий критик К. Н. Леонтьев, – славизма нет».

Не «забыты» и греки, которые как и болгары, проводили агитацию по «возвращению» болгар в греков (с. 75). Бывало, они угрожали им, что в случае неподчинения записать болгар в цыгане (с. 76). И при греках болгары сидели в салоницкой тюрьме за то, что «они родились болгарами и хотели такими и умирать» (с. 78). Принимались особые меры, против тех болгар, которые в прошлом помогали ВМРО, такие считались врагами греческих властей (с. 78). Судя по документам, греки действовали с не меньшей жестокостью по отношению к болгарам, проявлявшим самую малейшую степень самостоятельности, даже и без таковой. Здесь также хватало насилия, духовное лицо чистило арестантские нужники (с. 87), девицы были, как обыкновенно в истории происходит на протяжении тысячелетий, насилуваны, около пяти с половиной тысяч болгар помещены в концентрационный лагерь на о. Трикери (с. 92–99).

Откуда все это, можно задаться вопросом? Судя по высказыванию одного из греков, болгары чинили насилия над греческим духовенством, например, в Сересе (с. 123), держали в плену греческих владык (с. 124). Отсюда и можно вывести ту ненависть к болгарам. Собственно говоря, здесь действовало ветхозаветное правило: «око за око, зуб за зуб».

И, конечно, здесь надо учитывать историческую географию, уроки которой каждая сторона трактовала в свою пользу. Так, митрополит Борис Охридский писал 23 января 1913 г. экзарху Иосифу I, что «освободители», сербы, не желают признавать национальность «освобожденных», т.е. болгар. «Наши освободители, братья сербы» не склонны считаться с автономностью церковей и училищ. Владыка Борис полагал, что во всех «несправедливостях» повинны в немалой степени местные «сербоманы», которые «в силу старой традиции не испытывают большой приязни к болгарам-экзархистам» (с. 178). Однако после такого «мягкого вступления» митрополит перечислял ряд жестких мер, предпринимаемых сербскими властями по отношению к своим пасомым. В числе прочих стоит упоминание о действиях по «сербизации» болгарского населения (с. 178–186). Этой же теме посвящено его очередное письмо (10 сентября 1913 г.), в котором подробно излагается антиболгарская политика сербов (с. 190–215).

Немало страниц в материалах книги отведено изъятию церковного имущества сербскими военными и церковными властями, например, в монастыре «Пречистая» (с. 118), изгнанию болгарских иерархов со своих епархий и митрополий, например арестованного нишавского епископа Иллариона, дебрского митрополита Козмы (с. 128–129), охридского митрополита Бориса, вынужденного покинуть свою каноническую территорию (с. 190).

К «историям» о греко-сербско-болгарских «расчетах», от которых страдало население, можно добавить и сюжет о действиях турецких войск, которые при отступлении грабили, убивали, сжигали жилища болгарских, греческих крестьян (с. 150–151). Все это вызывало ответную реакцию. Так, греки предали огню все турецкие дома в некоторых селах (с. 151). Сталось что ненависть «объединяла» башибузуков и греков-селян для жестоких и диких расправ над болгарским населением (с. 166–167).

В документах встречаются и строки, связанные с именами русских дипломатов, в частности, консула в Салониках Беляева, благодаря помощи которого владыка Илларион и ряд других были отпущены на свободу (с. 125). Тут же надо упомянуть консула в Одрине С.А. Клименко, много сделавшего для облегчения участи болгар при осаде города (с. 160–161).

Замечу, что документы, связанные с осадой и взятием Одрина, могут быть полезны и историкам, исследующим положение многонационального городского населения (с. 156–160). Безусловный интерес для историка представляют страницы, содержание которых связано с организацией органов гражданского управления из представителей турецкого и болгарского населения в Битоли незадолго до взятия города болгарскими (с. 174–175).

Одним из последних документов является письмо от 18 июля 1913 г. македонских болгар, проживавших в Царьграде, экзарху Иосифу I. Излагая в нем все несчастья,

обрушившиеся на братьев в Македонии и подчеркивая равнодушие к происходящему императора православной России, авторы письма просили экзарха сделать все, что возможно для сохранения целостности и неразделенности болгарского народа. В случае же неудачи, подчеркивали они, «можно смело сказать, что славянство и православие – два суетных слова» и можно со «спокойной совестью» переходить в унию, которая защитит народ, язык, училища, церкви (с. 327–330).

Последующие события, связанные с революционными событиями и обретением русскими беженцами «второго дома» в Болгарии, показали, что «славянство и православие» не были списаны в архив истории.

Возвращаясь к самой книге, скажу, что ее содержание во многом однотипно, но это

не вина, а беда болгарского времени, даже больше – Балкан. Документы, как верно подчеркивает составитель труда, могут не всем понравиться. Но задача книги, по моему мнению, состоит и в том, чтобы вспомнить «невинные жертвы [...], поруганную честь у целого поколения людей, чей единственный грех был в том, что родились болгарами» (с. 13).

Скажу от себя, что национализм на Балканах всегда связан с войнами, со стремлением «исправить» историю, результаты которого продемонстрированы в книге.

Сборник богато иллюстрирован рядом ценных фотографий (свыше 170), снабжен географическим и именным указателями.

© 2013 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

Л.П. ЛАПТЕВА. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. 840 с.

Имя профессора Московского университета Людмилы Павловны Лаптевой хорошо известно не только отечественным историкам-славистам, но и зарубежным коллегам. Две ее последние монографии, представляющие по сути дела единый фундаментальный труд по истории славяноведения в России, превосходят все, что было ею создано ранее, и одновременно вызывают у каждого благодарного читателя неизбежные размышления как о путях развития всей гуманитарной отечественной науки, так и о драматических судьбах ее представителей, особенно в начале XX в. Этими размышлениями и вызваны мои заметки.

Начну с самого «объекта» исследования. На первый взгляд, кажется, что здесь все ясно. Термин «славяноведение» современный «Большой толковый словарь русского языка» (2002) определяет так: «Совокупность наук, изучающих историю, литературу, язык, фольклор, этнографию и т.п., а также памятники материальной и духовной культуры славян; славистика». Обращаю внимание на два момента в этом определении: среди «совокупности наук» на первое место поставлена история, а термин «славистика» рассматривается как синоним «славяноведения». Между тем надо при-

знать, что в очень многих странах кафедры славистики объединяют едва ли не исключительно специалистов по языкам и литературе (иногда шире – культуре) славянских народов. Более того: были периоды в истории европейской культуры, когда по вполне определенным причинам «разводили» по разным исследовательским институтам славистов-филологов и историков. Например, в Германии существовал «остфоршунг» (буквально: «изучение Востока»), в рамках которого шло исследование истории и культуры славянских народов, и «славистика», представители которой занимались филологическими проблемами. Вероятно, отнюдь не только национально-политические пристрастия способствовали «размежеванию» историков и филологов, но и логика развития самой науки: в XX в. и, тем более, в начале XXI в. только исключительные по широте своей эрудиции и таланту ученые (назову из ушедших С.С. Аверинцева, а из здравствующих – Вяч. Всев. Иванова) способны охватить исследовательским взором мировую культуру во всем ее многообразии. Поэтому вполне логичным выглядит и стремление Л.П. Лаптевой ограничить рассмотрение истории славяноведения в России преимущественно трудами ученых-

историков, поскольку, как она пишет, «славянское языкознание особая наука и имеет большое число специалистов» [1. С. 70]. Замечу, что автор рецензируемого издания часто выходит за эти «ограничительные рамки», и это оправдано, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, невозможно проследить в полной мере творческий путь того или иного слависта, не упоминая его исследования филологического характера; во-вторых, многие проблемы, особенно связанные со старославянской письменностью и культурой, в равной мере принадлежат филологической и исторической науке. Конечно, в каждом конкретном случае можно спорить о том, следовало ли столь подробно (или, напротив, бегло!) представлять работы, например, по польской или, тем более, русской литературе XIX в., но в целом ракурс исследования, избранный Л.П. Лаптевой, выглядит вполне обоснованным.

Теперь коснусь вопроса о структуре рецензируемого труда. Авторы обобщающих историографических работ обычно выбирают один из трех наиболее распространенных вариантов структуры исследования: в одних случаях ставят во главу угла теоретико-методологические принципы анализируемых научных сочинений, в других – предпочитают систематизировать материал по проблемам (труды по политической истории, социально-экономической, истории культуры и т.п.), наконец, в тех случаях, когда анализу подвергаются работы, посвященные истории разных народов (как в труде Л.П. Лаптевой), часто за основу берется так называемый страноведческий принцип. Л.П. Лаптева пошла, однако, иным путем. Она преимущественно структурирует материал, за исключением нескольких разделов общего характера, по университетам, в которых работали ученые, а внутри каждой главы выделяет параграфы, посвященные биографиям и творческой деятельности славистов. Такой подход, несомненно, имеет свои достоинства, но и определенные слабости. Мне лично как человеку, уже более десятка лет занимающемуся так называемым персональной историей (главным образом изучением биографий и творческого наследия немецких историков первой половины XX в.), подобный подход явно импонирует. Ведь труд Л.П. Лаптевой по сути дела и есть целая серия минибиографий о большинстве сколько-нибудь значимых российских славистов XIX – первой трети XX в.

Известное «коварство» подобной организации материала состоит, на мой взгляд, в том, что невольно малое внимание уделяется тем трудам по славянской истории, авторы которых преимущественно занимались либо западноевропейской, либо русской историей. Назову несколько хорошо известных имен: С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский, В.И. Герье, Д.Н. Егоров. Монографии В.И. Герье («Борьба за польский престол в 1733 г.») и С.М. Соловьева («История падения Польши»), вышедшие в начале 60-х годов XIX в., Л.П. Лаптева охарактеризовала в первом томе своего обобщающего труда всего в нескольких предложениях [2. С. 338–339], в то время как некоторым статьям и даже рецензиям (например, А.Л. Погодина или А.Н. Ясинского) уделено во много раз больше внимания. Как бы скептически ни относиться к работам Д.И. Иловайского, необходимо учитывать, что они востребованы нынешним историческим (или «околоисторическим») знанием, и уже по этой причине заслуживают тщательного анализа. Что касается научного творчества Д.Н. Егорова, то, по моему мнению, оно представляет собой, несмотря на явную дискуссионность его главного труда «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.», одну из вершин российской медиевистики начала XX в. В рецензируемом исследовании о Д.Н. Егорове говорится в двух разделах, но все же довольно бегло.

Кроме того, в самой трактовке славяноведения Л.П. Лаптева проявляет в известной мере сциентизм: за пределами ее анализа остаются работы тех авторов, которых можно охарактеризовать замечательным и неопределенным словом в русском языке – «мыслитель». К числу подобных мыслителей, несомненно, относятся Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Их книги – соответственно – «Россия и Европа» (1869) и «Восток, Россия и славянство» (Т. 1–2, 1885–1886), в которых (использую определение слависта М.П. Петровского) «весьма хорошо изложены взгляды чисто русских людей на славянство» (уточню, что эту характеристику М.П. Петровский дал указанной работе Н.Я. Данилевского и книге В.И. Ламанского «Об изучении славянского мира на Западе», но она, по моему мнению, может быть распространена и на труд К.Н. Леонтьева) (цит. по [2. С. 587]), вероятно, не оказали в конце XIX в. заметного воздействия на академическое славя-

новедение. Но в перспективе сегодняшнего дня эти книги, как бы к ним ни относиться, кажутся более значительными, чем исследования многих университетских профессоров того времени. Поэтому, на мой взгляд, следовало подробнее проанализировать хотя бы реакцию «профессионального цеха» славистов на выход в свет указанных сочинений.

Источниковая база труда Л.П. Лаптевой поражает своим разнообразием и фундаментальностью. Это не только опубликованные исследования российских славистов, включая литографированные лекционные курсы (по записям студентов), многочисленные рецензии и работы для более широкого читателя, но также отзывы и рецензии современников и последующих поколений ученых, причем не только отечественных, но и зарубежных. Например, анализируя научное творчество А.Н. Ясинского, Л.П. Лаптева приводит суждения его учителя Ф.Я. Фортинского, рецензии Р.Ю. Виппера и К.Я. Грота, мнения Н.В. Ястребова и Т.Д. Флоринского, переписку А.Н. Ясинского с чешскими коллегами Й. Калоусеком и А. Патерой, отклики Й. Пекаржа и К. Крофты, более поздние, уже после смерти Ясинского, оценки его трудов в исследованиях чешского медиевиста Фр. Грауса и советского историка Б.Т. Рубцова [1. С. 586–606]. Подобная «многомерность» суждений о творчестве того или иного слависта позволяет Л.П. Лаптевой избежать излишней субъективности в оценках вклада исследователей в науку.

Не меньшее восхищение читателя вызывает другое обстоятельство: количество и разнообразие архивного материала, использованного (и зачастую впервые введенного в научный оборот!) автором. Перечень архивов, материалы из которых привлечены Л.П. Лаптевой при создании труда, мог бы занять не одну страницу! И это не только московские и петербургские архивы, где чаще всего работают наши историографы, но и многие провинциальные архивы, а также архивохранилища ряда европейских стран. Л.П. Лаптева, например, указывает, что при изучении в течение нескольких десятков лет творческого пути профессора В.А. Францева (1867–1942), прожившего последние 20 лет своей жизни в Праге, были проанализированы «документы следующих архивов: LAPNP (Literarni Archiv Pamatauaiku narodniho pisemnosti. – В.С.), где хра-

нится фонд В.А. Францева, Министерства иностранных дел ЧСР (AMZV), Карлова университета (AUC), Министерства школ и народного просвещения Чехословацкой республики (AMS), Министерства юстиции Чехословакии (AMSP), Министерства внутренних дел Чехословакии (AMVV), Канцелярии президента республики (AKPR), Чехословацкой академии наук (ACSAV, f. KCSN, f. CAVU), Петербургского филиала архива Российской академии наук (ПФА РАН), Российского государственного исторического архива (РГИА), архива Матицы Словацкой в Мартине (AMSM)» [1. С. 290]. И подобные примеры не единичны!

При этом надо учитывать, что в одних случаях документы и материалы, позволяющие воссоздать биографию и научную деятельность ученого, сосредоточены преимущественно в одном архиве, а в других – подобного компактного фонда не существует, и тогда исследователю приходится собирать по крупицам документальные данные. Л.П. Лаптева сумела уточнить, а иногда и впервые установить многие конкретные биографические факты и события научной жизни славистов России. Она, в частности, пишет, что «в литературе о Лаврове (имеется в виду славист Петр Алексеевич Лавров. – В.С.), в том числе и справочной, допущено много фактических ошибок. Поэтому в настоящей монографии жизненный и творческий путь Лаврова – до ухода его из Московского университета – прослеживается по архивным документам» [1. С. 79]. Или, к примеру, в разделе, посвященном М.В. Бречкевичу (1870–1963), автор рецензируемой книги подчеркивает: «Все перечисленные работы о Бречкевиче, в том числе и самая подробная из них (очевидно, подразумевается статья А.Е. Москаленко, опубликованная в 1972 г. – В.С.), основаны на опубликованных материалах, а из архивных документов использованы лишь те, которые затрагивают жизнь и деятельность ученого в советский период. В данной же книге главное внимание уделено дореволюционному творчеству Бречкевича, которое реконструируется на основе документов Исторического архива Эстонии (ИАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Института русской литературы РАН (ОР ИРЛИ) и некоторых других» [1. С. 609].

Читая исследование Л.П. Лаптевой, я не раз ловил себя на мысли, что разделяю

многие положения обобщающего труда, что сам собирался об этом написать, но, как нетрудно догадаться, «я не написал, а вот Людмила Павловна написала». Назову несколько таких, на мой взгляд, очень важных положений. Прежде всего это критическое отношение автора к так называемой теории славянской взаимности. В самом начале книги Л.П. Лаптева отмечает: «На смену этой романтической концепции приходит реалистический взгляд, выраженный, например, в тезисе о том, что единственным фактором, который объединяет славян, является языковое родство. Остальное развитие славян происходило разными путями и под влиянием разных причин. Среди них учитываются климатические условия, в которых живет народ, взаимосвязь с соседними и другими народами, влияние последних на славян, войны против них и вообще условия жизни. Эти факторы формировали менталитет разных славянских народов, весьма отличный друг от друга. Религия как объединяющий фактор значения не имела» [1. С. 9]. Быть может, это суждение излишне категорично, и нельзя отрицать существования некоторых общих для славян социально-психологических «установок», но, действительно, судя по событиям последних десятилетий, языковая и, может быть, ментальная близость славянских народов не оказывают решающего влияния на их историческое развитие. Достаточно вспомнить распад Югославии, военный конфликт сербов и хорватов, разделение (к счастью, весьма цивилизованное) ранее единой Чехословакии, сложные, мягко говоря, отношения России с Польшей, Украиной и даже с Белоруссией. Общаясь со своими более молодыми коллегами, активно участвующими в международном научном сотрудничестве, я постоянно замечаю, что они с гораздо большей симпатией отзываются, допустим, о немцах и шведах, чем о поляках и украинцах. Какая уж тут «славянская взаимность»... И я вполне солидарен с Л.П. Лаптевой в том, что эта теория, существующая до настоящего времени, «эксплуатируется в политических целях» [1. С. 10].

Очень интересный материал собран автором и по вопросу университетской подготовки исследователей-славистов. Так, повествуя о будущем академике П.А. Лаврове, который «с самого раннего детства учился древним и новым языкам» (его отец был профессором богословия в Ярославском Демидовском лицее), Л.П. Лаптева

затем [1. С. 79–82] очень подробно излагает многочисленные факты, свидетельствующие о разносторонней подготовке будущего ученого. Наряду с обязательными дисциплинами, он дополнительно занимался римской историей у профессора В.И. Герье, а затем, воодушевленный борьбой за свободу южных славян, стал изучать сербский язык и по славяноведению избрал себе тему для кандидатского сочинения («Историко-литературный разбор Косовских былин»). Позже П.А. Лавров, и это явствует из приведенной в книге характеристики, данной ему профессором А.Л. Дювернуа, расширил свои научные интересы сопоставлением сербской поэзии с памятниками древнечешского языка и произведениями польских писателей XVI ст. К этому надо добавить, что к магистерскому экзамену по церковнославянскому языку П.А. Лавровым были прочитаны многие памятники древней славянской письменности и сверены с греческими оригиналами. Подобные примеры достаточно типичны. Как убедительно показывает на многих примерах едва ли не при характеристике всех славистов конца XIX – начала XX вв. Л.П. Лаптева, «приготовление к профессорскому званию» обычно включало и поездки за границу – как с учебными, так и собственно с научными (исследовательскими) целями. Заграничные командировки тщательно продумывались. В книге приводится фрагмент инструкции, составленной Ламанским перед поездкой Ястребова. Последний должен был «ознакомиться под руководством опытных ученых Австрийского исторического института со средневековой латинской палеографией и с новейшими историко-критическими исследованиями официальных (документальных) и летописных (также житий святых) источников средневековой истории славянских земель, вошедших в разное время в состав нынешней Австро-Венгерской монархии [...] Ознакомиться с живой речью южно- и северозападных славянских народностей, посетить их страны, войти в личные отношения с их писателями и учеными, ознакомиться с их городской и сельской жизнью, осмотреть тамошние музеи и библиотеки, соединяя по возможности изучение настоящего с изучением прошлого [...] Приготовить себе материалы для будущих научных работ» [1. С. 220–221]. Читаешь это и невольно хочется воскликнуть: «Какая обширная и замечательная программа!»

Реконструируя биографии и анализируя творческое наследие славистов, Л.П. Лаптева одновременно воссоздает общую картину развития славяноведения в России в конце XIX – начале XX в. Перед читателем ее обобщающего труда возникает образ *российского дореволюционного славяноведения*. Мне хотелось бы подчеркнуть в этом образе, по меньшей мере, три привлекательные черты: во-первых, исключительно солидную языковую подготовку будущих славистов, причем как в сфере древних языков, так и в сфере современных «живых» языков (и славянских, и западноевропейских). Во-вторых, поиск, изучение и публикацию неизвестных архивных материалов – и не только в архивах России, но и в архивах Германской, Австро-Венгерской, Османской империй, других европейских государств. В-третьих, достаточно обширные международные связи отечественных славистов, многие из которых постоянно обменивались со своими зарубежными коллегами и литературой, и научными идеями (Л.П. Лаптева приводит множество интересных фактов на этот счет).

Но автор рецензируемого труда не ограничилась анализом истории дореволюционного славяноведения. Л.П. Лаптева прослеживает судьбы славистов также в 20–30-е годы XX в. (а порой и позже). Надо заметить, что за последние два десятилетия вышло несколько серьезных исследований по этой проблематике [3]. Особенностью работы Л.П. Лаптевой является то, что она проанализировала творческий путь российских славистов как до революции 1917 г., так и после нее. И это сравнение убедительно показывает, какое пагубное влияние оказала большевистская революция не только на славяноведение (оно, можно сказать, было просто разгромлено, причем по «идейным» соображениям), но на развитие всех гуманитарных наук в нашей стране. Я уж не говорю о том, как печально читать о многочисленных фактах, свидетельствующих о драматических (часто – трагических) судьбах самих гуманитариев. Нельзя не согласиться с выводами Л.П. Лаптевой: «Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила ситуацию в стране. Установившийся новый политический режим объявил “буржуазную науку” отжившей, не соответствующей новой идеологии. Против славяноведения началась борьба, направленная на постепенное уничтожение недавно процветавшей науки. Кроме общих

причин негативного отношения к науке о славянах, у нового режима были еще и конкретные, касающиеся мировоззренческих, методологических и политических сфер» [1. С. 809].

Труд Л.П. Лаптевой, как и любое серьезное исследование, тем более обобщающего характера, вызывает желание обсудить не только отдельные вопросы, как это любят компетентно делать «узкие» специалисты, но и более общие проблемы развития исторической науки в целом и отечественного славяноведения – в частности. Автор рецензируемого труда нередко, подводя итог анализу творчества того или иного слависта, употребляет определение «прогрессивный». Так, о П.А. Ровинском Л.П. Лаптева пишет: «Этот ученый-славист, стоящий особняком в русском славяноведении, является прогрессивным представителем отечественной науки и составляет ее гордость» [1. С. 284]. Или: «Последний дореволюционный славист-филолог Казанского университета Н.М. Покровский принадлежал к представителям прогрессивных ученых либеральных общественно-политических взглядов, характерных для большинства русской профессуры начала XX в.» [1. С. 776]. Подобные высказывания позволяют предположить, что Л.П. Лаптева исходит из убеждения о существовании прогресса – как в самой науке, так и в обществе в целом.

Опыт конца XX – начала XXI в. свидетельствует о том, что многие методологические парадигмы и сам научный дискурс (употреблю модные понятия, которых так счастливо избегает в своем труде Людмила Павловна) предшествующих периодов развития исторического знания часто переосмысливается: то, что казалось «изжитым», вновь привлекает внимание, и, напротив, к якобы прогрессивным достижениям науки утрачивается всяческий интерес. Мне кажется, что развитие исторического знания не следует представлять в виде одной «магистральной», по которой «прогрессивные» ученые движутся вперед, а «реакционные» – возвращаются назад, на уже пройденные участки «магистральной». Историю науки я бы представил в виде множества «тропинок», которые то идут параллельно друг другу, то пересекаются, то вливаются в одну «магистраль», а затем вновь распадаются, порой на очень прерывистые, отрезки «пути». Даже в творчестве одного и того же исследователя можно заметить (и об этом неоднократно пишет

Л.П. Лаптева) и новые, и консервативные (или традиционные) элементы. Кроме того, очень трудно по принципу «прогрессивности» сопоставлять теоретико-методологические модели гуманитарного знания. К примеру, позитивизм и марксизм. Если учитывать, что главные работы основателей позитивизма О. Конта и Д.С. Милля вышли в 1842–1843 гг., то можно сказать, что марксизм сложился чуть позже. Но был ли он «прогрессивнее» позитивизма? Я не знаю однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, системный подход, типичный для марксистов, в целом является плодотворным для науки. Но, с другой стороны, если не игнорирование, то явно недостаточное внимание ко многим факторам в развитии общества позволяет говорить о том, что многие конкретные исследования историков позитивистского толка не только не уступают, но и во многом превосходят марксистские труды.

Л.П. Лаптева, как правило, противопоставляет ученых славянофильской ориентации (говоря шире – романтического направления) исследователям-позитивистам, подчеркивая, что именно последние находились на уровне европейской науки своего времени. Например, об академике М.К. Любавском Л.П. Лаптева пишет, что «в его подходе к истории обязательно должна быть отмечена позитивистская методология, для своего времени прогрессивная» [1. С. 140]. Раздел о творчестве А.Н. Ясинского Л.П. Лаптева завершает так: «О значении научного вклада А.Н. Ясинского свидетельствует тот факт, что враждебная по методологии советская историческая наука, ставившая во главу своей борьбы за марксистскую оценку исторического процесса полемику с позитивизмом, ярким представителем которого в русском историческом славяноведении является А.Н. Ясинский, широко использовала его материал и выводы» [1. С. 606]. С последним высказыванием Л.П. Лаптевой я не могу полностью согласиться. Думаю, что к позитивистам советская наука относилась более терпимо, порой даже отмечая некоторые их заслуги, чем, среди прочих, к сторонникам неокантианской методологии. Последних (например, австрийского медиевиста Альфонса Допша) принято было подвергать «сокрушительной» критике. Конечно, в отличие от позитивизма, очень распространенного в среде русских гуманитариев, неокантианство не успело

приобрести в России стольких приверженцев (как правило, новые западные теории приходили к нам с опозданием на 10–20 лет), поскольку «помешала» революция 1917 г. и все, что за ней последовало. Однако такие выдающиеся исследователи, как Д.М. Петрушевский и Д.Н. Егоров, явно испытали влияние неокантианства (или так называемого критического направления в медиевистике). Поэтому, на мой взгляд, считать, что и в первые десятилетия XX в. позитивизм оставался «прогрессивной» методологией будет не совсем точно. Более глубокое и, я бы заметил, тонкое отношение к источнику и более осторожное отношение к широким обобщениям, что отличало сторонников неокантианства, созвучно исканиям гуманитариев конца XX – начала XXI в.

Отмечу также два частных замечания. Не могу объяснить, чем вызвано то обстоятельство, что в огромной историографической работе Л.П. Лаптевой не нашлось места для специального раздела, посвященного Н.Н. Любавичу (есть лишь одно беглое упоминание на с. 446) (ему вообще не «везет»: хотя он уже в советское время (в 1924 г.) был избран членом-корреспондентом Академии наук, но его имени нет и в Советской исторической энциклопедии). А ведь с именем этого ученика И.В. Луцицкого, автора трудов по истории Реформации и Контрреформации в Польше, связана история Киевского, Варшавского и Ростовского университетов.

Кроме того, мне представляются не вполне заслуженными упреки Л.П. Лаптевой в адрес Ю.В. Готье. Справедливо констатируя, что «Октябрьскую революцию 1917 г. в России Ю.В. Готье встретил крайне враждебно» [1. С. 143], о чем свидетельствует его дневник, сохранный и изданный через 80 лет, Л.П. Лаптева подчеркивает, что «в то же время Готье относился к весьма прагматичным субъектам [...] Ю.В. Готье трезво оценивал ситуацию и, ненавидя наступивший режим, пошел на сотрудничество с ним. Инстинкт физического и общественного самосохранения оказался сильнее остальных доводов» [1. С. 144]. Полагаю, что нечто подобное можно предположить и в отношении почти всех остальных «буржуазных» ученых, оставшихся в Советской России. Но почему-то к другим, например, к тому же М.В. Бречкевичу [1. С. 608–609, 622–623], автор рецензируемого труда относится гораздо более снисходительно.

Высказанные выше замечания и размышления ни в какой мере не могут поколебать моего в высшей степени положительного мнения о труде Людмилы Павловны Лаптевой. К двум ее последним монографиям, представляющим части фундаментального исследования по истории славяноведения в России, будут обращаться в течение многих десятилетий не только специалисты по славянской истории и по истории исторической науки в России, но и все, кого волнует прошлое славян, его трактовка в разные исторические эпохи, наконец, те, кому не безразличны драматические судьбы творческой интеллигенции в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
2. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
3. *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело слависов». 30-е годы. М., 1994; *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006.

© 2013 г. В.С. Савчук

К ПОРТРЕТАМ ЮБИЛЯРА: ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА НИКОЛАЕВА

Я хочу познакомить читателей с несколькими портретами Татьяны Михайловны Николаевой, каждый из которых говорит об этапах ее восхождения к вершинам науки о языке и текстах. Из многодесятилетних воспоминаний поделюсь с вами теми, которые объясняют отчасти, почему юбилей Татьяны Михайловны так существенно значим для всех, имеющих касательство к отечественной филологии.

Прежде чем обогатить эту науку своими достижениями, она поражала нас быстротой усвоения накопленного до нее опыта. Мне самому Татьяна Михайловна Николаева запомнилась прежде всего студенткой, прилежно посещавшей мой только начавшийся в конце моих аспирантских лет курс хеттского языка. Она была одной из тогда появившихся дружных компаний сверходаренных юных филологов, которые, соревнуясь друг с другом и затмевая друг друга, словно спешили наверстать упущенное старшими поколениями за годы подавления мысли. Теперь чуть ли не все они увенчаны академическими званиями и почетными степенями в разных странах. Задаешься вопросом: отчего эти совсем молодые люди выбирали именно лингвистику? Вероятно, в ней наделенные интересом к науке о человеке и его культуре находили искомое соединение настоящего знания с относительной свободой от постороннего вмешательства в гуманитарные занятия. Таланты могли только здесь реализовать без вмешательства чуждых и порой отвратительных внешних сил.

Позднее, познакомившись ближе с Татьяной Михайловной, я понял, что с ранних лет она впитывала воздух самозабвенного посвящения себя науке. Этому учил пример ее отца – выдающегося ученого – и следовавшей за ним матери Тани. Вся семья – родители, старшая сестра и ее муж были погружены в серьезные и глубокие медицинские исследования. Таня Николаева переняла от них умение войти в суть исследуемого предмета. Но предмет, и у нее связанный, прежде всего, с человеком, она выбрала по своему вкусу, отличный от фамильных традиционных занятий. В этом сказалась сила ее характера, всегда стремившегося к собственному пути. Ее соученик А.Д. Михайлов, пленившийся тогда обворожительной девушкой и потом ставший ее мужем, еще в студенческие годы заметил ее талант в постижении особенностей структуры разнообразных литературных произведений, которые она стремительно прочитывала на разных языках, ею рано изученных. Но она тогда не пошла сразу и по этому сравнительно более легкому направлению, предпочтя часто утомительную работу над почти безграничным языковым материалом родного языка.

Следующий портрет рисует ее в момент напряженных и трудоемких работ. Она только что с блеском завершила университетское образование. Появилась совсем новая область, где новейшие технические достижения открывали невиданные перспективы перед всеми науками, в которых ученому начинал помогать компьютер. Таня Николаева была одной из первых, кто попробовал уже тогда применить эти новые возможности к переводу с языка на язык. Свои познания и умения в лингвистике она впервые раскрыла в работе в группе машинного перевода Института точной механики и вычислительной техники нашей Академии наук. Николаева была ответственной за правила построения русского текста, который тогдашняя еще очень несовершенная (первого поколения БЭСМ-1) электронно-вычислительная машина (иностранный наименование «компьютер» было еще не в ходу)

должна была строить при переводе с английского, китайского, японского и немецкого языков, которыми занимались другие сотрудники той же группы. К этим занятиям Николаева привлекла и меня. Мне запомнился облик Николаевой как исследовательницы, погруженной в детали синтаксического строения фразы. Мы занимались автоматическим переводом и усвоением всего, что для него требуется, буквально с утра до ночи. Утром могли быть математические лекции, скажем, специалиста в теории вероятностей Золотарева – по математической статистике для лингвистов или программиста Королева и занимавшейся на компьютерах переводом и строившей теоретико-множественные модели грамматики (у Келдыша и Ляпунова в Институте прикладной математики) Кулагиной – по программированию. Потом, после этой зарядки, наступала пора ежедневного писания правил, вечером – заседания семинаров, где встречались сотрудники разных машинно-переводческих групп (обычно в Педагогическом институте иностранных языков, где вскоре создавалась особая лаборатория, на этом виде занятий специализировавшаяся). Николаева участвовала во всей этой работе, но успевала кроме правил для компьютера писать и главы диссертации, и статьи, и успешно воспитывать дочь (к чему вернусь ниже).

Сейчас после более чем полувекового перерыва автоматический (в ту пору мы говорили: машинный) перевод благодаря успехам программ в ГУГЛе и других практически работающих системах становится одной из новых задач массового применения компьютеров. Достижения стали значительными благодаря расширению возможностей самих компьютеров, сравнивающих большие массивы текстов. Получаемый на этой основе перевод проясняет тематику и общий смысл высказывания, но грамматически совсем не аккуратен. Поэтому небезынтересно взглянуть на опыт тех первых лет. Возлагавшиеся многими надежды на разработку специальных методов математического или, во всяком случае, точного описания грамматики и особенно семантики все еще стоят в повестке завтрашнего дня. Для этого в будущем могут понадобиться и такие алгоритмические описания языка, над которыми начинала работать Николаева. Ее поощрял научный руководитель по аспирантуре Александр Александрович Реформатский. Вместе с П.С. Кузнецовым (его коллегой из младшего поколения членов Московского Лингвистического Кружка, заложившего основы мирового структурализма), Реформатский надеялся, что в описаниях грамматики для машинного перевода скажется плодотворность формального подхода к языку, раньше всего намеченного в московской школе Фортунатова. Ход событий, связанных с внедрением в гуманитарные науки новых кибернетических (в широком смысле слова, подобном современным обозначениям «искусственного интеллекта» и «когнитивных наук») методов, сделал дальнейшие занятия в этом направлении у нас возможными не только в связи с такими прикладными задачами, как машинный перевод.

Николаева еще в свой машинно-переводческий период приняла деятельное участие в разработке таких общих планов изменения направления описательных (синхронных) работ по лингвистике, которые соответствовали этим новым идеям. Когда А.И. Берг, отличавшийся неутомимостью в прокладывании дорог наукам, еще вчера объявлявшимися враждебными советской идеологии, задумал создать Научный совет по кибернетике, одной из самых деятельных его секций оказалась лингвистическая (включавшая по сути все работы семиотического круга, в том числе и нейролингвистику, и дефектологию, и антропологию). Николаева в качестве секретаря этой секции обнаружила свои незаурядные организаторские способности, которые многое определили в ближайшем будущем всего этого комплекса наук (помню, с каким огорчением Таня отрывалась от своих алгоритмических грамматических занятий, когда приходилось сочинять какой-то текст для Совета по кибернетике, но все же она преодолевала свое неудовольствие и составляла необходимый для всех нас документ). В работу одного из новых академических структуралистских секторов, созданных благодаря докладу Берга на Президиуме Академии, Татьяна Михайловна с самого начала включается как один из главных его организаторов. Она много лет была ученым секретарем Сектора структурной типологии Института славяноведения (в какое-то время прибавившего к своему наименованию «и балканистики»). А после моего ухода с поста заведующего до совсем недавнего времени она возглавляла этот Сектор,

показав замечательную способность оживить уже состарившееся научное подразделение, включив в него целый ряд одаренных молодых ученых. Тут передо мной возникают ее образы уже как умелой предводительницы группы ученых, умеющей со многими дружить. Мы вместе работаем, веселимся (в начале этих бурных лет было принято и ходить в походы, но Николаева, обремененная семейными обязанностями, не могла в них участвовать).

В те первые годы, когда Т.М. Николаева вместе с В.Н. Топоровым (который до меня был первым заведующим этим сектором) работала над созданием нового сплоченного коллектива специалистов в нескольких впервые открываемых областях занятий, они задумали проведенный в конце 1962 г. и вскоре завоевавший мировую известность Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. На нем Таня выступила и в качестве одного из главных докладчиков (по семиотике жестов, чем продолжала заниматься и позднее). Так началась кипучая работа московской школы семиотики, первые итоги которой Т.М. Николаева подведет тридцать лет спустя в составленной ей антологии трудов членов этого научного содружества и в нескольких статьях об истории сектора и всей школы. Ее интенсивной работе ученого-организатора мы обязаны теми еженедельными удивительно свободными и часто оригинальными заседаниями сектора, которые собирали увлеченных наукой из разных научных учреждений Москвы (впрочем, к нам забредали и тогдашние бездомные и полубездомные энтузиасты, не служившие государству) и вообще интеллигентных людей разных профессий – поэтов (например, бывал у нас Сапгир), художников (с докладом на симпозиуме выступал Вейсберг). Эта захватившая нас всех работа подвергалась идеологическим преследованиям в духе вялого полицейского режима тех лет. Были трудности в устройении новых конференций и издании семиотических сборников в Москве. На помощь нам пришел Ю.М. Лотман, к которому тогдашнее руководство Тартуского университета благоволило. Так организационно оформилась тартуско-московская семиотическая школа, одной из самых активных участниц которой стала Т.М. Николаева.

Помимо занятий семиотического направления (в частности, неречевой коммуникацией) Николаева в Институте славяноведения работала над темой фразовой интонации русского языка (и других языков, с ним исторически и географически соотнесенных, в том числе славянских, балканских, финно-угорских). Несмотря на наличие отдельных тонких замечаний у Пешковского и других лучших грамматистов и специалистов по фонетике в то время в этой области было мало сделано. Работы только начинались, и Николаева активно в них включилась. Несколько ее книг и множество статей, посвященных просодии, интонации, ударению стали важными результатами многолетних трудов Татьяны Михайловны.

Она овладела теми методами, которые определили место фонетики и в ряду всех тех областей знания, где находит решение едва ли не важнейшая задача близкого будущего – соединение достижений гуманитарной науки (в этом случае – фонологии и структурного синтаксиса) с точным естественно-научным и математическим знанием и основанной на нем вполне новой техникой (прежде всего акустической). Страсть к этому направлению работ, в России в предшествовавшие десятилетия несколько отстававших от мирового уровня, у Николаевой не остывает: совсем недавно ей удалось создать современного типа Лабораторию Экспериментальной фонетики в Институте славяноведения, оснастив ее приборами последних типов. Труды Николаевой получили широкую известность. Она стала признанным членом мирового фонетического содружества и в этой новой для нее роли содействовала успеху состоявшегося незадолго до конца советского периода в Таллине очередного всемирного фонетического конгресса.

Умение наладить сотрудничество не только с товарищами по сектору и другим институтам, но и с коллегами в других странах характерно и для собственно грамматических исследований Николаевой, в том числе и выполненных вместе с французскими лингвистами работ о русских частицах и их грамматических функциях, впервые подробно ею исследованных.

К последним десятилетиям наряду с серией трудов о звуковой стороне языка (в том числе и в связи с поэтической их ролью, столь важной для русской культуры прошлого

века) относят многочисленные работы по синтаксису (и по таким существенным его элементам, как союзы) и типологии. Она входит в группу сотрудников сектора, занявшихся сравнением способов выражения possessивности (в славянских и балканских языках в сопоставлении со многими другими языками мира). К этой теме раньше обращались лучшие авторы типологических работ советского времени, и в этом смысле ее можно считать традиционной для нашей науки. Николаевой и ее коллегам по этой теме удалось найти в ней много нового.

Николаева одной из первых заинтересовалась лингвистикой текста, занимающейся строением единиц высказывания, больших, чем одно предложение. При анализе таких обширных сверхфразовых (транслингвистических по Барту) единиц особенно существенны местоимения. К ним, как и к разным формам обращения говорящих друг к другу (в частности именам, прозвищам, титулам), Татьяна Михайловна подходит и в своих исследованиях форм речевого общения. Описание системы имен и местоимений становится частью намечаемой в ее трудах теории процесса коммуникации. Николаева подбирает целую группу авторов, с разных точек зрения исследующих синхронное функционирование и диахроническое развитие имен. Под ее редакцией выходят сборники, посвященные этой типологической теме.

Особое место среди ее работ последних десятилетий принадлежит трудам о «Слове о полку Игореве». Этим памятником многие крупные историки и лингвисты занимались в последние полвека, одни – пытаясь доказать его позднюю датировку, другие – находя явные языковые свидетельства его подлинности и древности. Николаева исходит из последнего как данности и вносит свой вклад в изучение структуры этого древнейшего образца русского поэтического творчества. Она исследовала основные смысловые оппозиции, раскрывающие модель мира у автора «Слова», характер анаграмм и аллитераций и другие черты поэтики памятника.

Из многочисленных продолжающихся до сегодняшнего дня общественных обязанностей Татьяны Михайловны стоит особенно отметить ее роль в возрождении (после несколько неудачного периода, предшествовавшего ее назначению главным редактором) роли журнала «Вопросы языкознания» как средоточия живой языковедной мысли и достигнутых лингвистами в разных местах страны результатов. Как член редколлегии, могу свидетельствовать, что Николаева в самом буквальном смысле исполняет роль главного редактора, читая и оценивая и все утверждаемые к печати после обсуждения на заседаниях редколлегии материалы, и многие из отвергаемых журналом. Татьяна Михайловна, оживленно, с ей свойственным чувством юмора, участвует в обсуждении статьи, которая многим не нравится, но мы все хорошо знаем автора. А Николаева бесстрашна – и статью, не отвечающую ее представлениям о науке, отклоняем. Ее деятельность на этом посту, как и на других, мной упомянутых, а также и таких, где она почти незаметно своим участием, пусть кратковременным или однократным, определяет путь развития института или учебного заведения, не проходит даром для науки, которую она когда-то избрала своей пожизненной задачей.

Из ее выдающихся педагогических достижений я хотел бы коснуться только одного – удачи в воспитании дочери Т.А. Михайловой. В том, что та стала известным кельтологом, конечно, заслуга и самой Татьяны Андреевны. Но ее мать сумела пронести научную эстафету предшествовавших поколений и передать ее дальше. В этом я вижу непреходящую заслугу Т.М. Николаевой и урок для всех нас, которые должны прежде всего думать о продолжении и сохранении культуры и ее наследовании.

В самое последнее время после смерти мужа Николаева с присущей ей самоотверженностью занималась подготовкой к изданию и переизданию его сочинений о Марселе Прусте. В это время она сама нашла силы для своей работы об этом удивительном писателе, к которому тянулось наше поколение. Ее собственная книга о Прусте мне представляется необычайно интересной. Особенно меня привлекло понимание Николаевой символики Пруста. Она исходит из тонких наблюдений В.В. Виноградова о символе в его книге (1940-го года) о стиле Пушкина. Я полагаю, что наблюдения этого рода могут быть

продолжены и по отношению к другим писателям, объединяемым умением превращать в символы избранные ими для описания предметы. Пережив увлечение европейским и русским символизмом (и последовавшим за ним постсимволизмом нашего Серебряного века, в более узком терминологическом смысле) мы можем теперь отнести к авторам, по преимуществу символистам, с гораздо более широким пониманием (наше псевдолитературоведение недавних лет всех их зачисляло в разряд «реалистов»).

Такие прозрения Т.М. Николаевой, которые помогут многим филологам в их занятиях труднейшими вопросами структуры текста, именования героев и других персонажей, способами речевого и неречевого общения, вошли в число важнейших идей наших филологических дисциплин, языкознания и литературоведения. Будем надеяться, что Татьяна Михайловна Николаева с прежним сочетанием своей научной дерзости и глубины проникновения продолжит открывать для нас всех новые пути.

© 2013 г. Вячеслав Вс. Иванов

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Татьяне Михайловне здоровья и творческих успехов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> (Moscow). The state and the church: the phenomenon of pilgrimage in Slovakia (to the twenty-fifth anniversary of the «Candle Demonstration»).....	3
<i>Shabalina E.V.</i> (Yekaterinburg) Cultural connotations of the numeral <i>nine</i> in the Russian linguistic tradition (in comparison with the Polish language).....	20

FROM THE HISTORY OF THE SLAVIC STUDIES

<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). Adolf Patera (1836–1912). To the question of the Russian-Czech scholarly contacts. To the centennial anniversary of the death of the Czech scholar.....	26
---	----

TO THE FOUR-HUNDRED-YEAR ANNIVERSARY OF THE HOUSE OF ROMANOV

<i>Kashanova O.S.</i> (Moscow). To the history of the coronation of Nicolas I in Warsaw (1829).....	37
<i>Sokolovskaya O.V.</i> (Moscow). The last reunion.....	49
<i>Ceobanu A.-B.</i> (Iași). The Romanian delegations on the coronations of Tsars Alexander III and Nicolas II.....	61
<i>Aksyonova Ye.P.</i> (Moscow). Antony Vassilyevich Florovsky on the Romanovs.....	69

REPORTS

<i>Shidlovsky S.O.</i> (Polotsk). From Ivan Aksakov's projects of social and cultural reorganisation of the North-Western region of the Russian Empire.....	78
<i>Shajdurova V.N.</i> (St. Petersburg). On the emergence of the Polish community in Western Siberia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries.....	86
<i>Ganin A.V.</i> (Moscow). The Ukrainian armies' Joint Staff officers in the Soviet Russia and the USSR after the Civil War (1920–1945).....	93
<i>Korovitsina N.V.</i> (Moscow). Some aspects of sociological researches in contemporary Poland.....	105

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kossik V.I.</i> М. Смольянинова. Васил Друмев (Митрополит Климент).....	112
<i>Kossik V.I.</i> Последните български владци в Македония.....	114
<i>Savchuk V.S.</i> Л.П. Лаптева. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в.....	116

JUBILES

<i>Ivanov Vyach.Vs.</i> To the portraits of the jubilant: Tatyana Mikhailovna Nikolaeva.....	123
--	-----

Сдано в набор 21.06.2013 Подписано в печать 15.08.2013 Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100^{1/16} Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,7 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 252 экз. Зак. 1532 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

